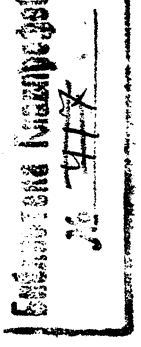
Проф. Н. КУЛЬМАНЪ.

ИЗЪ ИСТОРІИ

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.



ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1917.

PG
2021

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1910 годъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
730
54

5167

15587

I.

Грамматическій анализъ языка въ Европѣ начался еще въ глубокой древности. Если Платонъ и Аристотель не сдѣлали явленій языка предметомъ чисто грамматическаго вниманія и разсматривали ихъ преимущественно съ точки зрѣнія логической, то въ Александрійскій и Римскій періоды языкъ сталъ уже изучаться съ формально-грамматической стороны. Въ Римѣ увлеченіе грамматикой было настолько сильно, что даже государственные люди любовно посвящали ей свои досуги [1]).

Терминъ „грамматика“ понимался, впрочемъ, шире, чѣмъ теперь. Подъ нимъ разумѣли и грамматическую классификацію словъ, и орѳографію, и синонимику, и отчасти даже то, что входитъ у насъ въ такъ называемую „теорію словесности“. Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляютъ разсужденія знаменитаго римскаго ритора, Марка Фабія Квинтиліана (35—118 г. по Р. Х.). Онъ дѣлилъ грамматику на двѣ части: первая должна ознакомить учениковъ съ „правильнымъ способомъ выражать мысли словомъ“, вторая имѣетъ цѣлью дать руководство для чтенія стихотворцевъ. Поэтому, по мнѣнію Квинтиліана, при изученіи грамматики необходимо знаніе музыки (для анализа стихотворныхъ размѣровъ) и философіи [2]).—Грамматикѣ начинали учить сейчасъ же послѣ пріобрѣтенія навыковъ въ бѣгломъ чтеніи и письмѣ.

Уже въ ту далекую эпоху создалась извѣстная грамматическая схема, и выработались основы грамматической терминологіи — ученіе о подлежащемъ и сказуемомъ, о частяхъ рѣчи, названія падежей, временъ, залоговъ, наклоненій и т. д. При этомъ замѣчается любо-

[1]) Анекдотическія преданія объ этомъ можно найти у *Boeckh.* Encyklopadie und Methodologie der philolog. Wiss. Leipz. 1877.

[2]) *M. Fabii Quintiliani* Institutionis oratoriae lib. I, cap. IV.

пытное явленіе: грамматическая классификація начинаетъ очень быстро усложняться и запутываться. Количество правилъ и исключеній становится огромнымъ, и въ примѣненіи къ школѣ грамматика, видимо, вызываетъ нѣкоторые протесты. По крайней мѣрѣ, Квинтиліанъ говоритъ о легкомыслiи тѣхъ, которые находятъ грамматику *маловажной* и *сухой*. Правда, онъ самъ признаетъ, что не слѣдуетъ „углубляться въ мелочныя, скуку наводящія тонкости, которыя давятъ разумъ“, но считаетъ, что „*въ грамматикѣ вредно только то, что излишне*“, и въ восторженныхъ выраженіяхъ указываетъ на ея значеніе: „Грамматика“, пишетъ онъ, „нужна для дѣтей, пріятна для старцевъ, въ уединеніи нѣжная спутница“ [1]).

Греко-римское грамматическое преданіе было унаслѣдовано Западной Европой, создало тамъ почву для первыхъ грамматическихъ изслѣдованій новыхъ языковъ, а затѣмъ перешло и къ намъ [2]).

Богатство греко-римской терминологіи и сложная, искусная классификація привели къ рабскому подражанію древнимъ грамматикамъ, такъ что нерѣдко явленія языка подгонялись подъ выработанные греко-римской школой термины, хотя сплошь да рядомъ были имъ совершенно чужды.

Наиболѣе раннимъ источникомъ элементарныхъ грамматическихъ разсужденій на славянской почвѣ было предисловіе Іоанна, экзарха

---

[1]) „Necessaria pueris, iucunda senibus, dulcis secretorum comes“. Inst. orator., ibid.

[2]) Первымъ сочиненіемъ по языку былъ Платоновскій діалогъ „*Кратилъ*“ (есть русскій переводъ Карпова 1863 г.). О немъ см. *Benfey.* „Ueber die Aufgabe des platonischen Dialogs: Kratylos“. Наиболѣе систематическая обработка грамматическихъ категорій была дана въ сочиненіяхъ грамматика II вѣка по Р. Х., *Аполлонія Дискола*, о которомъ см. *Egger.* „Apollonius Dyscole“ и *L. Lange.* „Das System der Syntax des Apollonios Dyskolos“.

Общую характеристику грамматическихъ воззрѣній древнихъ грековъ и римлянъ можно найти въ слѣдующихъ трудахъ: *Benfey.* „Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland“. Munchen. 1869. — *Steinthal.* „Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern“. 2-te Auflage. 1890. — *Delbruck.* „Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen“. 4-te Auflage. Leipzig. 1904 (изданіе совершенно переработанное). — Въ этихъ трудахъ есть и библіографическія указанія по отдѣльнымъ вопросамъ.

Черезъ *Доната* (IV стол. по Р. Х.) и *Присціана* (VI в.) античная грамматика была передана среднимъ вѣкамъ. Объ этомъ періодѣ см. *Thurot.* „Notices et extraits“, XXII, 2. Paris. 1868. — *Delbruck.* „Vergleichende Syntax“. — „Historische Grammatik der lateinischen Sprache“ herausg. v. *Landgraf*, 3 Band, „Einleitung in die Geschichte der lateinischen Syntax“ v. *Golling.* Leipz. 1903.

болгарскаго, къ переводу богословія Іоанна Дамаскина, гдѣ говорится о нѣкоторыхъ отличіяхъ славянскаго языка отъ греческаго [1]). Кромѣ того, въ славянскомъ мірѣ было широко извѣстно сочиненіе, приписываемое Іоанну Дамаскину: „Книга философскаа о осмихъ частѣхъ слова“ [2]).

Самые ранніе русскіе списки этой грамматики, дошедшіе до насъ, относятся къ XV вѣку [3]). Въ виду того, что она пользовалась необычайно широкимъ распространеніемъ и оказала сильное вліяніе на первыя русскія грамматики, содержаніе ея представляетъ для насъ значительный интересъ. Вотъ общій обзоръ ея [4]):

Введеніе: обязанность изучать составныя части слова.

Перечень восьми частей слова [5]).

Часть первая. *Имя*. Опредѣленіе имени.

I. Дѣленіе имени по *роду* (мужск., женск., средн.).

1) Родъ узнается по *окончанію*. Перечень падежей, которыхъ указывается, соотвѣтственно греческому—*пять*.

2) Родъ узнается по *различію* (члену). Перечень отступленій отъ правильнаго окончанія по роду.

II. Имя дѣлится безъ различія рода на:

1) *общее* (наше нарицательное), 2) *собное* (наше собственное).

---

[1]) Это разсужденіе встрѣчается въ многочисленныхъ рукописяхъ XVI — XVII вѣковъ.

[2]) На самомъ дѣлѣ происхожденіе этой статьи относится къ началу XIV вѣка; она составлена въ Сербіи по позднимъ греческимъ источникамъ. См. *Ягичъ*. „Разсужденія южнославянской и русской старины о церковнославянскомъ языкѣ“ въ „Изслѣдованіяхъ по русскому языку“. Изд. отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. I, стр. 326—328.

[3]) См. *Соболевскій*. „Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ“, стр. 20—21.

[4]) Въ этомъ обзорѣ я пользуюсь схемой, составленной И. В. Ягичемъ, внося въ нее, однако, разнаго рода дополненія разъясняющаго характера. Ср. *Ягичъ*. „Разсужденія южнослав. и рус. стар. о церковнослав. яз.“ т. I, стр. 342—344.

[5]) Всѣ названія частей рѣчи представляютъ собою *буквальный* переводъ съ греческаго: *имя* — ὄνομα, *рѣчь* — ῥῆμα, *причастіе* — μετοχή, *мѣстоимене* — ἀντωνυμία, *предлогъ*—πρόθεσις, *нарѣчіе*—ἐπίῤῥημα, *сгузъ*—σύνδεσμος, *различіе* (членъ)—ἄρθρον.— Востоковъ ошибочно думалъ, что эти термины переведены Максимомъ Грекомъ. См. его „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ“. Каченовскій предполагалъ, что эта терминологія впервые явилась въ львовской грамматикѣ 1591 г. См. его статью „Историческій взглядъ на грамматику славянскихъ нарѣчій“ въ „Трудахъ общ. люб. Рос. слов. при Моск. унив.“ ч. 9, стр. 33—34.

III. Имя дѣлится по *числу* на:

1) единственное, 2) двойственное, 3) множественное.

IV. Имя обладаетъ слѣдующими свойствами:

1) *Родъ* (три рода, какъ сказано въ п. I).

2) *Видъ*, по которому имя дѣлится на:

а) *первобытное*, б) *дѣйственное*, в) *повѣстное*, г) *рододатное*. (Такъ, слово „*человѣкъ*“ — первобытное, „не бо отъ иного пріатся“; „*ковачъ*“ — дѣйственное, „яко отъ дѣйства прозывается“; „*шумякъ*“ — рододатное, отъ рода; „*обѣшенникъ*“—повѣстное, отъ повѣсти (событія), „бо подастъ всему роду обѣшеніа имя).

3) *Начертаніе*, которое дѣлится на:

а) *простое*, напримѣръ Павелъ, Петръ, „яко отъ единой части слова состоятся“; б) *сложное*, напр. Радославъ, Добромиръ, „всяко бо сихъ отъ двою частію слова слагаются“; в) *пресложное*, напр. благоповѣстникъ, злоприятенъ, „еже отъ трехъ частей слова слежится“.

4) *Число* (три числа, какъ сказано въ п. III).

5) *Паденіе* (падежей пять, какъ въ п. I, 1, но только въ другомъ порядкѣ [1]).

---

[1]) Образецъ склоненія дается въ такой схемѣ:

Единственное число.

Падежи.	*Мужск. рода.*	*Женск. рода.*	*Средн. рода.*
Права (именит.)	человѣкъ	жена	естество
Родна (родит.)	человѣковъ	женина	естествово
Виновна (винит.)	человѣка	жену	естества
Дателна (дательн.)	человѣку	женѣ	естеству
Звателна (звательн.)	о человѣче!	о жено!	о естество!

Множественное число.

Права	человѣци	жены	естества
Родна	человѣкъ	женъ	естествъ
Виновна	человѣкы	жены	естества
Дателна	человѣкомъ	женамъ	естествомъ
Звателна	о человѣци!	о жены!	о естества!

Двойственное число.

Права, виновна	человѣка	женѣ	естествѣ
Родна	человѣку	женѣ	естеству
Дателна	человѣкома	женама	естествома
Звателна	о человѣка!	о женѣ!	о естествѣ!

Часть вторая. *Рѣчь* (т. е. глаголъ)—„часть слова непадающи, сказателна лицу и времени, дѣйству же и страсти и обѣма въкупѣ“.

I. Перечень формъ глагола.

1) Времена дѣйствительнаго и страдательнаго залога: *настоящее, прошедшее, будущее.*

II. Дѣленіе глагола на:

1) *изложенія* (наши наклоненія):
   а) *повелѣнное, молитвенное, вопросное, звательное, повѣстное.*
   б) *необавное* (т. е. неопредѣленное) „не бо можетъ само о себѣ изъявити лица ли времени ли залога“.
2) *залоги*: а) *дѣйственый*, б) *страдальный* и в) *дѣйства и страсти залогъ*, т. е. средній. (Къ страдательному относятся, между прочимъ, такіе глаголы, какъ *померкнуть*, *распасться*, такъ какъ они обозначаютъ „страсть“).
3) *виды*: а) *первообразный* (хощу, пріиму), б) *преводный* (восхощу, воспріиму).
4) *начертанія*: а) *простыя* (дамъ), б) *сложныя* (воздамъ), в) *пресложныя* (воздамъ ему).
5) *числа* и перечень формъ всѣхъ трехъ чиселъ дѣйствительнаго и страдательнаго залога.
6) *лица* (азъ, ты, онъ си).
7) *времена*: а) *предибывшее* (съ подраздѣленіями: *протяженое* (біяхъ), *непредѣльное* (бихъ), *надпредѣляемое*, *предлежимое*. Формъ послѣднихъ не указано, только замѣчено, что онѣ „языку непріятнѣ“), б) *настоящее*, в) *будущее* (съ подраздѣленіями: *помалѣ бывающее*, напр. *бити хощу*, и *будущее*, напр. *бити имамъ*).

Перечень формъ въ дѣйствительномъ и страдательномъ залогахъ.

8) *супружества* и указаніе на число ихъ у грековъ — 13. Повидимому, эту сторону въ славянскомъ языкѣ составитель не представлялъ ясно.

Часть третья. *Причастіе* — „есть глаголъ имѣяй нѣкая послѣдствующа (т. е. свойства) рѣчи и нѣкая послѣдствующа именю... Сего ради и глаголется причастіе, зане причаствуетъ и именю и рѣчи“.

1) перечень формъ причастія дѣйствительнаго и страдательнаго залога.
2) перечень свойствъ причастія.

Часть четвертая. *Различіе* (членъ)—„есть часть едина осмь частей

слова, сказателно паденіемъ само о себѣ: *иже* человѣкъ мужескаго имене, *яже* слава женскаго, *еже* древо средняго имене".

1) Перечень формъ.
2) Дѣленіе на:
   а) *предчинныя*: „предчинна предваряютъ чинъ и слогъ именю".
   б) *подчинныя*: „подчинна послѣдующа симъ".
3) Разница въ употребленіи члена между греческимъ и славянскимъ языками.

Такова была въ существенныхъ чертахъ та грамматика, вліяніе которой на первые наши учебники не подлежитъ сомнѣнію. Въ ней много непослѣдовательности и прямыхъ противорѣчій [1]), но она представляетъ собою зерно, изъ котораго въ скоромъ времени суждено было развиться русской школьной грамматикѣ.

Правда, объ учебныхъ предметахъ говорится въ старыхъ памятникахъ глухо: „наученъ бысть грамотѣ и всякому благочестивому обычаю", „извыче божественое писаніе", „извыче книжное ученіе"—вотъ выраженія, которыми характеризуются грамотники.

Однако въ „Стоглавѣ" уже находимъ нѣкоторыя данныя о преподаваніи въ древнерусскихъ школахъ до XV—XVI вѣковъ: „А преже сего училища бывали въ Російскомъ царствіи на Москвѣ и въ великомъ Новѣградѣ и по инымъ градомъ многіе *грамотѣ, писати и пѣти и чести учили*" [2]). Слѣдовательно, было только чтеніе, письмо, пѣніе да, вѣроятно, первоначальный счетъ. Въ школахъ давалась элементарная грамотность, а книжники, начетчики образовывались самоучкой. „Аѳинейски премудрости", т. е. „философію, риторію и всю грамматикію", если и изучали, то немногіе, исключительно выдающіеся люди.

Конечною цѣлью какъ школьнаго обученія, такъ и самообразованія, были божественныя книги: „Подобаетъ убо вамъ, учителіе", читаемъ въ одной старой рукописи, „вѣдѣти, како вамъ младыхъ дѣтей учити божественнымъ писменемъ. Первое убо въ началѣ буквамъ, сирѣчь азбуцѣ, потомъ же *часовники и псалтыри и прочія божественныя книги* и паче же убо всего—еже бы вамъ наказати и изучити ученикомъ азбука" [3]).

---

[1]) Подробный разборъ ея въ указанной статьѣ Ягича, стр. 344—365.

[2]) Стоглавъ, гл. 25.

[3]) Синод. № 850, XVII в., л. 527. Цитирую по брошюрѣ *А. И. Соболевскаго* „Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ". С.-Пб. 1892. Стр. 18.

Грамматика до конца XVI столѣтія не входила въ кругъ предметовъ обученія, да въ ней и не было особой необходимости. Поэтому, вполнѣ понятны слова предисловія къ передѣлкѣ грамматики Мелетія Смотрицкаго (изданіе 1721 г.): „Издревле россійскимъ дѣтоводцемъ и учителемъ обычай бѣ... учити дѣти малыя въ началѣ азбуцѣ, потомъ часословцу и псалтыри, таже писати; по сихъ же нѣцыи преподаютъ и чтеніе апостола“.

При мучительно медленныхъ способахъ обученія грамотѣ много времени нужно было потратить на усвоеніе процесса бѣглаго чтенія и письма. Остальное предоставлялось личнымъ вкусамъ человѣка, овладѣвшаго элементарнымъ орудіемъ для пріобрѣтенія книжныхъ знаній.

При обученіи письму, конечно, преподавали орѳографію, но по своему характеру это преподаваніе не нуждалось въ грамматическихъ свѣдѣніяхъ, кромѣ развѣ ученія о родахъ и числахъ. Образчикомъ сообщавшихся орѳографическихъ правилъ можетъ служить „Альфавитъ, како которая рѣчь говорити или писати“, относящійся къ началу XVII вѣка [1]).

Правила эти были несложны и касались, главнымъ образомъ, написанія простого или „покрытаго“, „подъ взметомъ“. Основаніемъ для всѣхъ правилъ такого рода были соображенія морально-религіозныя: „что покрыто пишется, то свято“. Поэтому все доброе, божественное, не враждебное вѣрѣ почиталось на письмѣ „взметомъ и покрытіемъ“, противоположное писалось просто, „складомъ“. Такъ, напр., св. ангеловъ, св. апостоловъ, Св. Духа, Христа-Бога рекомендовалось писать „подъ взметомъ“; аггл҃ъ, ап҃лъ, д҃хъ, хр҃тосъ. Враговъ же Христа, разныхъ „христовъ“ (антихриста, лжехриста), „епископовъ несвященныхъ“ и т. п. необходимо было писать „складомъ“. Русскихъ благочестивыхъ князей и княгинь, какъ живыхъ, такъ и умершихъ, требовалось писать „подъ взметомъ“, князьямъ же языческимъ или жидовскимъ такой почести не полагалось.

Эти правила являлись главными. Немногочисленныя остальныя касались постановки удареній, употребленія ѳиты и ферта, родовыхъ окончаній, причастій, согласованія въ числѣ и т. п. Нарушеніе главныхъ правилъ разсматривалось не только какъ безграмотность, но и какъ грѣховный поступокъ. Поэтому предлагалось „прилежно“ смо-

---

[1]) Напечатанъ въ сочиненіи Калайдовича „Іоаннъ, эксархъ Болгарскій“, страницы 198—207.

трѣть въ сборники орѳографическихъ указаній, чтобы не смѣшать того, чего нельзя было смѣшивать: „Господа ради не смѣшай несмѣсная“, обращались къ пишущимъ составители сборниковъ.

Но если до XVI вѣка въ грамматикѣ не нуждались, то съ XVI въ югозападной Руси она уже несомнѣнно стала преподаваться и даже въ значительномъ объемѣ. Конечно, здѣсь и раньше, благодаря близости къ Польшѣ и Западной Европѣ, были истинно образованные люди, для которыхъ научное по тогдашнимъ воззрѣніямъ знаніе было болѣе или менѣе доступно. Въ этомъ отношеніи югозападная Русь шла впереди сѣверовосточной. Однако расширеніе круга предметовъ общаго школьнаго образованія явилось здѣсь результатомъ не отвлеченно-теоретическихъ стремленій, а было вызвано насущными потребностями текущей жизни.

Къ сознанію необходимости широкаго образованія привели съ одной стороны — успѣхъ блестящей іезуитской пропаганды, съ другой—унія. На православную вѣру и русскій языкъ [1]) надвигалась гроза: „Велми много“, читаемъ въ одномъ документѣ той эпохи, „зашкодило панству Рускому, же не могли школъ и наукъ посполитыхъ розширяти, и оныхъ не фундовано: бо коли бы были науку мѣли, тогда бы за невѣдомостію своею не пришли до таковые погибели“. А погибель заключалась въ томъ, что русскіе православные люди „не маючи своихъ наукъ, у науки Римскіе своѣ дѣти давати почали, которые зъ науками и вѣры ихъ навыкли, и такъ по малу-малу науками своѣми все паньство Руское до вѣры Римской привели, ижъ потомкове княжатъ Рускихъ зъ вѣры православной на Римскую выкрестилися, и назвиска и имена собѣ поотмѣняли, яко бы николи не знались быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ“ [2]).

Въ этомъ документѣ указано не только явленіе, опасное для русской національности, но и намѣченъ планъ борьбы съ нимъ. Если опасность грозила главнымъ образомъ со стороны іезуитскихъ школъ, въ которыя по необходимости, за отсутствіемъ русскихъ училищъ, поступала русская молодежь, то, очевидно, нужно было приняться за организацію общаго образованія на основѣ русской народности и пра-

---

[1]) Югозападная русская рѣчь уже съ XV вѣка была полна полонизмовъ. *Ст. Лебедевъ*. „Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и на устройство училищъ въ Россіи“. С.-Пб. 1848. *П. Житецкій*. „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в.“ К. 1889.

[2]) Акты, относ. къ исторіи Зап. Россіи, IV, № 149, стр. 204 — 205. Историко-полемическое изслѣдованіе Львовскаго священника въ предостереженіе православнымъ.

вославной вѣры [1]). Но для этого слѣдовало стать въ дѣлѣ просвѣщенія вровень съ іезуитами. Вотъ почему образовавшіяся братства начали основывать школы, отправляли молодыхъ людей на Западъ, стремились поднять школьныя программы, чтобы онѣ не оказывались ниже іезуитскихъ. А такъ какъ грамматика лежала въ основѣ преподаванія въ іезуитскихъ школахъ, то вполнѣ естественно, что она заняла почетное мѣсто и въ братскихъ училищахъ. Въ § 10 устава Луцкой школы уже опредѣленно указывается, что ученики должны учиться грамматикѣ съ разборами [2]). Наряду съ греческой и латинской грамматикой во всѣхъ лучшихъ братскихъ школахъ, напр. Виленской, Львовской, Кіевской,—вводится съ этого времени, какъ главный предметъ преподаванія, и грамматика славянская [3]).

На новыя потребности откликнулись образованные люди, и вскорѣ одна за другой начинаютъ появляться славянскія грамматики. Знаменательно, что *первой печатной* грамматикой славянскаго языка оказалось то сочиненіе, которое было упомянуто выше, — „Книга философскаа о осмихъ частѣхъ слова“. Очевидно, авторитетъ ея стоялъ очень высоко.

До насъ дошелъ неполный экземпляръ этой книги *изданія 1586 года*, хранящійся въ Петербургѣ, въ библіотекѣ Общества любителей древней письменности [4]). На послѣднемъ листѣ находятся строки, кото-

[1]) Сдѣлать это было нелегко вслѣдствіе оппозиціи со стороны поразительнаго невѣжества. Іоаннъ изъ Вишни, напр., писалъ князю Острожскому: „По діавольскому навожденію славянскій языкъ обмерзѣлъ многимъ..., но онъ есть плодоноснѣйшій и любимѣйшій Богомъ языкъ человѣческій именно за то, что нѣтъ на немъ ни грамматики, ни риторики, ни діалектики“. (Акты Ю. и З. Рос. т. II, стр. 210—211).

[2]) Для опредѣленія круга школьныхъ занятій и интересовъ того времени очень любопытенъ одинъ документъ—реэстръ книгъ Львовскаго ставропольскаго братства, *составленный въ 1601 году*. Среди латинскихъ сочиненій здѣсь между прочимъ помѣчены. *Грамматика Оливра, Кленарди Грамматика, Грамматика латынская партесъ осмъ*.—Этотъ реэстръ напечатанъ въ трудѣ *С. Голубева* „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, т. I, прил., стр. 167—171. См. также изслѣдованіе *П. К. Харламповича*, „Западнорусскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка“. Казань 1898 г.

[3]) Всѣ эти грамматики скоро, вѣроятно, вошли въ кругъ учебныхъ предметовъ и въ болѣе мелкихъ школахъ. Въ *1592 году*, напр. Перемышльскій епископъ, Мих. Копыстенскій, просилъ Львовское братство прислать въ Перемышль „дидаскала для научения письменнаго дѣтей... аще ли мощно искуствомъ греческого, латинского и словенского“. *С. Голубевъ*. Петръ Могила. Т. I, прил. стр. 29. Ср. здѣсь же страницы 32—35.

[4]) № 3094. Другой экземпляръ находится въ библіотекѣ Перемышльскаго собора І. Крестителя. См. *Голубевъ*. „Исторія Кіевской академіи“, вып. I.

рыя показываютъ, что печатаніе ея было вызвано *религіозными, общественными и патріотическими* мотивами: жители Вильны просили о ея напечатаніи, а издатели выражали надежду, что она послужитъ „на несмертную славу народу“ и будетъ источникомъ „наученья и вырозумѣнья божественнаго писанья“ [1]).

Въ *1591 году* появилась грамматика, составленная Львовскими студентами подъ руководствомъ профессора школы, митрополита Арсенія: „Αδελφοτης. Грамматика доброглаголиваго Еллинословенскаго языка, совершеннаго искуства осми частей слова, ко наказанію многоименитому Россійскому роду, во Львовѣ, въ друкарни братской, року 1591... Сложенна отъ различныхъ Грамматикъ спудейми (студентами), иже въ Львовской школѣ“ [2]).

Эта грамматика тоже не случайнаго происхожденія, а связана съ церковно-общественными нуждами эпохи. Въ предисловіи разъясняется, почему раньше не было на Руси грамматики, какъ основы научнаго

---

[1]) Вотъ это послѣсловіе цѣликомъ: „Бога благаго благодатію, а за прозбою жителей столицы великаго князства литовъскаго града Вильни. Сия кграмматыка словеньска языка з газоѳилакіи славнаго града Острога властное отчизны яснѣ вельможного княжати и пана пана Константина Константиновича, княжати на Острогу, пана на Дубнѣ, воеводы Кіевъскаго, маршалька земли Волыньское и прочая. З щодробливое его милости ласки выдана для наученья и вырозумѣнья божественнаго писанья, а за помочью Христовою на несмертную славу народу дому его княжатской милости выдрукована в мѣсте Виленьскомъ. Вроку нароженья Слова и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1586, мѣсяца октявріа 8 дня, на память преподобныя матере нашея Пелагеи. А отъ сотворенія свѣта 7095 го въ друкарни дому Мамоничовъ“.

Такъ какъ эта грамматика есть не что иное, какъ „Книга философскаа“, то совершенно непонятны слова С. К. Булича, который говоритъ, что она *„являлась плодомъ наблюденій надъ тогдашнимъ церковнославянскимъ языкомъ, напр. Острожской библіи“*.—См. *С. К. Буличъ.* Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, т. I, стр. 170. Не повторялъ ли въ данномъ случаѣ С. К. Буличъ мысли П. Житецкаго, который говоритъ то же самое въ „Очеркѣ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія“? (Кіевъ 1889 г., ч. I, стр. 16). Во всякомъ случаѣ, это невѣрно.

[2]) Находится въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки (I, 7, № 1[a]).— Вѣроятно, надъ этой грамматикой трудились долго. Въ посланіи Виленскихъ православныхъ гражданъ Львовскому братству, датированномъ 28-го мая 1588 года, читаемъ: „Посласте намъ начало, проображеніе святыхъ писаній Грамматическихъ языка Греческого и Словеньского, наказующе ны, да пріймемъ со благоразуміемъ, да и прочимъ сподобимся, по евангельскому реченію. Сія убо разсмотрѣвше достойно, молихомъ Спаса нашего, да якоже прежде начатъ, такожде и совершитъ во васъ благодать сію“. (Акты Зап. Рос., т. IV, № 4, стр. 5—6). Несомнѣнно, рѣчь идетъ о начальныхъ работахъ надъ „Адельфотисомъ“. За ними слѣдили съ сочувственнымъ вниманіемъ.

знанія: „Понеже прежде вроссійскомъ родѣ мало сихъ обрѣсти, данечудишися; Ибо къ концу тисячнаго лѣта Христова воплощенія вновосажденніи процвитши, неплодно изсыхающе завистію непріязненною истерзаеми суще. Изволеніемъ же Божія человѣколюбія, прійде святѣйшій патреархъ великія Антіохія Божія града, киръ Іоакимъ въ богохранимый градъ Львовъ року 1586, мѣсяца генуарія. *Увидѣже нерадѣніе о исправленіи въ росскомъ родѣ, совѣтова сія изряднѣ полезнѣйша быти: братство, школа и друкарня.* Втоже лѣто, мѣсяца іюнія отъ вселенскаго патріарха ексаршески прійде, митрополитъ димонизскій и еласонскій киръ Арсеніе, иже школное ученіе наченше пребысть зде во градѣ Львовѣ уча двѣ лѣтѣ“. Съ благословенія вселенскаго патріарха дѣло было начато, и однимъ изъ первыхъ плодовъ просвѣтительнаго движенія явилась грамматика „Адельфотисъ“ [1]).

Въ *1596 году* въ Вильнѣ былъ напечатанъ новый обширный грамматическій трудъ: „Грамматика Словенска, съвершеннаго искуства осми частій слова и иныхъ нуждныхъ, ново составленна Л. Z.“ (Лаврентіемъ Зизаніемъ) [2]).

Наконецъ *въ 1619 году* появилось знаменитое сочиненіе: „Грамматики славенския правилное Cунтагма; потщаніемъ многогрѣшнаго

---

[1]) Объ „Адельфотисѣ“ см. „студію“ д-ра *Кир. Студинського* въ „Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка“, т. VII.

[2]) Есть въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публ. Библ. подъ знаками: I, 7, № 11[a]. Грамматикѣ предпослана такая многозначительная „епиграмма“:

„Грамматика писма всѣхъ научаетъ,
четырма частми латве уразумляетъ.
Орѳографіею и просодіею
синтаксисомъ и етимологіею.
А предреченъное еи опасство
подаетъ певное искуство.
Которіи прагнутъ быти досконали,
въ письмѣ и въ словахъ абы непратали.
Але изъвѣстъно все познавали
и чого ся учатъ абы добре знали.
Ключемъ бо есть отворяючи всѣмъ умъ,
къ познанію въ преправый разумъ.
По которой власне якъ повсходѣ пойдетъ,
каждый если хочетъ всѣхъ наукъ дойдетъ“.

Авторъ этой книги въ предисловіи къ изданію „Бесѣдъ Златоустаго“ 1623 г. названъ „святой православной вѣры исповѣдникъ и проповѣдникъ, мужъ благоговѣйный, дидаскалъ и витія, знатокъ греческаго языка“. См. *Голубевъ*. Петръ Могила, т. I, стр. 272.

мниха Мелетія Смотрискаго въ Киновіи братства церковнаго Виленскаго при храмѣ сошествіа пресвятаго и животворящаго Духа назданномъ, странствующаго, снисканное и прижитое лѣта отъ воплощенія Бога Слова въ Евю 1619“ [1]).

Изданіе этой книги показываетъ, что грамматическое преподаваніе успѣло получить широкое распространеніе въ юго-западной Руси. Вмѣстѣ съ тѣмъ начали выясняться и нѣкоторые *методическіе* вопросы. Въ предисловіи Смотрицкій болѣе обстоятельно, чѣмъ это было раньше, выясняетъ значеніе грамматики: „Научитъ“, говоритъ онъ, „въ реченіихъ розознаня розличности Грамматичныхъ слова частій: научитъ Именъ склоненія, а Глаголовъ спряженія, ведлугъ власности окончений (на чомъ намъ барзо сходило) языка чисте Славенского: научитъ порядку и споряженя словъ которыи за которыми для лацнѣйшого найдуючогося въ нихъ розуму понятя ведлугъ Сочиненія покладаны быти маютъ. Укажетъ зле положеное слово: укажетъ збытнее, укажетъ и чого бы недоставало. Научитъ мовлю и читати по Славенски, и писати роздѣлне и чтомое вырозумѣвати лацно“.

Планъ ученія, намѣченный Смотрицкимъ, тоже представляетъ значительный интересъ благодаря указаніямъ на необходимость имѣть даже въ букварѣ нѣкоторые грамматическіе элементы: „Дѣткамъ“, говоритъ авторъ, „учитися починающимъ Букварь, звыкле рекши Алфавитарь, з той же Грамматики вычерпненый, *абы склоненіямъ Грамматичнымъ з лѣтъ детинныхъ з мовою заразъ привыкали*, до выученя подаванъ нехай будетъ. По Часослова и Псалтыри (которыи опусканы быти не маютъ) выученю ся овая Грамматика з выкладомъ, то есть з показованемъ и ужыванемъ еи пожитковъ наступитъ“.

Вѣроятно, въ связи съ этимъ *въ 1621 году* появилась въ Вильнѣ небольшая книжечка подъ заглавіемъ: „Грамматика. албо, сложенія письмена, хотящимъ ся учити словеньскаго языка, *младолѣтнымъ отрочатомъ*“ [2]). Въ началѣ ея сдѣлано примѣчаніе: „Сія азбука отъ книги осмочастныя, сирѣчь грамматикіи“. На самомъ дѣлѣ, никакого

---

[1]) Въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публ. Библ. 2 экземпляра изданія 1619 года подъ знаками: I, 8, № 27[a] и I, 8, № 26.—*Второе* изданіе этой книги вышло въ 1629 году въ Вильнѣ, *третье*—безъ имени автора, съ передѣлками, въ Москвѣ въ 1648 году (И. П. Библ. III, 6, № 11[b]).

[2]) Рукописное отдѣленіе Имп. Публ. Библ. I, 8, № 36. На заглавномъ листѣ помѣщена картинка, изображающая сцену изъ школьной жизни: учитель въ классѣ наказываетъ ученика розгами.

обычнаго грамматическаго матеріала здѣсь нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ парадигмъ склоненій и спряженій, расположенныхъ безъ всякой системы по буквамъ. Теоретическія свѣдѣнія и терминологія совершенно отсутствуютъ. Очевидно, измѣненные по падежамъ или лицамъ (безъ наименованія тѣхъ и другихъ) имена и глаголы служили для упражненія въ чтеніи и только косвенно должны были пріучать „з лѣтъ детинныхъ“ склонять и спрягать. Въ этой азбукѣ есть и своего рода просодія: помѣщено 26 примѣровъ измѣненія значеній слова въ зависимости отъ ударенія [1]).

Въ *1638 году* была издана тоже, очевидно, для школьнаго употребленія „Грамматіка или писменница языка словенскаго тщателемъ вькратцѣ издана въ Кремянци“ [2]).

II.

Къ концу XV и началу XVI вѣка отсутствіе образованія дало себя сильно почувствовать и въ сѣверо-восточной Руси: явилось церковное нестроеніе, искаженіе богослужебныхъ книгъ и книгъ священнаго писанія [3]). Вотъ почему уже со второй половины XV вѣка замѣчается въ Новгородѣ переводческая дѣятельность, вызванная рядомъ практическихъ житейскихъ задачъ. Ересь жидовствующихъ заставила не только озаботиться полнымъ кодексомъ библейскихъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ, но и переводить различныя иностранныя книги противъ евреевъ [4]).

---

[1]) Врядъ ли поэтому можно утверждать, какъ это дѣлаетъ С. К. Буличъ въ своемъ „Очеркѣ исторіи языкознанія въ Россіи“, вѣроятно, со словъ П. Житецкаго (ср. „Очеркъ литерат. ист. малор. нар.“, стр. 17), что эта „Грамматика“ составлена „*на основаніи*“ грамматики Смотрицкаго (с. 175). Въ сущности, какъ можетъ убѣдиться читатель, ничего *грамматическаго* въ ней нѣтъ. Очевидно, изслѣдователи были введены въ заблужденіе заглавіемъ, которому содержаніе не отвѣчаетъ. Любопытно, что этотъ букварь былъ перепечатанъ „списканіемъ и труды многогрѣшнаго Василія Ѳедорова сына Бурцева“ въ 1634 году подъ заглавіемъ: „Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ разумѣти божественнаго писанія“. О немъ см. ст. К. Калайдовича въ „Сѣверномъ Архивѣ“, 1823 года, ч. VI, с. 314—327. Ср. *И. К. Харламповичъ*. „Западнорусскія православныя школы“, стр. 449.

[2]) Экземпляръ этой книги есть въ Кременецкой духовной семинаріи. У меня въ рукахъ ея не было.

[3]) Когда послѣ Стоглаваго собора приступили къ пересмотру книгъ, то оказалось, что „мали обрѣтошася потребніи, прочіи же вси растлѣни отъ преписующихъ, ненаученныхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ“ („Обзоръ русской духовной литературы“ Филарета, 1859 г., стр. 201).

[4]) *А. И. Соболевскій*. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ. Библіографическіе матеріалы. С.-Пб. 1903. Стр. 40—41.

Приглашеніе правительствомъ въ Москву ученаго инока Святой Горы, Максима Грека, также должно было сыграть видную роль какъ въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія, такъ и въ самомъ взглядѣ на кругъ образовательныхъ предметовъ. Московскіе книжные люди увидѣли передъ собой въ лицѣ Максима Грека знатока богословія и свѣтскихъ наукъ. Недаромъ про него говорили: „Словеснаго любомудрія зѣло преисполненъ, священныя же философіи до конца навыклъ“ [1]).

Знакомство Максима Грека съ грамматикой, риторикой, діалектикой, съ греческой и римской литературой, съ греческой философіей создало благопріятную почву для восторженнаго удивленія и подражанія. Къ тому же Максимъ Грекъ былъ отличнымъ пропагандистомъ и многихъ успѣлъ убѣдить, что свѣтскія науки могутъ способствовать утвержденію благочестія и христіанской вѣры и что изученіе древнихъ языческихъ писателей не противорѣчитъ священному писанію. Хотя въ свѣтскихъ наукахъ есть „лжа и нечистота“, но отъ нихъ всегда возможно уберечься.

Конечно, нельзя преувеличивать значенія въ этомъ отношеніи Максима Грека, однако идейная сторона его дѣятельности оставила глубокіе слѣды и образовала кругъ людей, преданныхъ новому просвѣтительному движенію [2]).

Максимъ Грекъ не написалъ полной грамматики, но его перу принадлежитъ рядъ статей, затрагивающихъ различныя грамматическія темы. Широкое распространеніе этихъ статей свидѣтельствуетъ объ интересѣ, который онѣ возбудили. О томъ же говоритъ и обиліе грамматическихъ разсужденій, появившихся въ рукописныхъ сборникахъ съ XVI столѣтія [3]). На Максима встарину ссылались, какъ на

---

[1]) Рѣчь Арсенія Глухаго. Синод. Библ. № 416, л. 328. См. А. И. Соболевскій. „Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ“, стр. 12. Ср. его же: „Переводная литература“, стр. 260. Здѣсь Соболевскій пишетъ: „Кажется, ни одинъ писатель древней Россіи не пользовался при жизни такимъ уваженіемъ и значеніемъ, какъ Максимъ Грекъ. Онъ былъ дважды осужденъ соборомъ московскихъ святителей, какъ еретикъ, былъ лишенъ причащенія, былъ заточенъ; но авторитетъ его не уменьшился въ глазахъ современниковъ. Никто изъ послѣднихъ не рѣшился выступить противъ собора, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ считали Максима „новымъ исповѣдникомъ“, столпомъ православія и „страдальцемъ за истину“.

[2]) Въ числѣ лицъ, считавшихъ себя учениками М. Грека, былъ между прочимъ и Курбскій. Объ этомъ см. *Соболевскій.* „Переводная литература Моск. Руси XIV—XVII вѣковъ“, стр. 279—280.

[3]) Вотъ какъ характеризуетъ ихъ И. В. Ягичъ, въ рукахъ котораго былъ гро-

авторитетъ въ области грамматическихъ вопросовъ. И надо отдать справедливость, онъ съ замѣчательнымъ искусствомъ умѣлъ показать русскимъ значеніе грамматики: „Грамматика есть ученіе зѣло хытро у Еллинѣхъ“, читаемъ въ одной его статьѣ. „То бо есть начало входа иже къ философіи, и сего ради немощно есть малыми рѣчми и на мало время разумѣти силу ея, но надобѣть седѣти у учителя добраго годъ равенъ упразнившемуся отъ всѣхъ житейскихъ плищъ и печалехъ и любити трезвеніе всегда и воздержатися отъ всякого покоя и угоженія гортаннаго, и сна, и винопитія. И ученіе то у насъ, у грековъ, хытро зѣло, а не и у васъ. Занеже у насъ философи были изъ начала велики и премудри и составили себѣ вѣщаніе зѣло преухыщрено и преукрашено пословицами, неудобь разумѣваемыми намъ, грекомъ. Сего ради требуемъ мы, грекы, долго сѣдѣти у учителя добраго и учитися со многымъ трудомъ и біеніемъ, доколѣ внидетъ въ умъ нашъ“ [1]).

Такими рѣчами затрагивалось національное самолюбіе, и естественно раждалось стремленіе стать вровень съ греками. Вотъ почему со времени Максима Грека общая грамматика вводится въ нѣкоторыя школы, какъ учебный предметъ. Ее изучали даже „ученицы новона-

---

мадный матеріалъ для наблюденій: „Начиная съ XVI столѣтія попадаются въ рукописныхъ сборникахъ все чаще и чаще статьи грамматическаго содержанія. Разобраться въ пестромъ матеріалѣ подобныхъ сборниковъ—дѣло очень трудное: рукописи отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ, у каждой свой особенный составъ. Правда, довольно часто одна и та же статья повторяется въ многихъ сборникахъ, но почти всегда въ другой обстановкѣ: что въ одной рукописи представляетъ самостоятельное, на видъ цѣльное разсужденіе, то въ другой входитъ лишь какъ часть въ составъ болѣе обширнаго цѣлаго; что въ одной занимаетъ мѣсто въ началѣ, то въ другой читается въ серединѣ или даже въ концѣ сборника... Одна общая черта всѣхъ этихъ статеекъ—ихъ анонимность. Нигдѣ не сказано, кто первый началъ заниматься подобнаго рода разсужденіями, откуда онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія и гдѣ пришлось примѣнить ихъ къ жизни, къ школьному ли обученію или къ другимъ занятіямъ. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ припоминаются изрѣдка рядомъ съ Лаврентіемъ и Мелетіемъ, извѣстными сочинителями грамматикъ, еще другія имена, намъ разсказываютъ о грамматикѣ Евдокима, о сочиненіи о буквахъ Герасима Ворбозовскаго—и только. Гдѣ и когда они жили и что принадлежитъ имъ, какъ авторамъ, не какъ практическимъ учителямъ, пользовавшимся уже заранѣе составленными тетрадками—все это остается пока нерѣшеннымъ вопросомъ; въ рукописномъ матеріалѣ не достаетъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія его“. (И. В. Ягичъ. Разсужденія старины о церковно-славянскомъ языкѣ. Въ „Изслѣд. по русск. яз.“, т. I, стр. 634—635).

[1]) „Изслѣдованія по русскому языку“, изд. Отд. русск. яз. и слов. И. А. Н. т. I, стр. 594.

чальніи по азбукѣ, зане основаніе есть первое и подошва хитрости граматичной, а граматика — основаніе и подошва всѣмъ свободнымъ хитростямъ“ [1]). То же преклоненіе передъ грамматикой чувствуется и въ словахъ ученика Максима Грека, старца Селивана, приводимыхъ въ одной рукописи XVII вѣка: „нѣсть никому же возможно право писать, аще кто не вѣсть грамматичнаго устроенія, ниже родовъ, ниже чиселъ, ниже падежей, ниже временъ, ниже склоненій, ниже окончательныхъ буквъ по родамъ во всѣхъ падежѣхъ, боле же въ притяжательныхъ именѣхъ“ [2]).

При наличности такого почтенія къ грамматикѣ становится вполнѣ понятнымъ отмѣченное выше обиліе анонимныхъ статей грамматическаго содержанія въ русскихъ рукописныхъ сборникахъ XVI—XVII вѣковъ [3]).

Къ XVII вѣку сознаніе необходимости грамматической подготовки настолько укрѣпилось въ Московской Руси, что незнакомство съ грамматикой считалось уже признакомъ невѣжества. Царская грамота 1616 года разрѣшаетъ заниматься исправленіемъ требника исключительно тѣмъ старцамъ Троицкой лавры, которые не только „подлинно и достохвально извычни книжному ученію“, но и „грамотику и риторію умѣютъ“ [4]). Справщики книгъ въ спорахъ между собой упрекаютъ другъ друга, что „не знаютъ, кои въ азбуцѣ письмена гласная и согласная и двоегласная, а еже осмь частей слова разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь роды и числа и времена и лица, званія же и залоги, то имъ ниже на разумъ всхаживало“ [5]).

Юго-западная Русь также оказала вліяніе въ этомъ направленіи, и, напримѣръ, въ 1648 году въ Москвѣ была переиздана грамматика Смотрицкаго съ дополненіями и поправками. Въ цѣляхъ успѣха издатели снабдили ее вступительными статьями, представляющими собою извлеченіе изъ сочиненій Максима Грека [6]).

---

[1]) Азбуковникъ конца XVI в., эпохи царя Ѳедора Іоанновича. См. Извѣстія Акад. Н., 1855 г., т. IV, стр. 257.

[2]) Рук. XVII в. Синод. Библ., № 850. Цитирую по брошюрѣ *А. И. Соболевскаго* „Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ“, стр. 18.

[3]) Возможно, что грамматическія разсужденія Максима Грека имѣли извѣстное вліяніе и на южно-русскія грамматики.

[4]) Царская грамота Троицкаго Сергіева монастыря игумену Діонисію объ исправленіи книги „Потребникъ“. А. А. Э., т. III, стр. 483.

[5]) *Соболевскій*, „Образ. Моск. Руси“, стр. 19.

[6]) По предположенію Пекарскаго, эти вступительныя статьи были помѣщены

Грамматическій матеріалъ, какъ на юго-западѣ, такъ и на сѣверо-востокѣ очень быстро начинаетъ увеличиваться. Уже грамматика, составленная „спудеями“ (σπουδαῖος) Львовской школы, заключаетъ въ себѣ довольно сложную систему, во многихъ отношеніяхъ сохранившуюся до нашихъ дней.

Грамматика эта намѣчаетъ 4 части, обычно входившія въ содержаніе подобныхъ книгъ—правописаніе, припѣваніе (просодію), православіе (т. е. этимологію) и сочиненіе (синтаксисъ). Начинается она съ классификаціи звуковъ, причемъ имѣется въ виду исключительно *греческій* алфавитъ. Вообще *вся эта грамматика не что иное, какъ грамматика греческаго языка*; если она названа „еллинословенской“, то только потому, что параллельно съ греческимъ текстомъ помѣщенъ славянскій и греческіе термины переведены на славянскій; всѣ же славянскія парадигмы представляютъ собою буквальный переводъ съ греческихъ. Этимъ, конечно, нужно объяснить нѣкоторыя странности Львовской грамматики, какъ, напримѣръ, ученіе о падежахъ, временахъ, наклоненіяхъ и т. д., въ которомъ читатель тщетно сталъ бы искать элементовъ славянской рѣчи [1]).

при изданіи во избѣжаніе толковъ и соблазна со стороны невѣжественной массы. *Пекарскій*. „Наука и литература при Петрѣ“, т. I, стр. 183.

[1]) *Частей рѣчи* въ „Адельфотисѣ“—8· различіе, имя, мѣстоимя, глаголъ, причастіе, предлогъ, нарѣчіе, союзъ. Опѣ дѣлятся на „скланяемыя“ и „нескланяемыя“.

Родовъ—5: мужескій, женскій, средній, общій (напр. *человѣкъ*), преобщій (*ластовица, орелъ*).

Чиселъ—3· единственное, множественное, двойственное.

Падежей—5: именовный, родный, дателный, виновный, звателный.

Имена имѣютъ кромѣ того: а) *виды*—первообразный и производный, напр.: *небо—небесный*; б) *начертанія*—простое, сложное, пресложное, напр.: *смѣятеленъ, посмѣятеленъ, пачепосмѣятеленъ*.

Склоненій—5.

Имена прилагательныя имѣютъ особыя *начертанія*: разсудительное (συγκριτικός) и превосходное (ὑπερθετικός)—т. е. сравнительную и превосходную степени.

Мѣстоименіе имѣетъ 5 *видовъ*: первообразный (πρωτότυπον)—азъ, ты, онъ; зиждительный (κτητικόν)—мой, твой. свой, нашъ, вашъ, показательный (δεικτικόν)—сей, онъ; наносный (ἀναφορικόν)—той, сложное (σύνθετον)—мене самого, тебе самого, себе самого.

Въ мѣстоименіи 4 рода: мужескій, женскій, средній, общій (азъ).

Въ глаголѣ 8 свойствъ: изложеніе (ἐγκλισις), видъ (εἶδος), лице (πρόσωπον), родъ или залогъ (γένος, διάθεσις), начертаніе (σχῆμα), число (ἀριθμός), время (χρόνος), супружество (συζυγία).

Изложеній, т. е. наклоненій, 5: изъявительное, повелительное (бій), молитвеное (да бію), подчинное (аще бію), необавное (бити).

Подъ вліяніемъ Львовской грамматики создались грамматики Зизанія и Смотрицкаго. Оба автора имѣютъ уже въ виду *славянскій* языкъ, грамматику котораго, однако, строятъ по образцу греческой. Въ общемъ отличіе ихъ отъ Львовской незначительное, и потому мы на нихъ не будемъ останавливаться [1]). Укажемъ только, что Зизаній, сообразуясь съ славянскимъ склоненіемъ, ввелъ *творительный* падежъ, винительный переименовалъ въ *винительный*, намѣтилъ имена *собственныя* и *нарицаемыя*, *десять склоненій* и *два спряженія* (1-ое на *аю*, *ѭю*, *яю*; 2-е на *у*, *ю*, *ую*). Смотрицкій упразднилъ различіе, ввелъ новую часть рѣчи—*междометіе*, новый падежъ *сказательный*, т. е. нашъ *предложный*, новые термины—*неопредѣленное* и *сослагательное* наклоненіе, приложилъ къ отдѣльнымъ частямъ рѣчи „увѣщанія орѳографійныя“, а къ синтаксису присоединилъ отдѣлъ „синтаксіи образной“, которая „есть образъ глаголанія противу правиломъ синтаксеос, искусныхъ писателей употребленіемъ утверженый“. Кромѣ того, онъ

Залоговъ 5: дѣйственный (ἐνεργητικόν) — бію; страдателный (παθητικόν) — біюся; средній (οὐδέτερον)—здравствую; общій (κοινόν)—понуждаюся; отложный (ἀποθετικόν)—борюся.

Вида—2: первообразный—напаяю, производный—напаваю.

„*Супружествъ*“—13.

Временъ—6: настоящее — бію; мимошедшее — убихъ; протяженное—біяхъ; пресовершенное—бiяхъ; непредѣльное—бихъ; будущее—убію Количество временъ опредѣлено сообразно съ греческимъ языкомъ: τύπτω, ἔτυπτον, τέτυφα, ἐτετύφην, ἔτυψα, τύψω.

Нарѣчія и *союзы* имѣютъ чрезвычайно сложную классификацію; напримѣръ, союзы дѣлятся на 9 видовъ: сплѣтателные, съпряженные, совокупителные, пресовокупителные, винословные, отглаголные, съсмысленые, преисполнителные, противные. Въ числѣ нарѣчій находятся и наши междометія.

Просодія касается только ударенiй, долготы и краткости звуковъ.

Отдѣла *синтаксиса* и *правописанія* нѣтъ, хотя въ дѣленіи грамматики они и упоминаются.

[1]) Интересующимся можно указать трудъ С. К. Булича „Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи“, т. I, стр. 172—178. Къ сожалѣнію, г. Буличъ не всегда приводитъ примѣры, и въ такихъ случаяхъ за голой терминологіей невозможно уловить содержаніе. Что дастъ, напр., слѣдующая классификація прилагательныхъ у Смотрицкаго, если откинуть примѣры: 1) совершенное (т. е. простое, непроизводное)—*святый*, *благій*; 2) отименное (т. е. происходящее отъ нарицательныхъ именъ существительныхъ)—*желѣзный*, *каменный*; 3) числительное—*одинъ*, *два*, *три*; 4) чинительное—*первый*, *второй*, *третій*; 5) вопросительное—*каковъ*, *коликъ*; 6) отвѣщательное—*таковъ*, *толикъ*; 7) притяжательное—*Петровъ*, *Аннинъ*; 8) отечественное—*Римскій*, *Антіохійскій*; 9) языческое („еже отъ языческаго вида именъ производится“)—*Греческій*, *Россійскій*, *Литовскій*. Между тѣмъ г. Буличъ большинство этихъ терминовъ оставляетъ безъ иллюстрацій.

установилъ два спряженія, различающіяся по второму лицу единственнаго числа, ввелъ новое понятіе *дѣепричастія* и нѣкоторыя другія, болѣе мелкія дополненія и измѣненія. Бо́льшая опредѣленность, практичность и ясность грамматики Смотрицкаго надолго сдѣлали ее образцомъ и источникомъ при составленіи грамматическихъ учебниковъ [1]).

Во всѣхъ этихъ грамматическихъ трудахъ съ одной стороны сильно чувствуются заимствованія изъ греческихъ грамматикъ, съ другой — замѣчается стремленіе усложнить классификацію. Любопытна, наконецъ, еще одна особенность: составители пытаются дать правила, съ помощью которыхъ можно было бы читать по *славянски*, понимать читаемое и писать *чистымъ славянскимъ языкомъ*, а между тѣмъ представленія о чистомъ славянскомъ языкѣ были смутныя. Поэтому получалось смѣшеніе древнихъ и новыхъ формъ, мертвыхъ и живыхъ. Подражаніе греко-римскимъ образцамъ приводило нерѣдко къ безсмыслицѣ. Природа славянскаго языка забывалась и затемнялась. Все вниманіе авторовъ, упорное и тонкое, направлено на описательную работу и на созданіе внѣшнихъ схемъ.

Однако живучесть составленной Смотрицкимъ и его предшественниками терминологіи оказалась поразительной, и вліяніе Смотрицкаго чувствуется даже въ современныхъ школьныхъ грамматикахъ, сохранившихъ по традиціи „преданья старины глубокой“.

III.

Въ начальной школѣ грамматика въ то время проходилась, какъ уже сказано, не въ объемѣ перечисленныхъ сочиненій; однако и „новоначальные ученики“ должны были имѣть довольно значительный запасъ грамматическихъ знаній, которыя имъ сообщались послѣ изученія азбуки. Объ этомъ мы можемъ судить по русскимъ передѣлкамъ латинской грамматики Доната, римскаго грамматика IV вѣка по Р. Хр., дошедшимъ до насъ, вѣроятно черезъ посредство Польши, въ многочисленныхъ спискахъ второй половины XVI вѣка,—и по массѣ рукописныхъ сборниковъ школьнаго происхожденія. Имя Доната сдѣлалось нарицательнымъ, и передѣлки поэтому иногда носятъ искаженное названіе „Аданатосъ“ [2]).

---

[1]) Характеристика грамматики Мелетія Смотрицкаго дана въ трудѣ *Н. Засадкевича*: „Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ“. Одесса. 1883. Ср. рецензію на него А. Будиловича въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1883 г., іюль, стр. 144—151.

[2]) Нѣсколько „Донатусовъ“ напечатано И. В. Ягичемъ въ „Изслѣдованіяхъ по русскому языку“, т. I, стр. 812 — 911. Что латинопольскіе Донатусы были у насъ

Форма изложенія „Донатусовъ“—вопросо-отвѣтная. Очевидно, это было вызвано педагогическими соображеніями [1]). Планъ прохожденія матеріала, данный въ предисловіи къ „Донатусу“, тоже есть плодъ работы педагогической мысли. Вотъ въ какомъ видѣ онъ намѣчается: „Егда убо отроцы, сирѣчь новоначалніи ученицы, изучатъ азбуки и склады познаютъ... и какъ взумѣютъ по словамъ и по складу чести кромѣ разумѣнія, тогда учитель учитъ имъ паденія (склоненія)... Якоже мати младенца питаетъ отъ сосцу млекомъ, а не жестокими брашны, еще бо не сущимъ ему зубомъ, сице и учитель въ толику мѣру достигшихъ учениковъ, не мудрая и хитрѣйшая истязаетъ ихъ вопрошая, но легчайшая и препростѣйшая, сирѣчь единыхъ паденій истязая впрашаетъ отъ нихъ, а не истязая отъ нихъ прочихъ хитрѣйшихъ ко отвѣщанію, пристоящихъ ко всякому имени и прочимъ частемъ. Сирѣчь, егда о чомъ вспрашати, то прежде подобаетъ увѣдати ученику о той вещи, коя есть часть. И аще есть имя, то како есть имя— собьственое ли, еже есть сущее, или прикладное; и имени колицы пристоятъ и коего есть качества, и всходитъ ли на вышшую степень или ни; и вратитъ ся ли изъ рода въ родъ и изъ кончанія во иное кончаніе; и аще вратится, то како вратится, и коего рода, и коего числа, и коего образа, простаго ли, сложнаго ли, и коего вида и коего уклоненія. Сихъ всѣхъ выше реченыхъ въ сицевую мѣру достигшихъ учениковъ не вопрашаетъ ихъ еще ни истязаетъ о тѣхъ до времени, но токмо вопрашаетъ ихъ о единой простѣйшей вещи, сирѣчь коего паденія есть то имя, о немже предложитъ ся бесѣда. Яко же о семъ вспроситъ учитель, коего паденія, и единъ отъ нихъ отвѣщаетъ: именовательнаго, еже по греческому ученію глаголется правое, и звателное, въ мужескомъ роду, и сице и о прочихъ. И сія убо паденія во училищехъ ученицы навыкаютъ и отвѣщеваютъ учителю, по рядовому Донатусу изыскивая, дондеже взумѣютъ изусть въ долго время. И сице увидѣ ми ся велми хитро, и съ велиимъ трудомъ сему навыкати“.

Этотъ отрывокъ не только говоритъ о содержаніи „Донатусовъ“, но и указываетъ методы преподаванія: ученики заучивали по книгѣ наизусть отвѣты на вопросы съ готовыми примѣрами, а затѣмъ по

въ обращеніи, можно видѣть изъ слѣдующаго: въ описи книгъ Заиконоспасскаго монастыря 1689 г. находимъ „Донатъ польскій“; въ библіотекѣ митрополита Павла „Грамматику Донатову латинополскую“ и т. п. См. *Шляпкинъ*. „Св. Димитрій Ростовскій“, стр. 74, 76, 82.

[1]) Конечно, вопросо-отвѣтная система была также заимствована съ Запада, гдѣ обращалось много учебниковъ этого типа.

даннымъ образцамъ разбирали предложенный учителемъ текстъ. Система эта, повидимому, пришлась по душѣ нашимъ педагогамъ, и вопросо-отвѣтный способъ былъ введенъ во многіе учебники. Чтобы познакомить съ характеромъ изложенія, приведу нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ изъ сочиненія подъ сложнымъ заглавіемъ: „Книга, глаголемая простословія, некнижное ученіе грамотѣ, избрана нѣкоторою безнадежною сиротою, скитающеюся бес покоя, Евдокимищемъ препростымъ. Въ сей же настоящей книзѣ бесѣдуетъ первое о грамотѣ и о ея строеніи, потомъ о буквѣ и о буквеныхъ писмянехъ, еще же о слозѣхъ писмянныхъ и о всѣхъ пристоящихъ къ тому. Благослови, отче!“ Послѣ этого заглавія помѣщено примѣчаніе: „Некнижное ученіе грамотѣ: поставлены вопросы учительскы, акы въ образѣ учителя; такоже противъ тому поставлены отвѣщанія ученическа, аки въ образѣ ученика“. Затѣмъ уже слѣдуютъ вопросы. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

Вопросъ. Что есть грамота?

Отвѣтъ. Грамота есть се: умѣніе человѣческо словесемъ всякого отвѣщанія, гласованіемъ умудрено отъ бога въ слышаніе и въ разумѣніе; а писаніемъ состроено отъ человѣкъ божіимъ промысломъ, въ видѣніе и въ предложеніе на составленіе смысла, еже глаголати къ всякой потребѣ.

Вопросъ. Что есть первое ученіе грамотѣ?

Отвѣтъ. Первое ученіе грамотѣ буква.

Вопросъ. Что есть буква?

Отвѣтъ. Буква есть се: собраніе писмянъ.

Вопросъ. Что есть писмена?

Отвѣтъ. Писмена есть се: умышлены дробны начертанія различныхъ подобій, и изложены имъ имена различны, коеждо свое подобіе и имя иматъ. И по имяномъ убо ихъ изложено лелѣканіе языка въ тоности, обращая на различны нѣмоты, да тѣми нѣмотами слагая все возможно изглаголати еже суть предано отъ Бога на разумѣніе уму человѣческу.

Вопросъ. Колико писмянъ въ буквѣ?

Отвѣтъ. Четыредесятъ и четыре.

Вопросъ. Како ихъ имена, исповѣждь ми, и кое преже коего и кое послѣди? Изочти ми я по ряду“. И т. д.

Приведу еще отрывокъ изъ морфологической части:

Вопросъ. Части вѣщанія колицы суть?

Отвѣтъ. Осмь.

Вопросъ. Кои?

Отвѣтъ. Имя, проимяніе, слово (т. е. глаголъ), предлогъ (наше нарѣчіе), причастіе, союзъ, представленіе (нашъ предлогъ) и различіе (наше междометіе).

Вопросъ. Имя что есть?

Отвѣтъ. Часть вѣщанія съ паденіемъ, тѣло или вещь собственѣ или обще знаменующе, собственѣ, яко Іеросалимъ, Іерданъ,—обще, яко градъ, рѣка.

Вопросъ. Имяни колицы пристоятъ?

Отвѣтъ. Шесть.

Вопросъ. Кои?

Отвѣтъ. Качество, прилаганіе (т. е. степени сравненія), родъ, число, образъ, паденіе“ и т. д.

Въ подобныхъ учебникахъ мы находимъ обширный морфологическій матеріалъ, который и предлагался для „наизустнаго ученія“. Въ немъ много смутнаго, сбивчиваго, неяснаго: видимо, сами составители невполнѣ отчетливо разбирались въ явленіяхъ языка. Это, повторяю, было вполнѣ естественно, потому что формы славянской рѣчи подгонялись подъ грекэ-латинскіе образцы.

Наряду съ вышеописанными трудами необходимо для полноты картины остановить вниманіе и на азбуковникахъ, которые служили руководствомъ для переписчиковъ и справщиковъ и давали вмѣстѣ съ тѣмъ самыя разнообразныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ тогдашняго знанія. Въ нихъ совершенно опредѣленно указывается, что дѣтей грамматикѣ учили. По азбуковникамъ 17 вѣка, которые получили значеніе обыкновенныхъ учебниковъ, можно судить и о характерѣ самаго элементарнаго грамматическаго преподаванія.

Система въ нихъ, какъ и въ „Донатусахъ“, вопросоотвѣтная. Вниманіе читателей останавливается на звукахъ, затѣмъ на нѣкоторыхъ правилахъ правописанія. Особенно рекомендуется различать „ять“ съ „естемъ“ и не писать вмѣсто „пѣніе“—„пеніе“ и т. п. „Сіе бо вельми зазорно и укорно, еже *ять* вмѣсто *есми* глаголати, такоже и *есть* вмѣсто *яти*. Отъ сего бываетъ веліе несмыслство ученію“.— Излагаются также правила объ удареніяхъ, причемъ указано, что *объ этомъ говорится и въ грамматикѣ*. Ясно, что свѣдѣнія азбуковника были только первоначальными [1]). Такимъ образомъ, Забѣлинъ былъ неправъ,

[1]) Объ азбуковникахъ см. *К. Калайдовичъ.* „Іоаннъ, Ексархъ Болгарскій“, № XII—XIV; *Сахаровъ.* „Сказанія русск. нар.“ II, стр I—XX, 132; *Буслаевъ.* Дополненія и прибавленія ко II тому Сказаній Сахарова въ Архивѣ Калачева, 1850 г., кн. I, отд. IV, *Д. Мордовцевъ.* О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка. М. 1862

утверждая, что „изученіе грамматики относилось къ до-Петровскому школьному образованію почти такъ же, какъ къ теперешнему школьному образованію относится изученіе санскритскаго языка“ [1]).

Разсмотрѣніе вопроса о содержаніи и характерѣ грамматическаго преподаванія въ до-петровской Руси позволяетъ установить слѣдующія основныя положенія:

1) до 16 вѣка грамматика у насъ не входила въ кругъ школьнаго образованія;

2) въ 16 вѣкѣ начинается преподаваніе грамматики, какъ въ высшихъ школахъ, такъ и при начальномъ обученіи. Сознаніе необходимости грамматическаго образованія было вызвано въ югозападной Руси борьбой съ іезуитскимъ вліяніемъ, а въ сѣверо-восточной — исправленіемъ книгъ;

3) грамматики, какъ высшія, такъ и начальныя, создались подъ вліяніемъ греко-латинскихъ образцовъ;

4) при составленіи грамматикъ главною цѣлью было установленіе внѣшнихъ схемъ по чисто описательному методу;

5) способъ обученія грамматикѣ былъ догматическій: правила заучивались наизусть;

6) грамматики *русскаго* языка до 18 вѣка не было, такъ какъ литературнымъ языкомъ былъ древнецерковнославянскій, а народный, національный языкъ уваженіемъ не пользовался. Зиновій Отенскій, напримѣръ, писалъ: „Лукаваго умышленіе въ христоборцѣхъ или въ грубыхъ смысломъ, еже уподобляти и низводити книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей. *Аще же и есть полагати приличнѣйши, мню, отъ книжныхъ рѣчей и общія народныя исправляти, а не книжныя народными обезчещати*“ [2]).

(или въ „Чтеніяхъ Имп Общ. ист. и древн. Рос.“ 1861 г., кн. 4); *Ширскій*. „Очеркъ древнихъ славяно-русскихъ словарей“ въ „Филолог. Зап.“ 1869 г., вып. I.—Обширный обзоръ азбуковниковъ у *Карпова*. „Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ Соловецкой библіотеки“ въ приложеніи къ „Православному Собесѣднику“ 1877 г. и отд. Казань. 1878. Также *Баталинъ*. „Древнерусскіе азбуковники“ въ „Филолог. Зап.“ 1873 г., вып. 3—5.

[1]) *Забѣлинъ*. Опыты изученія русскихъ древностей, т. I. „Характеръ начальнаго образованія въ допетровское время“, стр. 67.

[2]) *Ѳ. Калугинъ*. Зиновій, инокъ Отенскій. С.-Пб. 1894. Стр. 248. Ср. „Сказанія“ Курбскаго, изд. 3, стр. 276 „Аще гдѣ погрѣшихъ въ чемъ, то есть, не памятуючи книжныхъ пословицъ словенскихъ, лѣпотами украшенныхъ, и вмѣсто того буде про-

IV.

Въ Петровскую эпоху и позднѣе, до 1755 года, почти ничего новаго, какъ въ области учебной литературы по грамматикѣ, такъ и въ области методовъ ея преподаванія, не произошло. Можно даже сказать, что до самыхъ послѣднихъ лѣтъ Петровской эпохи грамматическое преподаваніе находилось въ плачевномъ состояніи.

По крайней мѣрѣ, въ предисловіи къ Московской передѣлкѣ (правильнѣе, перепечаткѣ съ незначительными измѣненіями) грамматики Смотрицкаго 1721 года, опредѣленно указывается, что, хотя „тщаніемъ императора Петра“ основано много новыхъ училищъ, однако грамматика въ нихъ не преподается „за оскудѣніемъ сихъ книгъ“.

Толчкомъ къ оживленію грамматическаго преподаванія былъ, повидимому, „Духовный Регламентъ“, который приказывалъ учителямъ [1]), „что бы они исперва сказывали ученикамъ своимъ вкратцѣ, но ясно, кая сила есть настоящаго ученія: Грамматики, напримѣръ, Реторики, Логики и прочая, и чего хощемъ достигнути чрезъ сіе или оное ученіе, чтобъ ученики видѣли берегъ, къ которому пловутъ“.

Курсъ грамматики предлагалось проходить „купно съ географіею и исторіею“, чтобы соединить „невеселое языка ученіе“ съ „веселымъ міра и мимошедшихъ въ мірѣ дѣлъ познаніемъ“ и такимъ образомъ вызвать въ ученикахъ „доброхотство“ къ ученію.

Въ связи съ этимъ находятся указы синода о необходимости немедленнаго введенія въ школы преподаванія грамматики. Одинъ изъ нихъ, отъ 31 мая 1722 года гласитъ, что по изученіи дѣтьми букварей и по пріобрѣтеніи навыковъ въ письмѣ слѣдуетъ „начинать имъ во обученіе славенскую грамматику, какъ уже въ Новогородской епархіи такое букварное въ школахъ тверженіе и грамматическое ученіе не точію при архіерейскомъ домѣ въ Великомъ Новѣгородѣ, но и въ прочихъ городѣхъ и уѣздѣхъ дѣйствительно является [2]). А къ

стую пословицу введохъ, пречитающими, молюся, съ любовію и христоподобною кротостію да исправятся; ибо и со Павломъ дерзну рещи: аще и невѣжда есми словомъ, но не разумомъ“.

[1]) Въ главѣ: „Домы училищныя и въ нихъ учители и ученики, такожъ и церковные проповѣдники“.—Здѣсь намѣчался такой чинъ ученія: „Грамматика купно съ Географіею и Исторіею; Ариѳметика и Геометрія, Логика или Діалектика и едино то двоименное ученіе; Реторика купно или раздѣлно съ стихотворнымъ ученіемъ; Физика, присовокупя краткую Метафисику; Политика краткая Пуффендорфова“. Такимъ образомъ, грамматика являлась фундаментомъ ученія.

[2]) Такое блестящее состояніе Новгородской епархіи объясняется историческими

тому грамматическому ученію коемуждо архіерею ученыхъ людей получать, откуду кто возможетъ, и о томъ грамматичномъ ученіи всеприлежное имѣть тщаніе, дабы тое во общую пользу размножалося“ [1]).

Повелѣніе синода, однако, исполнить было довольно трудно, и отовсюду стали приходить извѣщенія, что некому взяться за дѣло [2]). Тѣмъ не менѣе, въ октябрѣ 1723 года синодъ подтвердилъ свое тре-

---

причинами. Въ 1701 году, какъ извѣстно, братья Лихуды были сосланы въ заточеніе въ Ипатьевскій Костромской монастырь. Митрополитъ Новгородскій Іовъ, стремясь къ распространенію просвѣщенія, рѣшилъ ходатайствовать за Лихудовъ передъ государемъ и просилъ перевести ихъ въ Новгородъ. Государь согласился. Плодотворная дѣятельность Лихудовъ, прибывшихъ въ Новгородъ въ 1706 году, не замедлила обнаружиться: „Іеромонаси Іоанникій и Софроній Лихудіевы“, писалъ Іовъ 26-го іюня 1706 г. арх. Сильвестру, „воистинну высокоучени суть, добри же и вѣрни, трезви и бодри и во ученіи усердни. Непрестанно на кіяждо день учениковъ греческимъ, славенскимъ и латинскимъ письмяномъ безъ всякаго сокрытія вседушно обучаютъ“. (Письма Іова къ Сильвестру и другимъ помѣщены въ „Странникѣ“ 1861 г., т. I). За короткое время Лихуды успѣли подготовить нѣсколько преданныхъ дѣлу образованія учениковъ. О Лихудахъ см. изслѣдованіе М. Сменцовскаго „Братья Лихуды“, С.-Пб. 1899.

Славянскую грамматику въ Новгородской школѣ, вѣроятно, изучали по руководству Мелетія Смотрицкаго. По крайней мѣрѣ, въ описи книгъ этой школы, составленной въ 1716 году, упоминаются слѣдующія грамматики: 1) „Грамматика, Софроніева творенія Лихудіева, греческая“; 2) „Двѣ грамматики, твореніе Элія Копевскаго, латинословенскіе“; 3) „Грамматика Ласкарева, греческая“; 4) „Грамматика Львовская, грекославенская“; 5) „Двѣ грамматики, греколатинскія“; 6) „*Грамматика Мелетіева, славенская*“. (Опис. Синод. Арх., т. I, прил. № 8, стр. XCVII—XCVIII).

Что это за „Софроніева Грамматика“, сказать трудно Учебники грамматики, составленные Лихудами, хранятся въ библіотекѣ Моск. Дух. Акад. (№№ 330, 331, 332 рукоп.). Еще въ 1687 г. они написали краткій учебникъ грамматики на греческомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „περὶ γραμματικῆς μεθόδου, συντεθεῖσης τε καὶ διαιρεθεῖσης ἐς τρεῖς βίβλους κατ'ἐρώτησιν καὶ ἀπόκρισιν“. Это было сокращеніе грамматики Ласкаря, изданной въ Венеціи въ 1673 г. О грамматическихъ трудахъ Лихудовъ см. *С. Смирновъ*. „Ист. Моск. Слав.-гр.-лат. академіи“. М. 1855, стр. 44—50.

[1]) *П. Знаменскій*. Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. Казань, 1881. Стр. 115.

[2]) См., напр., донесеніе ростовскаго епископа въ „Христіанскомъ Чтеніи“, 1877 г., т. I, стр. 366. Въ епархіи, доносилъ епископъ, „церковническихъ дѣтей обучаетца букварямъ 203 человѣка, и которые букварямъ обучились, и тѣ нынѣ пребываютъ безъ ученія, *понеже грамматики обучать некому*“. Ср. Опис. Арх. Син., т. II, ч. 1, стр. 519. Отсутствіе учителей подтверждается и заявленіемъ, поданнымъ въ 1723 году въ синодъ Ѳ. Поликарповымъ: „Нынѣ любомудрымъ Вашего Святѣйшества тщаніемъ повсюду разсѣваются грамматики славенскія ради познанія орѳографіи и праворѣчія; но что можетъ дѣйствовать сама грамматика безъ наставника? и коль много преподаяти ону инымъ юнымъ охотниковъ обрѣтеся? Воистину жатва многа, дѣлателей же мало“. (Знаменскій, op. cit., стр. 128).

бованіе относительно грамматики и подавалъ совѣтъ, „ежели гдѣ таковыхъ учителей не обрѣтается“, отправить наиболѣе выдающихся учениковъ въ новгородскія училища „для обученія грамматическаго художества“ или выписать изъ Новгородской епархіи учителей [1]).

Офиціальныя требованія вызвали появленіе новыхъ грамматикъ. Такъ, въ 1721 году была перепечатана, какъ уже сказано, съ незначительными измѣненіями грамматика Смотрицкаго. Эта передѣлка принадлежитъ Ѳедору Поликарпову [2]).

Но не содержаніе грамматики Поликарпова можетъ привлечь наше вниманіе. Самымъ интереснымъ въ этой книгѣ является предисловіе, выясняющее причины ея выхода въ свѣтъ. „Понеже“, говоритъ издатель, „непостижимымъ промысломъ создателя нашего Бога (въ его же руцѣ царево сердце) изволися любомудрѣйшему всероссійскому нашему Монарху, Петру, того имене и дѣлъ высокихъ Первому, чрезъ неусыпное его Царскаго Величества тщаніе, преславное и православное свое Государство, якоже иными военными высокими науками, и всякими нуждными механическими хитростми украсити и обогатити. Тако и седми свободныхъ наукъ, еллиногреческа и латинска діалектовъ училищами наполнити. Въ нихъ же не точію грамматика, риторика, философіа, но и самая ѳеологіа цвѣтетъ изобилно. *А славенская грам-*

---

[1]) *Знаменскій*, op. cit, стр. 129—130.

[2]) *Ѳ. Поликарповъ*, ученикъ Лихудовъ, былъ справщикомъ, а впослѣдствіи занималъ мѣсто управляющаго Московской духовной типографіей. Въ 1701 г. издалъ въ Москвѣ букварь Ему принадлежитъ много переводовъ. — О Поликарповѣ см. статью С. Н. Браиловскаго въ *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1894 г., сентябрь, октябрь и ноябрь. Здѣсь указана и обширная библіографія о немъ.

Сравненіе грамматикъ Поликарпова и Смотрицкаго находится въ трудѣ Пекарскаго „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, т. II, № 448, стр. 501.

Въ концѣ предисловія къ изданію Ѳ. Поликарповъ говоритъ: „Сія трудовъ Мелетіевыхъ (негли же отъ части при помощи Божіей и нашихъ) возновленая тупомъ грамматика“. Но *ничего самостоятельнаго Ѳ. Поликарповъ не далъ и ограничился ничтожными измѣненіями.*

Грамматику Поликарпова можно найти въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки подъ знаками: VII, 5, № 18а. Вотъ ея полное заглавіе: „Во славу святыя единосущныя, животворящія, и нераздѣлимыя троицы, Отца и Сына и Святаго Духа: Повелѣніемъ Благочестивѣйшаго великаго Государя нашего Царя, и великаго Князя, Петра Алексіевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержца. При благороднѣйшемъ великомъ князѣ Петрѣ Алексіевичѣ. Благословеніемъ же первосвященныхъ архіереевъ между патріаршествомъ. Напечатася книга сія грамматика, въ Царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ въ лѣто отъ сотворенія міра 7229. Отъ рождества же по плоти Бога Слова 1721, индикта 14, мѣсяца февруаріа“.

матика въ тѣхъ училищахъ не преподаяшеся за оскудѣніемъ сихъ книгъ, и отъ сего нужда зависитъ учащымся не малая. Ибо аще она грамматика и издана бяше не единою печатію, но всеядца времене продолженіемъ, едва гдѣ обрѣтается, аки искра въ пепелѣ сокрываема".

Это — одна причина, вызвавшая печатаніе грамматики. Но кромѣ нея указана и другая, тѣсно связанная съ культурными потребностями Петровской эпохи: „*Яко любомудрыхъ россійскихъ отроковъ, мнози нынѣ различная государства пчелоподобно облетающе, да оттуду соберутъ себѣ благовонныя различныхъ ученій цвѣты, изъ нижде бы могли себѣ и прочимъ оныхъ желателемъ, сладкій, на славенскомъ діалектѣ, сотъ, преводомъ своимъ отъ различныхъ языковъ представити, но основателнаго къ преводу орудіа (грамматики) лишающеся, и сами множицею того не получаютъ, и иныхъ не удостояютъ оныхъ наукъ доброту и силу видѣти.* Симъ убо недостаткомъ обязани суще, мнози преводницы покусившіися съ еллиногреческаго и иныхъ діалектсвъ преводити, въ неудобопостижныхъ богословскихъ и догматственныхъ писаніяхъ, индѣ же и во исторіалныхъ не мало погрѣшиша, и погрѣшаютъ, якоже есть видѣти многи приклады въ поправленыхъ книгахъ, Премудраго Максима грека, званіемъ и знаніемъ философа изящнаго: *и во иныхъ новаго превода книгахъ и писаніяхъ*".—Такимъ образомъ и здѣсь мы замѣчаемъ связь между школой и жизнью: школа пошла навстрѣчу запросамъ жизни.

Поликарповъ понималъ, что его рѣчи могутъ показаться многимъ обидными, что въ нихъ заподозрятъ стремленіе унизить нѣкоторыхъ тружениковъ литературы и другихъ болѣе или менѣе образованныхъ людей; поэтому, перечисляя достоинства грамматической науки, выясняя ея высокое значеніе и ссылаясь на многочисленные авторитеты, Поликарповъ замѣчалъ: „Сія малая отъ многихъ свидѣтельства предложишася, *не во укоризну грамматическаго искуства прежде сего не коснувшымся, но во увѣщаніе будущымъ родомъ*, да впредь сію нуждную науку, вначалѣ ученія своего изслѣдовати съ прилѣжаніемъ тщатся, аще хотятъ во премудромъ святыхъ книгъ писаніи стяжати ключь разумѣнія".

Такъ въ словахъ Поликарпова старые мотивы преподаванія грамматики, вызванные церковными неурядицами въ области книгъ священнаго писанія, переплетались съ новыми, источникомъ которыхъ были реформы Петра [1]).

[1]) Небезынтересно отмѣтить, что по епархіямъ было разослано 920 экземпляровъ грамматики Поликарпова. Опис. Арх. Син., т. II[1], стр. 517.

Такъ или иначе, авторитетъ грамматики снова поднялся. Вотъ почему Поликарповъ, пользуясь словами древняго писателя, утверждалъ, что „всякаго безчестія сіи достойни суть, иже сіе ученіе тщимъ и непотребнымъ нарицаютъ“, и обращался къ родителямъ и учителямъ съ такимъ увѣщаніемъ: „Паче же вамъ о чадолюбивіи родителіе, и трудолюбивіи дѣтей учителіе, сего смотрити и хранити усердно надлежитъ, яко да ваша чада и ученики по изученіи азбуки... во грамматику вводити усердствуете. При нейже въ сочиненіи и писму россійскому навыкнетъ ученикъ, аще былъ бы и лѣнивый“ [1]).

Подъ вліяніемъ официальныхъ требованій создался и другой грамматическій трудъ: „Грамматіка Славенская въ кратцѣ собранная въ Грекославенской школѣ яже въ великомъ Новѣ градѣ при домѣ Ар-

---

[1]) Въ концѣ грамматики Поликарпова помѣщенъ въ подражаніе Смотрицкому образецъ грамматическаго разбора: „Чинъ технологіи, сирѣчь художнаго собесѣдованія о осми частехъ слова, по вопросамъ и отвѣтамъ, употребляемаго“. Въ немъ на разборѣ молитвы Господней повторяется вся грамматика. Катехитическій методъ, предлагаемый Поликарповымъ, былъ не новъ.

Между прочимъ, въ Имп. Публ. Библ., въ рукописномъ отдѣленіи, за знаками VIII. 5. № 35[a], находится другая грамматика, содержаніе которой совершенно тожественно съ грамматикой Поликарпова. Она издана въ 1755 году въ епископіи Рымнической „въ ползу и употребленіе отроковъ Сербски желающихъ основательнаго ученія славенскаго діалекта“. Разница только въ заглавіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предисловія слово „русскій“, напримѣръ, вездѣ замѣнено словомъ „сербскій“; вмѣсто текста: „любомудрыхъ *россійскихъ* отроковъ мнози нынѣ *различныя государства* пчелоподобно облетающе“ сказано: „любомудрыхъ *сербскихъ* отроковъ мнози нынѣ *различная училища* пчелоподобно облетающе“; мѣсто, гдѣ рѣчь идетъ о Петрѣ и о его заботахъ по народному просвѣщенію, передѣлано такъ: „Понеже въ училищахъ нашихъ Славенно Сербскихъ въ державахъ цесаро кралевскихъ обрѣтающихся художное Грамматическое ученіе предъ нѣкоими дослѣ лѣти воведено бывшее ради премѣни временъ, найпаче же смутныхъ военныхъ, обстоятельствъ не токмо пресѣклося, но и въ конечное забвеніе приводитися начало бѣ тѣмъ паче; что всеядца времене продолженіемъ Грамматическія книги, аще отъ прежныхъ временъ въ довольномъ числѣ на сихъ краяхъ собрашася, въ таковое оскуденіе придоша, яко желающымъ сего Грамматическаго ученія едва гдѣ возможно бяше обрѣсти Гнигу (sic!) сію Грамматику“.

Слѣдовательно, эта грамматика была перепечатана съ труда Поликарпова, а не непосредственно съ грамматики М. Смотрицкаго. Ср. *Н. Засадкевичъ*. Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ. Одесса 1883. *Schaffarik*. Geschichte der Slavischen Sprache und Litteratur nach allen Mundarten. 1-е изд. 1826 г., 2-е 1869, стр. 126, прим., и стр. 211. *Новаковић*. Историја српске књижевности. Београд. 1871. Стр. 184.— Предисловіе, такимъ образомъ, буквально повторяло слова Поликарпова, а не принадлежало карловацкому митроп. Павлу Ненадовичу, какъ это можно было предполагать по изложенію названныхъ авторовъ.

хіерейскомъ. Повелѣніемъ Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго Государя нашего Петра Великаго, Отца Отечества, Императора и Самодержца Всероссійскаго. Благословеніемъ же Свят. Прав. Всерос. Сѵнода напечатася при Санктъпитербурхѣ въ Троицкомъ Александроневскомъ монастырѣ лѣта Рож. Христова 1723“ [1]). Эту грамматику составилъ Ѳедоръ Максимовъ, бывшій ученикъ Лихудовъ по Новгородской школѣ, а затѣмъ и самъ преподававшій въ ней.

Хотя грамматика Максимова представляетъ собою извлеченіе изъ труда Смотрицкаго, однако въ ней уже чувствуется *первый, еще робкій протестъ противъ безразборнаго увлеченія грамматическимъ матеріаломъ*. Максимовъ признаетъ, что грамматика „научаетъ насъ право писати, и въ разглаголствіяхъ безпогрѣшно глаголати, въ трудномъ же сочиненіи свободно разбирати и разсуждати, въ чуждыхъ діалектахъ свойства познавати, ясно и чисто на свой діалектъ преводити“. Онъ считаетъ вполнѣ правильнымъ, что она во всѣхъ школахъ, „яко прочіихъ наукъ основаніе, люботщателемъ первѣе преподается“, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что прежняя грамматика „*дѣтемъ въ ученіи возмнися быти продолжителна, а разуму и памяти ихъ множества ради отяготителна*“.

По этимъ соображеніямъ Максимовъ рѣшилъ „собрати отъ различныхъ въ кратцѣ сію грамматику, съ приложеніемъ простыхъ реченій, понеже въ ней обдержатся славенская реченія, россійски вмалѣ разумѣваема“. Послѣднія слова тоже своего рода знаменіе времени: въ нихъ можно видѣть стремленіе отойти отъ старославянской рѣчи и приблизиться къ русской.

Смѣлость Максимова дошла даже до того, что онъ въ отдѣлѣ просодіи оставилъ только ученіе объ удареніяхъ, надстрочныхъ знакахъ и знакахъ препинанія, а стихотворную просодію, которая уже вошла въ кругъ грамматическаго преподаванія, выкинулъ, такъ какъ она „славеномъ не пужна и едва употребляема“. Излишней ему казалась и вопросоотвѣтная система изложенія, пользовавшаяся сочувствіемъ у педагоговъ.

---

[1]) Находится въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публ. Библ., VII, 7, № 5[a].

Въ „Описаніи Синод Арх.“, т. III, № 439 находятся, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія о печатаніи этой грамматики. Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ „тое грамматику для общей въ россійскомъ народѣ пользы въ обыкновенномъ числѣ книгъ печатать“. Напечатано было 1.200 экземпляровъ. Для типографіи экземпляръ стоилъ 8 алт. 2 ден., а продажная цѣна была назначена 11 алт. 4 ден.

Сравненіе грамматикъ Максимова и Смотрицкаго у *Пекарскаго:* „Наука и литература при Петрѣ Вел.“ т. I, стр. 185—186.

Изданныя грамматики удовлетворили, однако, далеко не всѣхъ ревнителей просвѣщенія. Вотъ что, напримѣръ, писалъ Посошковъ въ книгѣ „О скудости и о богатствѣ“ (1724 г.): „Его Императорскому Величеству надлежитъ *постаратися о грамматикѣ*, чтобъ принудить ее выправить добрымъ расположеніемъ..., чтобъ и безъ учителя можно познать всякіе падежи и склоненія, и тако исправя оную... *Нынѣ есть напечатано въ Москвѣ тысячъ пять-шестъ грамматикъ, да Богъ вѣсть какія*; на печатномъ дворѣ коммандиры напечатали ее толь просто, что безъ учителя и орѳографіи не можно растолковати и научитися, чтобъ по ней правописаніе разумѣть. Къ томужъ еще и бумагу положили въ нихъ самую плохую, коя ни куда, кромѣ черныхъ писемъ по нуждѣ, что развѣ на такой бумагѣ календари печатать, потому что они на одинъ только годъ печатаются, а *грамматика—дѣло высокое и прочное*: и того ради и печатать ее надлежитъ на самой доброй бумагѣ, чтобы она прочна была“ [1]).

Такое заботливое отношеніе къ грамматикѣ вполнѣ понятно. На нее возлагались серьезныя надежды. Нѣкоторые думали, что если „положить недвижимый предѣлъ: буде кой человѣкъ школьнаго ученія не принесъ, и грамматическаго разумѣнія не научился, таковыхъ бы отнюдь въ пресвитеры и діаконы не посвящати“, то „таковымъ способомъ вся Россія можетъ умудриться не весьма многими лѣты; и сіе преславное дѣло трудно токмо начати, да основати, а тамо будетъ оно уже и само правитися; понеже *ученіе грамматическое и прочихъ наукъ умнымъ и острымъ людемъ вельми охотно и любезно бываетъ. И егда священничестіи дѣти и прочіе церковники научатся грамматическаго ученія и книжнаго разумѣнія навыкнутъ всесовершенно, то и о паствѣ своей прилежнѣе будутъ пещися, дабы адскіе волки не распудили ихъ*“ [2]).

Временный перерывъ въ грамматическомъ преподаваніи въ эпоху Петра Великаго объясняется характеромъ его просвѣтительной дѣятельности: онъ стремился, главнымъ образомъ, распространять такія знанія, которыя имѣли прикладное значеніе.

Утвержденію объ ослабленіи грамматическаго преподаванія въ царствованіе Петра нисколько не противорѣчатъ факты учрежденія школъ для изученія японскаго и монгольскаго языковъ, посылка молодыхъ людей для изученія китайскаго, турецкаго и персидскаго, и т. п. Со

---

[1]) *Посошковъ*. Сочиненія. М. 1842. Т. I, стр. 11.

[2]) Тамъ же, стр. 12.

всѣмъ этимъ были связаны чисто-практическія цѣли, для которыхъ теоретическое изученіе „славенской“ грамматики вовсе не было нужно. И только, какъ мы видѣли, въ концѣ царствованія Петра снова стали, по выраженію Посошкова, „старатися о грамматикѣ“.

О ней, прежде всего, заставила вспомнить обнаружившаяся потребность въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ, а кромѣ того, когда острый періодъ обновленія прошелъ, явилось сознаніе необходимости общаго образованія; возможно, наконецъ, что грамматическое преподаваніе должно было поднять уровень образованія духовенства, по крайней мѣрѣ на это надѣялся Посошковъ. Но и въ этомъ направленіи чувствуется утилитарный характеръ Петровской эпохи: недаромъ Максимовъ въ своемъ трудѣ осмѣлился откинуть все съ его точки зрѣнія „зѣло пространное“ и написалъ сокращенную грамматику, въ тѣхъ видахъ, что раньше вводилось много ненужнаго, что благодаря этому „конецъ и чрезъ многое время съ немалымъ трудомъ достизался“.

Въ первые годы послѣ смерти Петра никакихъ измѣненій въ области преподаванія грамматики не происходитъ. Впрочемъ, матеріалы, относящіеся къ этой эпохѣ, довольно скудны и позволяютъ дѣлать только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Такъ, въ 1727 г. состоялось Высочайшее повелѣніе Синоду подать немедленно въ Верховный Тайный Совѣтъ вѣдомость „при всѣхъ ли епархіяхъ школы и ученики по силѣ Духовнаго Регламента содержатся и сколько въ которой епархіи тѣхъ учениковъ сначала было и нынѣ обрѣтается, до какихъ наукъ произошли и въ какое достоинство куда произведены“ [1]). Синодъ разослалъ указы по епархіямъ и вскорѣ получилъ отвѣты, изъ которыхъ видно, что большинство учениковъ изучаютъ или „произошли“ „грекословенски грамматику“, „словено-россійскую“ или „словенскую грамматику“, одни цѣликомъ, другіе частію. Въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ болѣе обстоятельно указывается, что въ школахъ изучаютъ „букварей наизустъ и толкованій грамматическихъ четырехъ статей: орѳографіи, этимологіи, просодіи орѳографійной и синтаксіи, осми частей слова, уравненія, окончаній родовъ, склоненій“, спряженій“ [2]). Такимъ образомъ, школьная практика сохраняла старое направленіе въ преподаваніи грамматики.

Новгородская школа, видимо, попрежнему, являлась разсадникомъ учителей. По крайней мѣрѣ, въ отчетѣ рязанской епархіи ска-

[1]) Опис. Синод. Арх., т. VII, стр. 238. Ср. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 69. Дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта, стр. 66.

[2]) Тамъ же, прилож. № VIII.

зано по поводу одной школы, что „до 1726 году въ оной священно-служительскихъ и причетническихъ дѣтей грамматики и прочихъ къ познанію священнаго писанія наукъ обучать было некому“, и потому въ 1724 г. „три человѣка для означеннаго обученія посланы въ Новгородскую школу“ [1]).

Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ школы или совсѣмъ отсутствовали или были только начальныя, въ которыхъ некому было преподавать грамматику. Въ Вятской, напримѣръ, обучали только „словенской азбукѣ, часослова, букварямъ, псалтири, толкованія блаженствъ евангельскихъ, писать. *А болѣе оныхъ наукъ, за неимѣніемъ въ той епархіи учителя, учить некому*“ [2]).

Изъ Переславской доносили, что „въ домѣ архіерейскомъ школы и учениковъ не имѣется и содержать оныхъ за скудостью не на чѣмъ“ [3]). Изъ Астраханской тоже шли неутѣшительныя вѣсти: „Школъ въ Астрахани не построено и учениковъ никого не имѣлось и нынѣ не имѣется, да и построить оныхъ школъ и учениковъ содержать не чѣмъ“ [4]).

Скоро школьное дѣло стало совсѣмъ падать. Этому способствовали съ одной стороны экономическія причины, а съ другой ослабленіе интереса къ просвѣщенію въ сферахъ правительственныхъ [5]). Въ 1730 году мы сталкиваемся уже съ поразительнымъ фактомъ: въ этомъ году ректоръ Московскихъ славено-греко-латинскихъ школъ сообщалъ Синоду, что „*число учениковъ во всей академіи зѣло умалилося и ученія распространеніе прекъкается*“ [6]). Въ 1731 году Синоду доносили, что „въ славено-греко-латинской Московской академіи не токмо, что въ латинскихъ школахъ лексиконовъ казенныхъ, но и

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же.—Въ 1833 г. изъ Астрахани писали въ Синодъ о томъ же. См. Опис. Син. Арх, т X, стр. 624.

[5]) Дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта, напечатанныя въ Сб. Имп Рус. Ист. Общ., показываютъ, что просвѣщеніе мало интересовало правительство. Уже въ 1826 году Тайный Совѣтъ объявилъ Синоду, „чтобъ по представленію адмиралтействъ коллегіи имѣющимся во всемъ государствѣ для ученія приказныхъ и прочихъ чиновъ людей дѣтей цыфири и геометріи школамъ и во оныхъ обрѣтающимся учителямъ и ученикамъ быть въ вѣдѣніи Синода и соединить тѣ школы съ семинаріею и школами церковными“. (Сб. И. Р. И. О., т. 69, стр. 67. Ср. Полн. Собр постан. и распоряж. по вѣд. правосл. испов., т. V, № 1858). — Синодъ просилъ освободить его отъ этой обязанности.

[6]) Описаніе Синод. Арх., т. X, стр. 622.

въ россійской школѣ азбукъ, часослововъ и псалтырей не имѣется, а собственныхъ за скудостію ученики купить не могутъ, отчего и ученію ихъ имѣется препятствіе не малое“ [1]). Въ 1740 году Синодъ извѣщалъ Кабинетъ Ея Величества, что въ Петербургѣ совсѣмъ нѣтъ духовныхъ школъ [2]), и т. д.

Отчеты типографій [3]) показываютъ, что новыхъ грамматикъ послѣ смерти Петра не печаталось. Такъ, напримѣръ, изъ отчетовъ Московской типографіи 1730 и 1731 гг. видно, что здѣсь съ 1721 года грамматики не выпускали [4]). Въ вѣдомостяхъ о книгахъ по той же типографіи за 1741—1755 гг. упоминается 14 экземпляровъ грамматики, имѣющихся въ наличности, но объ изданіи не говорится [5]). Въ вѣдомостяхъ Московской типографской конторы о выходѣ изъ печати различныхъ учебныхъ книгъ за 1749—1751 гг. грамматика совершенно не упоминается [6]). То же находимъ и въ отчетахъ другихъ типографій.

Очевидно, о славянской грамматикѣ мало-по-малу забыли. Въ отчетѣ 1735 года объ имѣющихся въ Александроневской семинаріи ученикахъ указано, чему ученики обучаются: изъ него видно, что латинской грамматикѣ въ это время здѣсь еще учили, но по-русски занимались только чтеніемъ и письмомъ. Если такъ обстояло дѣло въ центрѣ, то, вѣроятно, не лучше было и въ большинствѣ провинціальныхъ школъ.

V.

Какъ ни печально было положеніе школьнаго дѣла послѣ Петра, однако то просвѣтительное движеніе, которое началось при немъ, заглохнуть уже не могло. Если школа постепенно теряла свое значеніе, то на сцену выступалъ новый могущественный факторъ—литература. Литературнымъ дѣятелямъ той эпохи естественно было на первыхъ же порахъ столкнуться съ вопросомъ о языкѣ: старый литературный языкъ казался уже обветшалымъ, нужно было выработать

---

[1]) Тамъ же, т. XI, стр. 725.

[2]) Тамъ же, т. XX, стр. 32.

[3]) Московской Синодальной, Кіево-Печерской, Сенатской Академіи наукъ. Очень много этихъ отчетовъ напечатано въ Опис. Синод. Арх.

[4]) Опис. Синод. Арх., т. X, стр. 1085—1094, т. XI, стр. 725.

[5]) Тамъ же, т. XX, прил. II. Въ 1747 году изъ 14 оставалось пять. Тѣ же пять упоминаются и въ 1750 году.

[6]) Тамъ же, т. XXXI, стр. 533—536.

тать новый. „Посмотрите отъ Петра Великаго лѣтъ на многіи прошедшіи годы; то размысливши увидите ясно, что совершеннѣйшій сталъ въ Петровы лѣта языкъ, нежели въ бывшія прежде“—съ такими словами обращался къ своимъ слушателямъ Тредьяковскій при открытіи въ 1735 году „Россійскаго Собранія“. „Не великая ль удобность“, говорилъ онъ, „къ начатію Грамматіки?“ [1]).

Тредьяковскій, очевидно, былъ въ данномъ случаѣ выразителемъ опредѣлявшагося литературнаго направленія. Этимъ только и объясняется обиліе разсужденій на грамматическія темы у представителей нашего знаменитаго литературнаго тріумвирата—Тредьяковскаго, Ломоносова и Сумарокова [2]).

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ, несмотря на разнообразіе темъ, замѣчается одна характерная черта—стремленіе создать *національный* литературный языкъ, освободиться отъ чуждаго вліянія. Національно-литературное самосознаніе, такимъ образомъ, начинало уже замѣтно пробуждаться. „Россійская ортографія ні самыя малыя нужды не імѣетъ слѣдовать всякой чужой ортографіи“, писалъ Тредьяковскій въ „Разговорѣ о правописаніи“ [3]). Въ предисловіи къ книгѣ „Ѣзда въ островъ любви“ онъ еще ярче обнаружилъ эту національную тенденцію и предлагалъ читателю не гнѣваться, что онъ „оную не славенскимъ языкомъ перевелъ, но *почти самымъ простымъ Рускимъ слóвомъ, то есть каковымъ мы межъ собои говоримъ*“. Свою смѣлость онъ оправдывалъ слѣдующими соображеніями: 1) „языкъ славенскои у насъ есть языкъ церковнои“, 2) „языкъ славенскои въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь теменъ и многія его наши читая не ра-

---

[1]) „Рѣчь о чистотѣ Россійскаго языка“. Сочиненія, изд Смирдина, 1849 г., т. I, стр. 265—266.

[2]) *У Тредьяковскаго* „Рѣчь о чистотѣ Россійскаго языка“; „Разговоръ о правописаніи“, „О первенствѣ словенскаго языка предъ тевтоническимъ“; предисловіе къ переводу французскаго сочиненія „Ѣзда въ островъ любви“; „Разсужденіе о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи Россійскомъ“; „De plurali nominum adjectivorum integrorum Russica lingua scribendorum terminatione“, „Объ окончаніи прилагательныхъ именъ цѣлыхъ, мужескаго рода, множественнаго числа, и о двухъ нѣкоторыхъ разностяхъ, до правописанія принадлежащихъ“.

У Сумарокова. „О истребленіи чужихъ словъ изъ Русскаго языка“, „О коренныхъ словахъ Русскаго языка“, „Истолкованіе личныхъ мѣстоимѣній“, „Къ типографскимъ наборщикамъ“; „Епистола о Русскомъ языкѣ“, „О правописаніи“, „Наставленіе ученикамъ“; „О стопосложеніи“.

[3]) Сочиненія, т. III, стр. 79.—Это было тѣмъ болѣе важно, что въ прежнихъ грамматикахъ рекомендовалось „опасно блюсти“ въ греческихъ словахъ греческую, въ латинскихъ—латинскую, въ еврейскихъ—еврейскую орѳографію.

зумѣютъ", 3) „языкъ славенскои нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится" [1]).

Защищалъ русскій языкъ отъ иноземнаго вліянія и Сумароковъ: „Воспріятіе чужихъ словъ", писалъ онъ (правда, въ болѣе позднюю пору), „а особливо безъ необходимости, есть не обогащеніе, но порча языка... Языкъ нашъ толико сею зараженъ язвою, что и теперь вычищать ево трудно" [2]). То же онъ повторилъ и въ „Епистолѣ о Русскомъ языкѣ":

„Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ;
Но нѣтъ довольнаго числа на немъ писцовъ.
Одинъ послѣдуя несвойственному складу,
Влечетъ въ Германію Россійскую Палладу,
И мня, что тѣмъ онъ ей пріятства придаетъ,
Природну красоту съ лица ее беретъ.
Другой не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
Порусски, думаетъ, всего сказать не можно,
И взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплѣтаетъ рѣчь.
. . . . . .
Имѣетъ въ слогѣ всякъ различіе народъ.
Что очень хорошо на языкѣ французскомъ,
То можетъ въ точности быть скаредно на Русскомъ" [3]).

Это движеніе, какъ мы уже отмѣтили, началось еще съ 30-хъ годовъ. „Россійское Собраніе" при Академіи наукъ должно было, по примѣру французской академіи, „радѣть о возможномъ дополненіи россійскаго языка, о его чистотѣ, красотѣ и желаемомъ потомъ совершенствѣ". Первой его обязанностью являлось сочиненіе „грамматики доброй и исправной" и „лексикона полнаго и довольнаго", какъ говорилъ Тредьяковскій [4]). Создавалось мало-по-малу убѣжденіе, что только такимъ путемъ можно „въ совершенство приводить нашъ языкъ" [5]).

---

[1]) Сочиненія, т. III, стр. 649.

[2]) Сочиненія, изд. 1787 г., т. IX, стр. 244—248: „О истребленіи чужихъ словъ изъ Русскаго языка".—Со временъ Петра и до Екатерины II въ русскій языкъ вторглась масса варваризмовъ. Припомнимъ сатирическіе журналы Екатерининской эпохи, „Бригадиръ" Фонвизина и т. п. произведенія, гдѣ высмѣивается пристрастіе къ иностраннымъ словамъ. Сумароковъ приводитъ такой примѣръ: „Я въ цистракціи и дезеспере; Аманта моя здѣлала мнѣ инфиделите, а я а ку сюръ противъ риваля своево буду реванжироваться".

[3]) Сочиненія, т. I, 331—335.

[4]) Сочиненія, т. I, стр. 260.

[5]) Тамъ же, стр. 261.

Благодаря этому интересу къ вопросамъ языка была подготовлена почва для появленія труда Ломоносова „Россійская Грамматика“, которая произвела цѣлый переворотъ какъ въ ученомъ и литературномъ, такъ и въ педагогическомъ мірѣ. Даже врагъ Ломоносова, Сумароковъ, хотя и говорилъ, что „многія не размышляя ево ошибки приняли украшеніемъ пінтическимъ и употребляютъ оныя къ безобразію нашего языка“ [1]), однако долженъ былъ признать, что грамматика Ломоносова стала закономъ для писателей и что „по сво правиламъ начали писати“ [2]).

До 1800 года грамматика Ломоносова выдержала 8 изданій [3]). Могла бы выдержать и больше, если бы спросъ своевременно удовлетворялся. По крайней мѣрѣ, въ журналѣ Канцеляріи Академіи Наукъ 17-го октября 1763 года говорится, что „напечатанная Россійская Грамматика господина коллежскаго совѣтника Ломоносова въ продажу вся вышла, а многіе охотники купить ее желаютъ“. То же подтверждается журналомъ 26-го мая 1764 года, въ которомъ указывается, что „многіе желаютъ книгъ сочиненія господина статскаго совѣтника Ломоносова Риторики и *Грамматики*, а оныхъ, за продажею, въ книжной лавкѣ *отъ давняго времени нѣтъ*“ [4]).

Вотъ какъ опредѣляютъ значеніе грамматики Ломоносова митрополитъ Евгеній и Ѳ. И. Буслаевъ: Ломоносовъ, пишетъ Евгеній, „сочинилъ *первую для россійскаго языка грамматику*; до него были въ Россіи только славянскія грамматики: Зизанія, Смотрицкаго и Максимова, изъ коихъ нельзя было извлечь правилъ для русскаго языка, имѣющаго многія отличія, и во время Ломоносова получившаго уже столько различныхъ новыхъ оборотовъ выраженія и слога, что каждый по произволу выдумывалъ и употреблялъ ихъ. Между писателями завелись споры о правописаніи и грамматической аналогіи, такъ что трудно было всѣмъ угодить правилами,... но большая часть правилъ Ломоносова осталась въ нашей грамматикѣ“ [5]).

Ѳ. И. Буслаевъ говоритъ, что подробности грамматики Ломоносова, „впервые собранныя изъ устъ народа съ необыкновенной про-

---

[1]) Сочиненія, изд. 1787 г., т. X, стр. 7.

[2]) Тамъ же, стр. 37.

[3]) Изъ нихъ *четыре* изданія помѣчены 1755 г., *пятое* — въ „Собраніи сочиненій Ломоносова“ 1787 г., ч. VI; *шестое*—С.-Пб 1788, *седьмое*—въ „Собраніи сочиненій Ломоносова“ 1794 г., ч. VI, *восьмое*—С.-Пб. 1797.

[4]) Сочиненія М. В. Ломоносова. Изд. И. А. Н. С.-Пб. 1898, т. IV, прим. стр. 36—37.

[5]) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей. 1845. Т. II. стр. 22—23.

ницательностью, ученою и артистическою тонкостью художника, и впервые искусно приведенныя въ стройную систему, составляютъ самое существенное достоинство этой книги. Съ точки зрѣнія современной лингвистики не удивительно было бы найти слабыя стороны въ книгѣ, составленной еще въ то время, когда не знали ни исторіи языка, ни сравнительной грамматики. Напротивъ того, гораздо удивительнѣе то, какъ ея геніальный авторъ умѣлъ предупредить грозившую ему въ будущемъ ученую критику, удержавшись отъ теоретическихъ ошибокъ своего времени и ограничившись скромною задачею—точно и мѣтко объяснять для практики только свою родную рѣчь. И въ этомъ-то именно отношеніи Грамматика Ломоносова не только не утратила своего ученаго значенія, но и до сихъ поръ по частямъ передается въ обученіи новымъ поколѣніямъ по позднѣйшимъ руководствамъ, для которыхъ выдержки изъ этой книги составляютъ лучшее украшеніе“ [1]).

Дѣйствительно, грамматика Ломоносова составила эпоху: это была первая научная попытка создать грамматику *русскаго* языка. Въ виду исключительнаго значенія труда Ломоносова и его вліянія на школьное преподаваніе намъ придется на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе

Для выясненія построенія и опредѣленія содержанія Ломоносовской грамматики удобнѣе всего привести оглавленіе, помѣщенное въ первомъ изданіи 1755 года въ такомъ видѣ:

Наставленіе первое.

О человѣческомъ словѣ вообще.

Глава 1. О голосѣ.
„ 2. О выговорѣ и нераздѣлимыхъ частяхъ человѣческаго слова.
„ 3. О сложеніи нераздѣлимыхъ частей слова.
„ 4. О знаменательныхъ частяхъ слова.
„ 5. О сложеніи знаменательныхъ частей слова.

Наставленіе второе.

О чтеніи и правописаніи Россійскомъ.

Глава 1. О азбукѣ Россійской.
„ 2. О произношеніи буквъ Россійскихъ.
„ 3. О складахъ и реченіяхъ.

[1]) Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова 1865. „Ломоносовъ, какъ грамматикъ“, Ѳ. И. Буслаева, стр. 71—74 —Грамматика Ломоносова была перева-

Глава 4. О знакахъ.
„ 5. О правописаніи.

Наставленіе третье.

Глава 1. О родахъ именъ.
„ 2. О склоненіяхъ.
„ 3. Содержащая особливыя правила склоненій.
„ 4. О уравненіяхъ.
„ 5. О произвожденіи притяжательныхъ, отечественныхъ и отеческихъ именъ, и женскихъ отъ мужескихъ.
„ 6. О именахъ увеличительныхъ и умалительныхъ.
„ 7. О именахъ числительныхъ.

Наставленіе четвертое.

О глаголѣ.

Глава 1. О свойствахъ глагола вообще.
„ 2. О первомъ спряженіи простыхъ глаголовъ.
„ 3. О второмъ спряженіи простыхъ глаголовъ.
„ 4. О глаголахъ сложенныхъ обоего спряженія.
„ 5. О неправильныхъ и неполныхъ глаголахъ.

Наставленіе пятое.

О служебныхъ частяхъ слова.

Глава 1. О мѣстоименіи.
„ 2. О причастіи.
„ 3. О нарѣчіи.
„ 4. О предлогѣ.
„ 5. О союзѣ.
„ 6. О междуметіи.

Наставленіе шестое.

О сочиненіи частей слова.

Глава 1. О сочиненіи частей слова вообще.
„ 2. О сочиненіи именъ.
„ 3. О сочиненіи глаголовъ.

дена на нѣмецкій языкъ Ставенгагеномъ въ 1764 году и на новогреческій Михаиломъ Анастасомъ въ 1804 году.

Глава 4. О сочиненіи служебныхъ частей слова.

„ 5. О сочиненіи частей слова по разнымъ обстоятельствамъ.

Этотъ стройный планъ дался Ломоносову послѣ многолѣтняго упорнаго труда. Черновые наброски, дошедшіе до насъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ тщательно разсмотрѣлъ весь матеріалъ, какой только могъ быть ему доступенъ. Въ методѣ работы виденъ ученый, привыкшій *исходить* изъ явленій, а *не подгонять* ихъ подъ готовыя формулы, дѣленія и опредѣленія. Онъ внимательно собираетъ факты языка, классифицируетъ ихъ и только послѣ этого дѣлаетъ тотъ или другой выводъ. Если въ иныхъ отдѣлахъ, напримѣръ, въ ученіи о глаголѣ, замѣчается нѣкоторая искусственная сложность, то она обусловливается не догматичностью работы, а сложностью самихъ фактовъ. Во многихъ же другихъ отношеніяхъ грамматика Ломоносова неизмѣримо выше современныхъ намъ школьныхъ.

Обратимся къ содержанію ея.

Въ *первомъ наставленіи* рѣчь идетъ о звукахъ, при чемъ Ломоносовъ пытается распредѣлить ихъ по органамъ произношенія [1]); затѣмъ о слогахъ и о частяхъ рѣчи.

Частей рѣчи онъ насчитываетъ 8, какъ и прежде: имя, мѣстоименіе, глаголъ, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ, междуметіе. *Имя прилагательное* и *имя числительное* упоминаются, но, какъ и *имя существительное*, не являются еще отдѣльными частями рѣчи. *Имя* и *глаголъ* Ломоносовъ называетъ *главными*, а *остальныя—служебными* частями слова. Въ именахъ прилагательныхъ отмѣчается три *степени*: *положительный*, *рассудительный* (наша сравн.) и *превосходный* [2]). *Чиселъ* Ломоносовъ признаетъ два, *падежей*—семь, причемъ впервые вводитъ терминъ *предложный* падежъ; такимъ образомъ и число и названія падежей у него совпадаютъ съ теперешними. *Родовъ* — три. *Временъ* — десять. *Наклоненій* — три: изъявительное, повелительное,

---

[1]) Это распредѣленіе гораздо правильнѣе современнаго школьнаго. Напримѣръ, согласныя у него раздѣляются такъ:

Губныя. Б, В, М, П, Ф. Сюда принадлежитъ и та согласная, которую для остановленія конскаго произносятъ.

Зубныя. Ж, З, С, Ш.

Язычныя. Д, Л, Н. Р, Т, Ц, Ч.

Поднебныя. Г (въ словѣ *глазъ*), К.

Гортанныя. Г (въ *благо*), Х.

[2]) Слово „степень“ было муж. рода.

неопредѣленное [1]). *Залоговъ* — три: дѣйствительный, страдательный и средній [2]). *Спряженій*—два. Заканчивается этотъ отдѣлъ „сложеніемъ знаменательныхъ частей слова“, подъ которымъ нужно разумѣть нѣкоторыя элементарныя замѣчанія о синтаксисѣ простого и сложнаго предложенія. Однако терминовъ здѣсь нѣтъ: Ломоносовъ пытается только выяснить *психологическія* основы построенія *простого* и *сложнаго*. Въ заключительныхъ словахъ „перваго наставленія“ Ломоносовъ даетъ опредѣленіе понятія „грамматика“: „Общая Грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова, а особливая, какова Россійская, Грамматика есть знаніе, какъ говорить и писать чисто Россійскимъ языкомъ по лутчему, рассудительному его употребленію“ (§ 86).

Второе наставленіе касается *чтенія и правописанія Россійскаго*. Здѣсь дается классификація буквъ, изслѣдуется ихъ произношеніе, указывается способъ дѣленія словъ на слоги [3]), говорится о знакахъ препинанія и наконецъ дѣлается попытка научно подойти къ вопросамъ правописанія. При этомъ Ломоносовъ приводитъ главнѣйшія орѳографическія правила [4]).

---

[1]) Терминъ „сослагательное“ у Ломоносова есть, но это наклоненіе онъ не считаетъ свойственнымъ русскому языку.

[2]) По поводу залоговъ Ломоносовъ замѣчаетъ, что въ этотъ отдѣлъ прежніе сочинители много ввели *неисправностей*, „послѣдуя греческому и латинскому свойству“ (§ 73).

[3]) Этотъ способъ довольно простъ и не лишенъ остроумія: „Сіе“, говоритъ Л. „можно различить *началомъ*, *сложеніемъ*, *окончаніемъ* реченій и *усугубленіемъ буквъ*. 1) Началомъ, причитаются тѣ согласныя буквы къ послѣдующей самогласной, съ которыхъ есть начинающееся какое-нибудь реченіе въ Россійскомъ языкѣ, тѣмъ же порядкомъ согласныхъ, напримѣръ: *у-жа-сный*, *чу-дный*, *дря-хлый*, *то-пчу*. ибо отъ согласныхъ *сн*, *дн*, *хл*, *пч*, начинаются реченія, *снѣгъ*, *дно*, *хлѣбъ*, *пчела*. 2) Сложеніемъ, что предлоги по складамъ всегда отдѣляются отъ частей слова, съ которыми они сложены; хотя бы вышеписанному правилу противно было, напр. *воз-ношу* а не *во-зношу*; несмотря на то, что отъ *зн*, *знаю*, *зной*, начинаются. 3) Окончаніемъ, когда въ производномъ реченіи приращенныхъ согласныхъ буквъ нѣтъ въ первообразномъ, тѣ относятся къ слѣдующимъ самогласнымъ, напр. *по-твор-ство*, *ноч-ный*, *за-втре-шный*, *раз-лич-ный* и протч. 4) Усугубленныя буквы всегда по буквамъ раздѣляются, одна къ предыдущему, другая къ слѣдующему: *стран-ный*, *Ахил-лесъ*“ (§ 106).

[4]) Главнѣйшими средствами при изученіи орѳографіи Ломоносовъ считаетъ знаніе грамматики и чтеніе книгъ „сожалѣтельно“, говоритъ онъ, „что для избѣжанія погрѣшностей не можно предписать другихъ правилъ, кромѣ прилѣжнаго ученія Россійской грамматѣ, и чтенія книгъ церьковныхъ, безъ чего и во всемъ Россійскомъ словѣ никто твердъ и силенъ быть не можетъ“ (§ 116). Ср. § 117.

Третье наставленіе посвящено имени. Ломоносовъ устанавливаетъ 5 склоненій— четыре существительныхъ и одно прилагательныхъ.

Къ *первому* относятся существительныя на *а, я*, (м. и ж. р.), ко *второму* — на *ъ, ь*, (м. р.), *й* и на *е, іе, о*; къ *третьему* — слова средняго рода на *я;* къ *четвертому*—женскаго рода на *ь*.—Сдѣлано очень много замѣчаній объ „особливыхъ правилахъ склоненій“, въ которыхъ Ломоносовъ проявилъ тонкое филологическое чутье.

Склоненіе прилагательныхъ отличается отъ нашего нѣкоторыми мелочами, отчасти фонетическаго, отчасти орѳографическаго характера. Такъ, для им. пад. ед. ч. мужескаго рода допускаются два окончанія *ый* и *ой (истинный* или *истинной*), а для мягкаго — *ей* (*прежней*); род. пад. женск. р. ед. ч. кромѣ русскаго окончанія *ой* имѣетъ и старославянское *ыя* (*истинныя* или *истинной*), им. мн. ч. для всѣхъ родовъ оканчивается безразлично на *е* или *я*.

Въ ученіи о степеняхъ сравненія съ точки зрѣнія исторіи литературнаго языка любопытны слѣдующія замѣчанія: „Новыя превосходныя, съ польскаго языка взятыя, съ приложеніемъ *наи*, *наилутшій*, *наичистыйшій*, Россійскому слуху непріятны“ (§ 216). „Нерѣдко ради двухъ или трехъ *е*, первые склады составляющихъ, вмѣсто *ле* употребляется *яе*: *блекляе*, *свѣтляе*. Однако и *блекляе*, *свѣтляе*, равное или и лутчее достоинство имѣютъ“ (§ 218) [1]. „Прилагательныя, отъ матеріи происходящія, ни рассудительнаго, ни превосходнаго степени не имѣютъ, какъ: *золотой*, *дубовой*; нельзя сказать, *золотѣе*, *дубовѣе*“ (§ 226).

Въ разсужденіи Ломоносова объ именахъ *увеличительныхъ* и *умалительныхъ* указывается еще подраздѣленіе умалительныхъ на *ласкательныя* и *презрительныя* [2]).

Имена числительныя раздѣляются Ломоносовымъ на *первообразныя* и *производныя*, т. е. наши *количественныя* и *порядковыя*. Склоненіе ихъ связывается или со склоненіемъ существительныхъ или со

[1]) Такое допущеніе народныхъ формъ въ литературный языкъ вызвало замѣчаніе Сумарокова, что Ломоносовъ „московское нарѣчіе въ колмогорское превратилъ“.

[2]) Этотъ отдѣлъ тоже очень важенъ для исторіи литературнаго языка. Въ *увеличительныхъ*, которыя „значатъ вещь грубую“, Ломоносовъ даетъ три окончанія *ище*, *ина*, *ищище* (столъ, столище, столина, столинище; рука. ручище. ручина, ручинище); *ласкательныя* имѣютъ окончанія *ик*ъ, *ок*ъ, *окъ*, *чикъ* (столикъ, куп͡окъ. зубокъ, кафтанчикъ), *ка*, *ыка*, *ушка* (головка, головонька, головушка), *ко*, *цо*, *чко*, *ушко* (словцо, словечко, словечушко), *презрительныя* „кончатся на *ишко* и *енко*, и рода суть сомнительнаго“ (нашъ столишко, наша скатертишко, старое пивенцо, дрянное стариченцо, старое бабенцо, утлое суднишко). §§ 246, 247 и 248.

склоненіемъ прилагательныхъ. Отъ нашего склоненія отступаетъ въ схемахъ Ломоносова склоненіе *сорока*, *девяноста*, *ста* [1]).

Наиболѣе сложнымъ является *наставленіе четвертое*, въ которомъ рѣчь идетъ о глаголѣ.

Признавая, какъ уже было сказано, три наклоненія [2]), Ломоносовъ установилъ десять временъ: 1) настоящее: *трясу*, *глотаю*, *бросаю*, *плещу*; 2) прошедшее неопредѣленное: *трясъ*, *глоталъ*, *бросалъ*, *плескалъ*; 3) прошедшее однократное: *тряхнулъ*, *глотнулъ*, *бросилъ*, *плеснулъ;* 4) давно прошедшее первое: *тряхивалъ*, *глатывалъ*, *брасывалъ*, *плескивалъ*; 5) давно прошедшее второе: *бывало трясъ*, *бывало глоталъ*, *бросалъ*, *плескалъ*; 6) давно прошедшее третье: *бывало трясывалъ*, *глатывалъ*, *брасывалъ*, *плескивалъ*; 7) будущее неопредѣленное: *буду трясти*, *стану глотать*, *бросать*, *плескать*; 8) будущее однократное: *тряхну*, *глотну*, *брошу*, *плесну*; 9) прошедшее совершенное, напримѣръ: *написалъ* отъ *пишу*; 10) будущее совершенное: *напишу* (§ 268). Какъ видимъ, сложность ученія о временахъ обусловилась отсутствіемъ ученія о видахъ.

Исходя изъ трехъ *главныхъ* залоговъ, Ломоносовъ насчитываетъ ихъ шесть: дѣйствительный, средній, страдательный, возвратный, взаимный и общій. Различеніе ихъ совпадаетъ съ нашимъ школьнымъ.

---

[1]) Вотъ какъ они склоняются у Ломоносова:

Единственное число.

Им. со́рокъ,	девяносто,	сто.
Род. со́рока,	девяноста,	ста.
Дат. со́року,	девяносту,	сту
Вин. со́рокъ,	девяносто,	сто.
Твор. со́рокомъ,	девяностомъ,	стомъ.
Пред. со́рокѣ,	девяностѣ,	стѣ

Множественное число.

Им. со́роки,	ста.
Род. сороковъ.	стотъ.
Дат. сорока́мъ,	стамъ.
Вин со́роки,	ста.
Твор. сорока́ми,	стами.
Пред. сорока́хъ,	стахъ.

[2]) „Желательнаго и сослагательнаго наклоненій въ Россійскомъ языкѣ особливыхъ нѣтъ; но вмѣсто оныхъ употребляютъ изъявительное съ приложеніемъ союзовъ. *когдабы*, *дабы*, *естьли*, *буде* и протч.“ (§ 267).

Такое же совпаденіе замѣчается и почти во всѣхъ другихъ частяхъ ученія о глаголахъ [1]).

Въ *наставленіи пятомъ*, гдѣ говорится объ остальныхъ частяхъ рѣчи, слѣдуетъ обратить вниманіе прежде всего на мѣстоименіе. Ломоносовъ точно устанавливаетъ число мѣстоименій—*девятнадцать* [2]) и дѣлитъ ихъ на *указательныя* (я, ты, онъ, самъ, сей, тотъ), *возносительныя* (которой, кой, оный), *возвратительныя* (себя), *вопросительныя* (чей, кто, кой, которой) и *притяжательныя* (мой, твой, свой, нашъ, вашъ).—Остальное не представляетъ особаго интереса. Укажемъ только, что *нарѣчія* дѣлятся на „время показующія“, „мѣсто значащія“, качества и количества, числительныя, порядка (*прежде, потомъ, даже, еще*), увѣренія (*такъ, весьма, подлинно*), отрицанія (*никакъ, отнюдь, ни мало*), напряженія (*очень, весьма*), уподобленія (*какъ, подобно, коль, толь*), разности (*инако, различно*), вопрошенія, сомнѣнія (*восьлибо, никакъ*), собранія (*вмѣстѣ, заодно, вдругъ*), скорости (*нечаянно, вдругъ*), указанія (*вотъ, тутъ*), отгоненія (*вонъ, прочь, далѣе*). *Союзы* дѣлятся на простые (*прежде, ибо*), сложенные (*ежели, дабы*), двурѣчные (*прежде нежели, того ради*). „Знаменованія“ союзовъ указаны слѣдующія: сопрягательныя, раздѣлительныя, условныя, противительныя, винословныя, наносительныя (*и такъ, посему, слѣдовательно*).

Наставленіе шестое сосредоточивается на нѣкоторыхъ синтаксическихъ явленіяхъ русскаго языка: здѣсь идетъ рѣчь о согласованіи существительныхъ съ прилагательными, глаголовъ съ мѣстоименіями, мѣстоименій съ существительными; выясняется значеніе падежей; даются правила относительно синтаксиса именъ числительныхъ; указывается употребленіе падежей при глаголахъ и употребленіе глагольныхъ формъ [3]); наконецъ, даются свѣдѣнія о синтаксическихъ явле-

[1]) Интересенъ § 427: „Оканчевая правила о глаголахъ, нельзя не упомянуть о нѣкоторомъ особливомъ свойствѣ простаго Россійскаго языка, изображающемъ скорыя дѣйствія, которыя производятся отъ прошедшихъ неопредѣленныхъ· отъ *глядѣлъ, глядъ*; отъ *бряка̀лъ, брякъ;* отъ *хвата̀лъ, хватъ*; отъ *совалъ, совъ*; отъ *пыха̀лъ, пыхъ*. Всѣ сіи односложныя глаголовъ произведенія имѣютъ, 1) силу дѣепричастія *глядѣ на меня, молвилъ*, т. е, *взглянувъ на меня вдругъ, молвилъ*, 2) и наклоненіе изъявительное значатъ. *хватъ его за руку*, т. е. *вдругъ хватилъ его за руку*“.

[2]) Для сравненія съ современнымъ грамматическимъ ученіемъ приводимъ ихъ перечисленіе: *я, ты, онъ, себя, самъ, кто, что, тотъ, сей, мой, твой, свой, который, кой, чей, нашъ, вашъ, оный, иной* (§ 428).

[3]) Между прочимъ Ломоносовъ впервые устанавливаетъ правило относительно употребленія дѣепричастія· „Весьма погрѣшаютъ тѣ“, говоритъ онъ, „которые по свой-

ніяхъ въ области вспомогательныхъ частей рѣчи. Этимъ синтаксисъ и исчерпывается.

Хотя грамматическая терминологія Ломоносова и близка къ терминологіи Смотрицкаго, однако содержаніе его труда отличалось совершенной новизной: прекрасное знаніе *живой* русской рѣчи и церковно-славянскаго языка позволило ему установить въ литературномъ языкѣ два основныхъ элемента: старо-книжный и народный [1]), причемъ изъ всѣхъ говоровъ онъ предпочелъ московскій, не упуская однако изъ вниманія и интересы другихъ мѣстностей Россіи. Эта точка зрѣнія, безусловно правильная, ярко выразилась въ двухъ положеніяхъ Ломоносова относительно правописанія: „Въ правописаніи", говоритъ онъ, „наблюдать надлежитъ. 1) Чтобы оно служило къ удобному чтенію каждому знающему Россійской грамматѣ. 2) Чтобы не отходило далече отъ главныхъ Россійскихъ діалектовъ, которые суть три: Московской, Сѣверной, Украинской. 3) Чтобы не удалялось много отъ чистаго выговору. 4) Чтобы не закрылись совсѣмъ слѣды произвожденія и сложенія реченій" (§ 112). „Московское нарѣчіе не токмо для важности столичнаго города, но и для своей отмѣнной красоты протчимъ справедливо предпочитается; а особливо выговоръ буквы *о* безъ ударенія, какъ *а*, много пріятнѣе; но отъ того Московскіе уроженцы, а больше тѣ, которые немного и невнимательно по церковнымъ книгамъ читать учились, въ правописаніи часто погрѣшаютъ, пишучи *а* вмѣсто *о*: *хачу* вмѣсто *хочу*, *гавари* вмѣсто *говори*. Но ежели положить, чтобы по сему выговору

ству чужихъ языковъ дѣепричастія отъ глаголовъ личныхъ лицами раздѣляютъ. Ибо дѣепричастіе должно въ лицѣ согласоваться съ главнымъ глаголомъ личнымъ, на которомъ всей рѣчи состоитъ сила. *идучи въ школу, встрѣтился я съ пріятелемъ*; *написавъ я грамотку, посылаю за море*. Но многіе въ противность сему пишутъ. *идучи я въ школу, встрѣтился со мною пріятель*; *написавъ я грамотку, онъ пріѣхалъ съ моря*; *будучи я удостовѣренъ о вашемъ къ себѣ дружествѣ, вы можете уповать на мое къ вамъ усердіе*; что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое Россійское сочиненіе" (§ 532).

[1]) Яркимъ примѣромъ можетъ служить разсужденіе Ломоносова о дѣепричастіяхъ: „Дѣепричастія времени настоящаго глаголовъ, кончающихся на *ю* съ предыдущей самогласною, раждаются чрезъ приложеніе склада *чи* или чрезъ премѣненіе литеры *ю* на *я*, напр: *знаю, зная* или *знаючи*; *имѣю, имѣя* или *имѣючи*; *толкую, толкуя* или *толкуючи*. При семъ примѣчать надлежитъ, что дѣепричастія на *ючи* пристойнѣе у точныхъ Россійскихъ глаголовъ, нежели у тѣхъ, которые отъ Славенскихъ происходятъ; и напротивъ того дѣепричастія на *я* употребительнѣе у Славенскихъ, нежели у Россійскихъ. Напримѣръ лутче сказать *толкаючи*, нежели *толкая*; но напротивъ того лутче употребить *дерзая*, нежели *дерзаючи*" (§§ 354 и 356).

всѣмъ писать и печатать; то должно большую часть Россіи говорить и читать снова переучить насильно“ (§ 115).

Такимъ образомъ современники Ломоносова получили въ его трудѣ геніальную попытку создать грамматику русскаго литературнаго языка. Этого языка еще не было, но чисто художническое чутье Ломоносова, проявившееся въ указаніи отношеній старо-книжнаго и народнаго элементовъ, выборъ грамматическаго матеріала, ясность изложенія, остроуміе многихъ замѣчаній о словоупотребленіи и словосочиненіи, стройная систематизація—все это служило залогомъ созданія литературнаго языка въ ближайшемъ будущемъ.

Правда, въ своемъ „Разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ“ Ломоносовъ съ одной стороны отвелъ еще слишкомъ почетное мѣсто старославянскому языку, съ другой — сдѣлалъ грубую психологическую ошибку, нарушивъ свободу творчества установленіемъ строгихъ піитическихъ рамокъ. Тѣмъ не менѣе для эволюціи новаго литературнаго языка была открыта широкая дорога: слѣдующимъ литературнымъ поколѣніямъ оставалось только ослабить элементъ старо-книжный на счетъ чисто національнаго, народнаго [1]).

VI.

Новыя задачи, поставленныя Ломоносовымъ, талантливая разработка грамматическаго матеріала въ его трудѣ, общее стремленіе

---

[1]) Къ числу попытокъ создать русскую грамматику нужно отнести и неоконченное сочиненіе А. Л. Шлецера на нѣмецкомъ языкѣ. Онъ довелъ обзоръ до склоненія именъ прилагательныхъ. Въ 1764 г. было отпечатано всего одиннадцать листовъ, которые сохранились въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ. Одинъ изъ нихъ находится въ геттингенской библіотекѣ съ собственноручными замѣтками автора. О причинахъ, вызвавшихъ прекращеніе работы Шлецера, см. въ его автобіографіи „Schlözer's Oeffentliches und Privatleben von ihm selbst beschrieben. Gottingen. 1802“. Русскій переводъ этой книги съ примѣчаніями В. Кеневича въ „Сборн. Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н.“, т. XIII.

Грамматическія изысканія Шлецера были встрѣчены Ломоносовымъ крайне недружелюбно. Онъ официально заявлялъ, что его грамматика „достойна вѣчнаго погашенія и забвенія“ (*Билярскій* „Матеріалы для біографіи Ломоносова“. С.-Пб. 1865. Стр. 729). Въ черновой замѣткѣ, написанной по тому же поводу, Ломоносовъ выражался еще рѣшительнѣе. Отмѣчая „нестерпимыя погрѣшности“ въ Шлецеровой „безпорядочной грамматикѣ“, его „незнаніе и сумазбродство въ произведеніи словъ Россійскихъ“, онъ заканчивалъ замѣтку слѣдующими словами: „Какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ Россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина“. (Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина. С.-Пб. 1847. Т. I, стр. 762—763). Ср. § 80 автобіографіи Шлецера.

создать русскій литературный языкъ—вызвали естественное желаніе освѣжить грамматическое преподаваніе. Въ то же время заботы Екатерины II объ образованіи давали толчекъ русской педагогической мысли и заставляли ее работать въ разнообразныхъ направленіяхъ: въ 1775 году Екатерина обязала приказы общественнаго призрѣнія учредить школы по всѣмъ городамъ и даже крупнымъ селеніямъ, т. е. положила основаніе „народнымъ училищамъ“ [1]); въ 1782 году образовалась комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ, которой, между прочимъ, было вмѣнено въ обязанность составить учебныя книги и подготовить „способныхъ“ учителей [2]); въ 1783 году открылось главное народное училище, одной изъ цѣлей котораго было воспитаніе будущихъ педагоговъ; въ 1786 году былъ изданъ „Уставъ Народныхъ Училищъ“; появился рядъ проектовъ, касающихся системы народнаго просвѣщенія [3]); для обновленія методовъ преподаванія было напечатано „Руководство учителямъ перваго и второго класса народныхъ училищъ“, шедшее вразрѣзъ съ установившейся практикой преподаванія [4]); одно за другимъ учреждались „главныя“ и „малыя“ училища и т. д. [5]).

Программы малыхъ и главныхъ училищъ показываютъ, что грамматикѣ было отведено видное мѣсто въ кругу учебныхъ предметовъ. Такъ, въ 1 и 2 классахъ предлагалось проходить „первоначальныя правила“ русской грамматики, въ 3-мъ—систематическую русскую грамматику съ упражненіями въ правописаніи, въ 4-мъ—съ упражненіями въ письменныхъ сочиненіяхъ. Въ „генеральномъ планѣ гимназій или государственныхъ училищъ“ находимъ любопытные взгляды на грамматику: „особливо“, говорится здѣсь, „должно какъ можно основательнѣе учить грамматическому познанію россійскаго языка. Въ разсужденіи сего для всѣхъ школъ надлежитъ предписать добрую, а не самовымышленную орфографію одинаковую..., непрерывно понуждать

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ. Учрежденіе о губерніяхъ 7-го ноября 1776 г. ст. 384.

[2]) Полн. Собр. Зак. Ук. 7-го сентября 1782 г.

[3]) См. *С. В. Рождественскій*, „Матеріалы для исторіи учебныхъ реформъ въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ“. С.-Пб. 1910.

[4]) Это была передѣлка австрійскаго руководства „Lehre des Methodenbuchs“.

[5]) Между прочимъ, нужно отмѣтить и обиліе иностранныхъ пансіоновъ, появившихся въ это время. Въ Петербургѣ въ 1780 году такихъ пансіоновъ было 23, кромѣ трехъ нѣмецкихъ училищъ при церквахъ св. Петра, Анны и Екатерины.—См. *А. Воронов*ъ. Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Пб. Учебнаго Округа съ 1715 по 1828 г. включительно. С.-Пб. 1849. Стр. 6.

(учениковъ) къ прилежному примѣчанію свойствъ россійскаго языка, отличающихъ оной отъ другихъ языковъ“ [1]).

Всѣмъ этимъ объясняется исключительное оживленіе грамматической литературы. Въ *1769 году* появилась „Россійская универсальная грамматика или всеобщее письмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку, съ семью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезныхъ вещей“ [2]). Въ *1771 году* ученикъ Ломоносова, профессоръ Московскаго университета А. А. Барсовъ издалъ *по порученію университетской конференціи* „Краткія правила россійской грамматики, собранныя изъ разныхъ россійскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества въ гимназіяхъ Имп. Моск. Унив.“ [3]). Въ *1787 году по высочайшему повелѣнію* Сырейщиковъ [4]), профессоръ русскаго языка въ главномъ народномъ училищѣ, составилъ для народныхъ училищъ „Краткую россійскую грамматику“ [5]). Въ *1788 году* „руководитель въ отечественномъ языкѣ юношеству, обучающемуся въ Академическомъ училищѣ“, Петръ Соколовъ, выпустилъ въ свѣтъ *по приказанію президента Академіи*, княгини Е. Р. Дашковой, „Начальныя основанія россійской грамматики въ пользу учащагося въ гимназіи при Имп. Ак. Наукъ юношества“ [6]). Въ *1790 году* Василій Свѣтовъ издалъ „Краткія правила ко изученію языка россійскаго, съ присовокупленіемъ краткихъ правилъ россій-

---

[1]) *С. В. Рождественскій*, „Матеріалы для исторіи учебныхъ реформъ“. С.-Пб. 1910. Стр. 107.

[2]) Въ теченіе 40 лѣтъ (со 2-го изд. подъ названіемъ „Письмовникъ“) эта книга выдержала 9 изданій. До 30-хъ гг. она пользовалась широкимъ распространеніемъ. Составителемъ ея былъ Н. Кургановъ. „Письмовникъ“ — своего рода популярная энциклопедія.

[3]) До 1802 года выдержала 8 изданій. Въ 1786 году изъ нея было сдѣлано сокращеніе нѣкимъ Пахомовымъ для младшихъ классовъ главныхъ народныхъ училищъ. Извлеченіе изъ грамматики Барсова можно найти въ книгѣ Буслаева „Въ воспоминаніе 12-го января 1755 года“. М. 1855.

[4]) Подъ редакціей Сырейщикова издавался ежемѣсячный журналъ „Растущій виноградъ“, гдѣ помѣщались произведенія воспитанниковъ главнаго училища.

[5]) У меня въ рукахъ были слѣдующія изданія: 1-ое—1787 г.; 3-е—1794 г., 4-ое—1796 г., 5-ое—1801 г.; 6-ое—1804 г.; 7-ое—1805 г. Всѣ изданія печатались съ перваго безъ перемѣнъ и нѣкоторыя изъ нихъ выходили въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ.

[6]) 2-ое изданіе 1792 г.; 3-е—1797 г; 4-ое—1806 г., 5-ое—1808 г. Каждое новое изданіе измѣняется въ планѣ и „дополняется и обогащается“ многими новыми правилами. Первыя два изданія съ посвященіемъ „Княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашкавай“ (sic!).

ской поэзіи или науки писать стихи, собранныя изъ новѣйшихъ писаній въ пользу обучающагося юношества“ [1]). Въ *1793 году* была напечатана „Краткая Россійская Грамматика. Въ пользу юношества въ Благородномъ Пансіонѣ при Имп. Моск. Унив.“ [2]).

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ грамматикъ есть предисловія, съ одной стороны объясняющія причины появленія грамматикъ, съ другой дающія методическія указанія. Такимъ образомъ, предисловія представляютъ не только историко-методическій, но и историко-культурный интересъ. Напримѣръ, въ обращеніи „Къ читателю“, предпосланномъ труду Барсова, излагаются взгляды на значеніе грамматическихъ занятій. „Твердое и основательное“, говоритъ авторъ, „по правиламъ Грамматическимъ обученіе иностранныхъ языковъ весьма нужно и полезно. Отъ таковаго правильнаго ученія та во-первыхъ происходитъ польза, что дѣти, наставляемы будучи по правиламъ въ какомъ нибудь языкѣ, не теряютъ напрасно времени, но еще онаго и мало тратится въ такомъ обученіи. Второе: сіе получаютъ дѣти немечтательное благо, что сверьхъ изощренія памяти отъ разумнаго и яснаго толкованія правилъ, самый разумъ ихъ изощряется, и нечувствительно готовится къ воспріятію пышныхъ словесныхъ Наукъ. Ибо при прямомъ толкованіи правилъ могутъ понимать, для чего необходимы и нужны по самой натурѣ восемь частей рѣчи въ человѣческомъ словѣ. Притомъ понятно слушая оныхъ частей опредѣленія, помалу привыкнутъ къ умствованію надлежащему“.

Дальше указывается на то, что изучавшіе языкъ безъ грамматики „изобилуютъ словами, или называемыми вокабулами“, но это—мнимое

---

[1]) 1-ое изданіе въ Москвѣ, 2-ое—въ Петербургѣ въ 1795 г.

[2]) Можно еще отмѣтить, какъ продуктъ увлеченія грамматическими вопросами, сочиненіе епископа Аполлоса: „Грамматика, руководствующая къ познанію славенороссійскаго языка. Печатана въ типографіи Кіевопечерскія Лавры 1794 года“. Въ предисловіи сочинитель трогательно пишетъ: „Были побужденія приступить къ сочиненію сея грамматики. И повиновеніе было искреннее! И намѣреніе мое всегда стремилося къ тому, дабы пожертвовать общему благу посильнымъ трудомъ и напечатать собственнымъ иждивеніемъ. Благодушныхъ любителей учености усердно прошу вознаградить трудившагося благосклоннымъ книги сея принятіемъ! И простить недостатки, которые покажутъ, можетъ быть, охотнымъ путь, тоже намѣреніе или распространить, или въ большее совершенство привести. 1794. Сент. 28. писано въ Сѣвскѣ“.—Это—компиляція грамматикъ Смотрицкаго и Ломоносова.

Въ 1782 году купецъ Сыромятниковъ издалъ въ Москвѣ „Бесѣдованіе Максима Грека о пользѣ грамматики съ присовокупленіемъ. 1) сословія именъ по азъ вѣди, съ толкованіемъ Славенскимъ: 2) толкованія Грамматическаго двумъ Молитвамъ: Царю небесный и Отче нашъ“.

богатство, такъ какъ учившіеся подобнымъ способомъ овладѣваютъ только обиходнымъ лексикономъ, а при помощи грамматики они „разумѣть могутъ стиль искуснаго Писателя и его сочиненія, естьли потребно будетъ, на свой языкъ перевести въ состояніи“.

Если такъ важно знаніе иностранной грамматики, то, конечно, не менѣе важно изученіе родной. Это прежде всего оберегетъ „матерній языкъ“: „ученые люди о правильномъ знаніи природнаго языка не меньше разсуждаютъ“, говоритъ Барсовъ, „какъ и о довольномъ свѣдѣніи чужестранныхъ. Причину сему полагаютъ сію, что иной, стремясь къ иностранному языку, наноситъ своему несносное безславіе, обезображая его или безсиліемъ, или недостаткомъ въ изображеніи нашихъ мыслей, или презирая его изобиліе, введеніемъ безъ всякой нужды иностранныхъ рѣчей“.

Составитель ставитъ въ связь съ грамматикой появленіе „на природномъ языкѣ гремящихъ Демосѳеновъ и Цицероновъ, важныхъ Гомеровъ и Виргиліевъ“, Овидіевъ и Ювеналовъ, „съ сожалѣніемъ укоряющихъ людскіе пороки“. Поэтому „кто желаетъ прославить себя Науками на природномъ языкѣ въ славу Отечества, себѣ въ честь: непремѣнно оному долженъ учиться по правиламъ Грамматическимъ“.

Воздавая должное грамматикѣ Ломоносова, какъ крупному ученому труду, Барсовъ находитъ, что она „для малолѣтныхъ въ нѣкоторыхъ, но необходимыхъ мѣстахъ, трудною покажется“. Это и было причиной его попытки „собрать изъ разныхъ Россійскихъ Грамматикъ краткія самонужнѣйшія правила Россійской Грамматики, которыя бы дѣтямъ, по ихъ нѣжному понятію, были вразумительны и ясны“.

Слова Барсова отражаютъ господствовавшіе въ то время взгляды, которые могутъ быть сведены къ такимъ положеніямъ:

1) *грамматика способствуетъ болѣе быстрому и основательному усвоенію иностранныхъ языковъ*;

2) *грамматика изощряетъ память*;

3) *грамматика содѣйствуетъ развитію мыслительныхъ способностей вообще и развиваетъ въ частности отвлеченное мышленіе;*

4) *грамматика охраняетъ національный языкъ*, съ одной стороны указывая его богатства, съ другой—устраняя варваризмы;

5) *грамматика способствуетъ развитію литературы.*

Ясно, что намѣченныя цѣли находились въ извѣстной связи съ культурными особенностями эпохи.

Предисловіе къ грамматикѣ Сырейщикова интересно по методи-

ческимъ указаніямъ, которыя намъ даютъ представленіе о грамматическомъ преподаваніи того времени. „Учитель“, говоритъ составитель въ методическомъ наставленіи, „прошедъ по грамматикѣ истолкованіе о *имени*, заставляетъ учениковъ по одиначкѣ пріискивать въ какой либо учебной книгѣ, имена существительныя и прочія, показывая *какого* каждое изъ нихъ *рода*, *котораго склоненія*, *въ какомъ падежѣ*, а прилагательныя *въ какой степени уравненія*; при чемъ болѣе всего упражняетъ учениковъ своихъ въ склоненіи, сперва порознь имянъ существительныхъ и прилагательныхъ; а по времени соединяя ихъ вмѣстѣ, и согласуя въ родѣ; въ разсужденіи жъ имянъ прилагательныхъ, заставляетъ учитель учениковъ, приводить ихъ въ разныя степени уравненія и въ оныхъ склонять. Сіе упражненіе продолжаетъ учитель и по истолкованіи мѣстоименій, приказывая ученикамъ склонять мѣстоименія, соединивъ съ именами существительными и прилагательными. На примѣръ, склоняя мѣстоименія *сей*, *моя*, *то*, велитъ учитель прибирать къ симъ мѣстоименіямъ пристойныя имена существительныя и прилагательныя и съ оными склонять мѣстоименія сіи, какъ то: *сей огромной домъ*, *моя правая рука*, *то пріятное время*: ибо въ такомъ соединеніи, дѣти удобнѣе удерживать могутъ въ памяти склоненія имянъ и мѣстоименій. Но еще нужнѣе упражненіе въ спряженіи глаголовъ; по чему учитель не токмо на каждое спряженіе, но и на каждый залогъ глаголовъ, заставляетъ по одиначкѣ своихъ учениковъ написать на черной доскѣ, по меньшей мѣрѣ, по одному полному примѣру. Причастія, должны ученики склонять съ именами существительными, такъ какъ имена прилагательныя.

Въ сочиненіи словъ, каждое правило прилѣжно должно быть изъяснено, и снабдѣно довольнымъ числомъ примѣровъ, по которымъ учащіеся лучше помнить будутъ сіи правила, нежелибъ учили ихъ наизустъ. По окончаніи такимъ образомъ всей грамматики, учитель заставляетъ учениковъ разбирать, взятой періодъ изъ какой либо учебной книги, грамматическимъ способомъ, показывая всѣ части рѣчи, и правила изъ сочиненія словъ, по которымъ оныя части рѣчи соединены; а по томъ, выбравъ учитель самъ одинъ изъ такихъ періодовъ, переставливаетъ въ немъ всѣ реченія, и заставляетъ ученика приводить оныя реченія паки въ порядокъ, по правиламъ сочиненія словъ; въ сіежъ время повторяетъ учитель съ учениками своими таблицу о правописаніи, которая тѣмъ яснѣе учинится для учащихся, что они уже знаютъ грамматику“.

Это обстоятельное наставленіе намѣчаетъ весь ходъ обученія: въ

основу положено изученіе правилъ и устныя и письменныя упражненія, имѣющія цѣлью научить *„правильно говорить и исправно писать“*.

Въ моментъ зарожденія и первичной эволюціи національнаго литературнаго языка, такія цѣли и такіе методы были вполнѣ законны: общество еще не владѣло основами литературнаго языка, въ живой рѣчи было много неправильностей, и школа должна была привить чутье къ новому строю и формамъ. Отсутствіе среды, говорящей этимъ языкомъ, незначительное количество дѣтскихъ книгъ—невольно заставляли обращаться къ правиламъ, которыя заучивались наизусть въ видѣ „истолкованій“ грамматики и учителя. Догматическій характеръ преподаванія при такихъ условіяхъ былъ неизбѣженъ.

Обращаясь къ содержанію указанныхъ грамматикъ, мы должны замѣтить, что всѣ онѣ состоятъ по традиціи изъ четырехъ частей—правописанія, словопроизводства, словосочиненія и слогоударенія (просодіи). Такъ какъ духовная близость ихъ къ грамматикѣ Ломоносова бросается въ глаза даже при бѣгломъ просмотрѣ, то совершенно естественно, что разница между ними опредѣляется по преимуществу объемомъ содержанія и отчасти планомъ и терминологіей. Одни авторы, видимо, стремятся возможно сократить грамматическій матеріалъ, сдѣлать его болѣе усвояемымъ (Барсовъ, Сырейщиковъ), другіе, наоборотъ, его усложняютъ (П. Соколовъ). Поэтому можно ограничиться подробнымъ обзоромъ содержанія одного изъ учебниковъ, а о другихъ сказать мимоходомъ. Такъ какъ Барсовъ, ближайшій ученикъ Ломоносова и истолкователь его грамматики на университетской каѳедрѣ, представляетъ въ этомъ отношеніи наибольшій интересъ, то мы на немъ главнымъ образомъ и остановимся, тѣмъ болѣе, что его учебникъ пользовался наибольшимъ распространеніемъ.

Глава I грамматики Барсова толкуетъ о „грамматикѣ вообще“, II — „о частяхъ рѣчи и въ особливости о имени и его свойствахъ“, III — „о склоненіяхъ существительныхъ и прилагательныхъ именъ“, IV — „о уравненіяхъ прилагательныхъ именъ“, V—„о происхожденіи притяжательныхъ, отечественныхъ, отеческихъ и прочихъ именъ“, VI—„о именахъ увеличительныхъ и умалительныхъ“, VII—„о числительныхъ именахъ“, VIII—„о мѣстоименіи“, IX—„о глаголѣ и свойствахъ его“, X—„о причастіи“, XI—„о нарѣчіи“, XII—„о предлогѣ“, XIII—„о союзѣ“, XIV — „ о междуметіи“, XV — „о сочиненіи частей слова“, XVI даетъ „краткія примѣчанія о правописаніи“; затѣмъ идетъ повторительная „таблица, показывающая свойство и принадлежности

каждой изъ осьми частей рѣчи россійскаго слова"; заканчивается грамматика примѣрами „для грамматическаго разобранія каждаго слова въ періодѣ".

Предлагаю вниманію читателей конспектъ содержанія книги Барсова, который дастъ возможность представить объемъ и характеръ учебныхъ грамматикъ второй половины XVIII вѣка.

Глава I. Какая наука называется грамматикой? Что значитъ говорить и писать? Дѣленіе грамматики на четыре части. Опредѣленіе каждой изъ нихъ. Буква или литера. Число ихъ. Слогъ. Слово. Дѣленіе буквъ на гласныя, согласныя и безгласныя и перечисленіе ихъ.

Глава II. Перечисленіе частей рѣчи (имя, мѣстоименіе, глаголъ, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ, междометіе). Дѣленіе ихъ на измѣняемыя и неизмѣняемыя. Опредѣленіе имени. Дѣленіе его на существительное и прилагательное. Дѣленіе существительныхъ на первообразныя (солнце, гора), производныя (порука, легкомысліе), собственныя, нарицательныя, собирательныя. Родъ. Родовыя окончанія существительныхъ и прилагательныхъ.

Глава III. Опредѣленіе понятій: „склоненіе", „падежъ". Названіе падежей. Числа. Склоненія (четыре существительныхъ и одно прилаг.). Замѣчанія о сходствѣ именит. и зват. пад. всѣхъ склоненій; именит., вин., зват. въ именахъ средняго рода и женскаго на ь; винит. и род. въ именахъ „одушевленныхъ вещей". Обзоръ склоненій, при чемъ *при падежахъ вопросы не указаны*, а *въ прилагательныхъ муж. р. имѣетъ только окончанія ый, ій, родительный же женск. рода наряду съ ой—ыя*, какъ у Ломоносова; *для всѣхъ родовъ множественнаго числа указаны безразлично окончанія и ые и ыя.*

Глава IV. Три степени уравненія. Что каждая показываетъ и какъ образуется? Отсутствіе уравненій при прилагательныхъ, „отъ *матерій* происходящихъ". При этомъ согласно съ Ломоносовымъ дѣлается замѣчаніе: „Съ польскаго языка новыя принятыя превосходныя съ приложеніемъ *наи*, Россійскому слуху весьма досадны: *наилучшій, наичистѣйшій*" (§ 68).

Глава V. Притяжательныя имена (*Дьяконовъ, Лукинъ, Алексѣевъ*). Отеческія (*Ѳадеевичъ, Ѳадеевна, Ѳомичъ, Ѳоминишна*). Отечественныя (*Карпополецъ, Новгородецъ, Курчанинъ*). Происхожденіе женскихъ отъ мужескихъ (*князь, княгиня, кузнецъ, кузнечиха*). По поводу послѣднихъ сказано: „На *ха* кончащіяся женскія, отъ мужескихъ происходящія, низкое и подлое знаменованіе имѣютъ и происходятъ больше

отъ посмѣятельныхъ прозвищей: *чесночиха, волчиха*“ (§ 78, ср. „Грам.“ Ломоносова § 243).

Глава VI. Окончанія увеличительныхъ и умалительныхъ именъ. Въ увеличительныхъ указаны три окончанія: *ище, ина, инище*, напр. *столъ, столище, столина, столинище*; *рука, ручище, ручина, ручинище* (по Ломоносову).

Глава VII. Дѣленіе числительныхъ на первообразныя и производныя (по Ломоносову). Склоненіе (по Ломоносову). Для исторіи литературнаго языка интересно слѣдующее замѣчаніе, отголосокъ ученія о „штиляхъ“: „Отъ одиннатцати до девятнатцати, девять производныхъ составляются съ приложеніемъ на десять: *первойнадесять, второйнадесять, третейнадесять* и проч. и употребляются только въ важныхъ матеріяхъ, и въ числахъ мѣсячныхъ: напр. *Карлъ вторыйнадесять*, а не двенатцатый, Маія *шестоенадесять* число, а не шестнатцатое“ (§ 86, ср. Ломоносова § 259).

Глава VIII. Перечисленіе 19 мѣстоименій. Дѣленіе ихъ на первообразныя, производныя и др. по Ломоносову (см. выше). Родъ мѣстоименій (пять: муж., женск., средн., общій (кто?) и всякій (я, ты, себя),—согласно съ Ломоносовымъ). Склоненія мѣстоименій.

Глава IX. Опредѣленіе глагола („Глаголъ изображаетъ чувствительныхъ вещей *разныя дѣянія*“—§ 100). Дѣленіе глаголовъ на первообразные и производные, простые и сложенные. Наклоненія (три—по Ломоносову). Времена (десять—по Ломоносову). Залоги (шесть—по Ломоносову). Дѣленіе глаголовъ на личные, безличные, правильные, неправильные, полные (колю), неполные (очутился, довелось), изобилующіе (колеблю и колебаю, машу и махаю). Два спряженія. Парадигмы.

Глава X. Опредѣленіе причастія („Причастіе сокращаетъ идеи чрезъ соединеніе *имени* и *глагола* въ одно реченіе“—§ 129). Свойства причастій: три рода, два числа, семь падежей, пять временъ (настоящее, прошедшее неопред., прош. однократное, прош. совершенное, давнопрошедшее). Парадигмы. Отдѣльныя замѣчанія.—Эти замѣчанія интересны по стремленію разграничить элементы церковно-славянскіе и русскіе, напримѣръ § 135: „Страдательнаго залога, причастія настоящаго времени, кончащіяся на *мый*, происходятъ и отъ Россійскихъ глаголовъ, у Славянъ употребляемыхъ, напримѣръ *вѣнчаемый, питаемый, носимый*. Употребляются больше въ *Риторическихъ* и *Стихотворческихъ сочиненіяхъ* нежели въ *просторѣчіи*. Отъ Россійскихъ глаголовъ, Славянамъ неизвѣстныхъ, таковыя причастія произведен-

ныя, напримѣръ *трогаемый, кидаемый, мараемый,* весьма противны". § 136: „Прошедшія неопредѣленныя страдательныя причастія довольно употребительны. Онѣ какъ отъ новыхъ Россійскихъ, такъ и отъ славенскихъ глаголовъ происходятъ: *питанный, вѣнчанный, качаный, мараный.* Разница та между ими, что отъ Славенскихъ произведенныя склоняются, какъ настоящія; а Россійскія въ родительномъ единственномъ, мужескомъ и среднемъ родѣ пріятнѣе на *ого,* нежели на *аго* кончатся, а на концѣ одинъ *н* имѣютъ" [1]). Отсутствіе знанія исторіи языка сказывалось въ этихъ разсужденіяхъ, но непосредственное чутье нерѣдко приводило къ вѣрнымъ заключеніямъ.

Глава XI. Опредѣленіе нарѣчія и классификація (время означающія, качество и количество, числительныя, нарѣчія порядка, увѣренія, отрицанія, напряженія, уподобленія, разности, сомнѣнія, собранія, скорости, указанія, отгоненія).

Глава XII. Опредѣленіе предлога („предлогъ показываетъ принадлежность обстоятельствъ въ *вещахъ* или *дѣяніяхъ*").

Глава XIII. Дѣленіе союзовъ по *составу* на *простые* (прежде, ибо), *сложенные* (ежели, также), *двурѣчные* (прежде нежели, того ради); дѣленіе *по значенію* на *сопрягательные, раздѣлительные, условные, противительные, винословные, наносительные* (и такъ, слѣдовательно).

Глава XIV. Дѣленіе междометій на *свойственныя* (ой, ба) и *взаимственныя* (горе, куда, о какъ!). Дѣленіе ихъ по значенію.

Глава XV—занимаетъ 5½ страницъ и посвящена синтаксису.— Опредѣленіе синтаксиса (сочиненія): „Сочиненіе предписываетъ правила, по которымъ части рѣчи порядочно слагать должно".—Согласованіе существительныхъ съ прилагательными (2 правила: 1-ое—прилагательное согласуется съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ; 2-ое—при нѣсколькихъ существительныхъ прилагательное ставится во множественномъ числѣ. §§ 156 и 157). Соединеніе двухъ существительныхъ (§ 158). Согласованіе мѣстоименій (§ 159). Согласованіе глаголовъ съ существительными (§ 160). Замѣна именительнаго падежа неопредѣленнымъ наклоненіемъ (§ 161). Падежи при дѣйствительномъ и страдательномъ залогѣ (§ 162 и 163. NB: „Страдательный глаголъ требуетъ родительнаго падежа съ предлогомъ *отъ* или творительнаго безъ предлога: *Карлъ вторыйнадесять побѣжденъ отъ Петра Великаго,* или *Петромъ Великимъ*)". Падежи при дѣепри-

[1]) Ср. „Россійскую грамматику" Ломоносова §§ 444 и 446.

частіяхъ и причастіяхъ (§ 164). Падежи при нарѣчіяхъ (§§ 165 и 166). Падежи при предлогахъ (§§ 167—171). Значеніе союзовъ (§§ 172—176). Падежи при междометіяхъ (§§ 177—180).

Глава XVI посвящена правописанію и пунктуаціи. Занимаетъ 18 страницъ. Въ нее входятъ прежде всего указанія на разницу между буквами и звуками, и перечисляется рядъ случаевъ, гдѣ возможно сдѣлать ошибку. О характерѣ изложенія можно судить по слѣдующему примѣру: „Неправильно выговариваютъ и пишутъ *а* или *о* вмѣсто *у*, на пр. *онъ одержалъ великаю*, или *великою побѣду*, вмѣсто *великую*; *а* вмѣсто *ы*, на пр. *выиграшъ*, вмѣсто *выигрышъ*, *а* вмѣсто *я*, на пр. *дѣлаетса*, *пишетса*, вмѣсто *дѣлается*, *пишется*". Система, слѣдовательно, такая: указываются возможныя ошибки и затѣмъ отмѣчается, что такъ писать нельзя. Правилъ, которыми изобилуютъ современныя грамматики, почти нѣтъ [1]).

О характерѣ „грамматическаго разобранія" можно судить по слѣдующему образцу, имѣющему въ виду текстъ: „Молитву пролію ко Господу и Тому возвѣщу печаль мою" и проч.—„Въ сей церковной пѣсни находится пять частей рѣчи, а именно: *имя*, *предлогъ*, *глаголъ*, *союзъ*, *мѣстоименіе*.—*Молитву*. Начало *молитва*, имя существительное первообразное, рода женскаго, склоненія перваго, винительный падежъ, единственнаго числа.—*Пролію*. Начало *проливаю*, глаголъ сложенный изъ предлога *про* и глагола *лію*, перваго спряженія, изъявительнаго наклоненія, будущее однократное, первое лице, единственнаго числа, дѣйствительнаго залога.—*Ко*. Предлогъ, правящій дательный падежъ.—*Господу*. Начало *Господъ*, имя существительное первообразное, дательный падежъ, единственнаго числа.—*И*. Союзъ сопрягательный.—*Тому*. Начало *тотъ*, указательное мѣстоименіе первообразное, дательный падежъ, единственнаго числа, рода мужескаго.—*Возвѣщу*. Начало *возвѣщаю*, глаголъ дѣйствительный, производный, изъ предлога *возъ* и глагола *вѣщаю*, перваго спряженія, изъявительнаго наклоненія, будущее время, первое лице, единственнаго числа". И т. д.

Построеніе и содержаніе *грамматики Сырейщикова* „Краткая Россійская Грамматика, изданная для народныхъ училищъ" вполнѣ отвѣ-

[1]) Любопытно замѣчаніе о буквѣ ъ: „ъ значитъ только природное, т. е. дебелое окончаніе согласныхъ, и употребляется при нихъ только въ концѣ реченій, хотя оныя буквы тутъ и безъ него не иначе бы выговорены были, какъ и въ срединѣ безъ пегожъ выговариваются... И такъ онъ въ семъ разсужденіи почти совсѣмъ излишній". Вотъ когда уже раздался робкій протестъ противъ ъ.

чаютъ своему назначенію: этимологіи посвящено 50 страницъ, синтаксису—5, произношенію словъ, т. е. просодіи,—всего 2. Количество и различеніе склоненій, классификація мѣстоименій, ученіе о глаголѣ съ тремя наклоненіями, шестью залогами и двумя спряженіями почти цѣликомъ заимствованы изъ труда Ломоносова. Замѣчаются только нѣкоторыя измѣненія въ терминологіи и стремленіе кое-что сократить. Такъ, напримѣръ, числительныя дѣлятся не на *первообразныя* и *производныя*, какъ у Ломоносова, а на *количественныя* и *порядочныя*; временъ указано только шесть (настоящее—*кидаю*, прошедшее несов.—*кидалъ*, прош. однократное—*кинулъ*, давнопрош.—*кидывалъ*, буд. неопредѣленное—*буду кидать*, буд. однократное—*кину*), и т. п. Нарѣчіе, союзъ и междометіе имѣютъ попрежнему довольно сложную классификацію [1]). Но въ общемъ всѣ правила изложены кратко и ясно, приведено много именъ и глаголовъ для упражненія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ.

Синтаксисъ такъ же кратокъ, какъ у Барсова, и имѣетъ новое опредѣленіе: „*Сочиненіе словъ* учитъ соединять разныя части рѣчи такъ, что бы оныя всѣ вмѣстѣ составляли полной разумъ. На пр. когда сіи части рѣчи: *праздность, всѣ, почитаются, источникъ, пороковъ* соединить по правиламъ сочиненія словъ, то онѣ составятъ, слѣдующій полной разумъ: *праздность отъ всѣхъ почитается источникомъ пороковъ*“. Затѣмъ указаны основныя правила согласованія, управленія и расположенія словъ. Ничего другого въ синтаксисѣ нѣтъ.

Эта грамматика послѣ Барсовской была наиболѣе распространена и воспитала нѣсколько школьныхъ поколѣній.

„Начальныя основанія россійской грамматики“ *П. Соколова* являются наиболѣе объемистымъ учебникомъ Екатерининской эпохи. Въ сравненіи съ Барсовымъ и Сырейщиковымъ, авторъ оказался болѣе требовательнымъ и съ одной стороны внесъ въ этимологію изъ грамматики Ломоносова всякаго рода подробности, съ другой—усложнилъ синтаксисъ. Впрочемъ кругъ его синтаксическихъ интересовъ попрежнему въ области согласованія и управленія словъ. Что касается ученія о слогоудареніи, то у Соколова оно связано съ стихосложеніемъ.

---

[1]) Нарѣчія, напримѣръ, различаются по указанію на *время*, *мѣсто*, *качество*, *количество*, *число*, *порядокъ*, *увѣреніе* (такъ, да), *отрицаніе*, *напряженіе* (очень, весьма), *уподобленіе*, *разность*, *сомнѣніе*, *скорость*, *указаніе*, *отгнаніе* (вонъ, прочь, далѣе), *собраніе* (вмѣстѣ, купно). Междометія различаются по выраженію *радости*, *печали*, *удивленія* (тото, тото на, исполать), *презрѣнія*, *болѣзни* (ой, уу).

Содержаніе учебника Соколова было настолько сложно, что начиная съ третьяго изданія онъ ввелъ въ него „Сокращеніе россійской грамматики для дѣтей, начинающихъ обучаться правиламъ Россійскаго языка“. Хотя трудъ Соколова по педагогическимъ достоинствамъ былъ гораздо ниже Барсова и Сырейщикова, тѣмъ не менѣе онъ пользовался, повидимому, большимъ сочувствіемъ со стороны учителей русскаго языка.—Между прочимъ, нужно отмѣтить, что Соколовъ первый обратилъ вниманіе на вопросъ объ опредѣленіи рода именъ существительныхъ, склоняемыхъ только во множественномъ числѣ.

„Краткія правила“ *Вас. Свѣтова* не представляютъ особаго интереса. Онъ отступилъ отъ своего образца, грамматики Ломоносова, только въ расположеніи матеріала и въ терминологіи. Впрочемъ, одна сторона учебника Свѣтова обращаетъ на себя вниманіе и отличаетъ его отъ всѣхъ прежнихъ грамматикъ: онъ усложнилъ отдѣлъ о стихосложеніи, „въ чемъ“, какъ онъ самъ признается, „покойнаго Г. Тредіаковскаго труды не мало послужили“ ему.

Что касается „Краткой Россійской Грамматики“, изданной для Благороднаго Пансіона при Московскомъ Университетѣ, то въ ней оригинальнаго такъ же мало, какъ и въ другихъ [1]). Достоинствомъ ея является сравнительная краткость и простота. Многое излишнее удалено. Такъ, временъ только три, дѣленіе союзовъ менѣе сложно, междометія совсѣмъ не классифицируются и т. п. Синтаксисъ болѣе кратокъ, чѣмъ въ другихъ учебникахъ. Чтобы дать нѣкоторое представленіе объ этомъ отдѣлѣ старой грамматики, привожу его весь:

„*Сочиненіе* есть согласованіе между собою измѣняющихся частей рѣчи, и сопряженіе ихъ въ одну рѣчь, такъ чтобъ она составляла цѣлую мысль.

I. *Согласованіе* состоитъ въ томъ:

1) Когда всѣ къ одному предмету, или къ *имени существитель-*

[1]) Вотъ что авторъ, между прочимъ, пишетъ въ предисловіи. „Всякій можетъ *говорить* изъ обращенія; но говорить *всегда правильно*, и знать почему правильно, не льзя безъ Грамматики. А *писать* и подавно!—Вотъ причина для чего Грамматика издается. Есть другія Грамматики: но изъ нихъ иныя слишкомъ обширны, иныя недостаточны,—и вообще ни которая не подходитъ къ нашему образу и порядку ученія. Сочинитель, по самолюбію или честолюбію своему, желалъ бы, чтобъ сія маленькая, но все нужное въ себѣ заключающая, Грамматика понравилась и принята была Публикою. Онъ однакожъ сдѣлалъ ее по должности, препорученной ему отъ Господъ Попечителей здѣшняго Пансіона,—особенно для *начальнаго Россійскаго Класса*“.

ному, въ той же рѣчи относящіяся названія, т. е. *имена прилагательныя, числительныя, мѣстоименія* и *причастія*, принимаютъ и сами

а) *одинакой съ нимъ родъ*,

б) *одинакое число*,

в) *одинакой падежъ*".

Примѣчаніе. Мѣстоименіе, занимая въ другой рѣчи мѣсто прежде состоящаго имени, *падежъ* имѣетъ по связи, на пр. Этотъ молодой человѣкъ, *котораго* мы видѣли, мнѣ братъ родной.

2) Когда *глаголъ*, принадлежа къ главной вещи, или къ *именительному падежу*, вступаетъ съ нимъ

а) въ *единство числа*.

б) „ „ *лица*.

в) „ „ *рода* (въ прошедшихъ временахъ).

II. *Сопряженіе* частей слова въ полную рѣчь производится чрезъ *управленіе* однихъ словъ другими, а именно:

Въ каждой рѣчи есть

1) *Главная вещь*, о которой говорится, или *основаніе* (подлежащее), къ которому всѣ прочія части относятся—*Именительный падежъ*.

Примѣчаніе. Естьли такое главное, или и другое въ рѣчи существительное имя будетъ слишкомъ общее, то ограничивается другимъ существительнымъ—въ *родительномъ падежѣ*.

2) Главной вещи *бытіе, состояніе, дѣйствіе* — *Глаголъ личный* [1]).

Примѣчанія.

а) Дѣйствіе главной вещи на *предметъ* производитъ въ рѣчи—*Винительный падежъ*.

б) Дѣйствіе производитъ *касательно къ кому нибудь въ пользу*, или *во вредъ*—*Дательной падежъ*.

в) Дѣйствіе творится *орудіемъ, способомъ, средствомъ*—*Творительный падежъ*.

г) Наконецъ оно бываетъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ *времени* или *мѣста*—*Предложный падежъ*".

---

[1]) Термина „сказуемое" нѣтъ.

Этимъ мы закончимъ историческій обзоръ содержанія, методовъ и цѣлей грамматическаго преподаванія въ XVIII вѣкѣ. Обзоръ этотъ позволяетъ намъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) въ первые годы Петровской эпохи грамматическое преподаваніе должно было уступить мѣсто другимъ школьнымъ занятіямъ, но затѣмъ, подъ вліяніемъ потребности въ переводахъ разныхъ полезныхъ книгъ съ иностранныхъ языковъ на русскій и благодаря сознанію необходимости общаго образованія грамматика снова заняла прежнее почетное положеніе;

2) уже въ Петровскую эпоху чувствуется полусознательное стремленіе приблизиться въ преподаваніи грамматики къ великорусскому языку (всп. учебникъ Максимова);

3) грамматика Ломоносова явилась новой эрой въ грамматическомъ преподаваніи, такъ какъ была первымъ научнымъ опытомъ грамматики *русскаго* языка;

4) грамматическому преподаванію въ Екатерининскую эпоху, въ связи съ современными культурными потребностями, были поставлены новыя опредѣленныя цѣли: охранять національный языкъ; способствовать развитію литературы; облегчать усвоеніе иностранныхъ языковъ; изощрять память и развивать мыслительныя способности;

5) методъ преподаванія оставался догматическимъ въ теченіе всего столѣтія: ученики изучали учебникъ наизусть. Это было естественной необходимостью и послѣ появленія труда Ломоносова, такъ какъ національный литературный языкъ находился въ первичной стадіи развитія;

6) всѣ учебныя грамматики Екатерининской эпохи создались подъ вліяніемъ Ломоносовской; поэтому между ними не было существенной разницы;

7) содержаніе грамматикъ XVIII столѣтія попрежнему опредѣляется четырьмя частями: правописаніемъ, словопроизводствомъ, словосочиненіемъ и слогоударенiемъ. Словосочиненіе (т. е. синтаксисъ) очень кратко и касается только основныхъ явленій въ области согласованія и управленія словъ. *Синтаксиса предложеній и членовъ предложенія еще нѣтъ.* Въ отдѣлъ слогоударенія (т. е. просодіи) начинаетъ вторгаться элементъ „піитическій“, хотя еще въ скромной степени.

VII.

Съ царствованіемъ Александра I связана новая эра въ исторіи народнаго образованія. 8-го сентября 1802 года комиссія народныхъ училищъ была преобразована въ министерство народнаго просвѣщенія.

Учрежденіе отдѣльнаго вѣдомства для нуждъ просвѣщенія было естественнымъ выводомъ изъ тѣхъ попытокъ правительственной власти распространить образованіе, которыми характеризуется наша исторія XVIII вѣка.

24-го января 1803 года государь утвердилъ „Предварительныя правила народнаго просвѣщенія“. Этотъ законодательный актъ положилъ начало главному правленію училищъ, которому суждено было сыграть видную роль въ дѣлѣ постановки преподаванія и въ созданіи учебной литературы [1]).

5-го ноября 1804 года появился „Уставъ учебныхъ заведеній подвѣдомыхъ университетамъ“. Уставъ опредѣлялъ цѣли организованнымъ по новой системѣ гимназіямъ, уѣзднымъ и приходскимъ училищамъ. Каждая школа должна была съ одной стороны подготовлять къ поступленію въ высшую, съ другой — давать законченное образованіе тѣмъ, кто не желалъ его продолжать дальше. Поэтому въ гимназіяхъ предполагалось преподавать „науки хотя начальныя, но полныя въ разсужденіи предметовъ ученія, тѣмъ, кои не имѣя намѣренія продолжать оныя въ университетахъ, пожелаютъ пріобрѣсть свѣдѣнія, необходимыя для благовоспитаннаго человѣка“. Уѣздныя училища должны были „открыть дѣтямъ различнаго состоянія необходимыя познанія, сообразныя состоянію ихъ и промышленности“. Приходскія училища имѣли цѣлью „доставить дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній свѣдѣнія имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическихъ и нравственныхъ отношеніяхъ лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предразсудки, дѣйствія коихъ столь вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію“.

Соотвѣтственно этимъ цѣлямъ были составлены и программы [2]),

---

[1]) Въ составъ главнаго правленія училищъ вошли люди просвѣщенные, преданные реформамъ Александра. Здѣсь были: М. Н. Муравьевъ, Н. Н. Новосильцовъ, кн. А. Чарторижскій, гр. С. Потоцкій, С. Я. Разумовскій, Ѳ. И. Клингеръ, П. И. Пастуховъ, Янковичъ де-Мирьево, академики Озерецковскій и Фусъ.

[2]) Въ программу *гимназій* вошли: языки латинскій, нѣмецкій, французскій, географія, исторія, статистика общая и частная Россіи, философія и изящныя науки, начала политической экономіи, математика чистая и прикладная, опытная физика и естественная исторія, основанія коммерческихъ наукъ и технологія, рисованіе.—Курсъ 4 года, при 30 недѣльныхъ часахъ.

Въ *уѣздныхъ училищахъ* преподавались: Законъ Божій и Священная исторія, должности человѣка и гражданина, русская грамматика (въ инородческихъ мѣстностяхъ и мѣстный языкъ), чистописаніе, правописаніе и правила слога, всеобщая географія и начальныя правила математической географіи, географія Россіи, всеобщая и русская исторія, ариѳметика, начальныя правила физики, естественной исторіи и

при чемъ русской грамматикѣ отводилось мѣсто только въ уѣздныхъ училищахъ, а въ кругъ философскихъ предметовъ гимназій наряду съ логикой, психологіей и нравоученіемъ была введена *всеобщая грамматика*.

Всеобщая грамматика преподавалась сравнительно недолго, но она оставила тяжелое наслѣдіе русской школѣ и въ значительной степени повліяла на составъ учебныхъ грамматикъ послѣдующей эпохи. Этотъ эпизодъ никогда еще не былъ предметомъ изслѣдованія [1]), а между тѣмъ архивные матеріалы, находящіеся въ нашемъ распоряженіи, всесторонне освѣщаютъ его и раскрываютъ одну изъ любопытныхъ страницъ нашего просвѣщенія. Мы увидимъ, какъ начало образовываться то наслоеніе въ русской грамматикѣ, которое впослѣдствіи нашло такую талантливую разработку въ „Исторической грамматикѣ“ Буслаева и которое отличаетъ школьные грамматическіе учебники XIX столѣтія отъ грамматикъ XVIII вѣка. А такъ какъ вопросъ о преподаваніи всеобщей грамматики находится въ неразрывной связи съ Александровской эпохой, то разсмотрѣніе его дастъ лишнюю и притомъ довольно характерную иллюстрацію для нѣкоторыхъ культурныхъ теченій этой эпохи.

Философскія науки имѣли своихъ представителей на русскихъ университетскихъ каѳедрахъ уже съ первыхъ лѣтъ существованія университетовъ. Логика, метафизика, этика, психологія, исторія философіи—все это и преподавалось и усваивалось съ увлеченіемъ. Философскій характеръ университетскаго преподаванія, созданный главнымъ образомъ пріѣзжими нѣмцами-профессорами, скоро привился, и философія заняла почетное мѣсто въ системѣ образованія. На лекціяхъ, въ публичныхъ актовыхъ рѣчахъ, въ научныхъ сочиненіяхъ шла пропаганда философіи [2]).

Интересъ къ философіи обнаружился у насъ еще въ XVIII вѣкѣ, въ Екатерининскую эпоху, и если эта эпоха въ общемъ отдавала

технологіи (имѣющія отношеніе къ мѣстному положенію и промышленности), рисованіе. — Курсъ 2 года, при 28 недѣльныхъ часахъ.

Въ *приходскихъ училищахъ* дѣти обучались чтенію, письму, начальной ариѳметикѣ, Закону Божію и главнымъ началамъ нравоученія. Кромѣ того, полагалось читать книгу „Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ“.

[1]) Если не считать нѣсколькихъ словъ у Сухомлинова въ книгѣ „Матеріалы для исторіи народнаго образованія въ Россіи“, т. I, стр. 123 — 124.

[2]) Примѣры см. у *М. И. Сухомлинова* „Изслѣдованія и статьи“ С.-Пб. 1889, т. I, стр. 111. Объ упоминаемомъ у Сухомлинова профессорѣ Эрдманѣ *Н. Булычъ*. „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета“ изданіе 2-ое, С.-Пб. 1904, ч. II, стр. 134 — 170.

явное предпочтеніе французской литературѣ, то въ отдѣльныхъ кружкахъ, напримѣръ, въ кружкѣ Новикова, чувствовалось несомнѣнное тяготѣніе къ литературѣ нѣмецкой. При этомъ нужно замѣтить, что здѣсь читались не только протестантскіе мистики, въ родѣ Бема [1]), Арндта [2]), Штурма [3]) и т. п., но и новѣйшія сочиненія философскаго характера. Карамзинъ, напримѣръ, во время своего заграничнаго путешествія уже зналъ нѣкоторыя произведенія Канта и Гердера [4]). Молодежь, побывавшая въ Геттингенскомъ университетѣ, еще болѣе увеличила интересъ къ нѣмецкой мысли [5]), и къ началу XIX вѣка почва для нѣмецкихъ вліяній, какъ литературныхъ, такъ и научныхъ, была вполнѣ подготовлена.

Такимъ образомъ, введеніе въ гимназическій курсъ философскихъ предметовъ, въ томъ числѣ и всеобщей грамматики, не представляетъ чего либо неожиданнаго. Въ этомъ мы должны видѣть не только результатъ подражанія западно-европейскимъ программамъ, но и отвѣтъ на вкусы современнаго образованнаго общества, среди котораго „геттингенская душа“ стала явленіемъ далеко не рѣдкимъ.

Въ Европѣ философская грамматика получила начало еще въ XVII вѣкѣ и была связана съ реформаторской дѣятельностью янсенистовъ. Испытанія, перенесенныя католической церковью въ XVI вѣкѣ (лютеранство и кальвинизмъ, вліяніе воззрѣній Рабле, Монтеня и многое другое), заставили ее напрячь всѣ свои силы къ XVII-му. Все, что было въ церкви блестящаго, талантливаго, съ жаромъ принялось за

---

[1]) „Библіографическія Записки“ 1858 г., № 5: „Русскіе переводы Як. Бема“.

[2]) Сочиненіе I. Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ“ было переведено И. П. Тургеневымъ въ 1784 г. Синодъ призналъ книгу вредной, и императрица приказала ее отбирать. Однако Брюсъ 3-го февраля 1785 года донесъ, что преслѣдуемой книги „за раздачею, въ наличности никто не объявляетъ“. („Письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву“, примѣч., стр. 04).

[3]) Напримѣръ „Бесѣды съ Богомъ“, издававшіяся въ 1787 году въ переводѣ Карамзина.

[4]) Въ письмѣ „Кенигсбергъ, іюня 19-го, 1789“ Карамзинъ пишетъ „Кантъ записалъ мнѣ титулы двухъ своихъ сочиненій, которыхъ я не читалъ. Kritik der praktischen Vernunft и Metaphisik der Sitten“. Въ письмѣ „Веймаръ, Іюля 20-го“: „Я читалъ его (Гердера) Urkunde des menschlichen Geschlechts“. Въ письмѣ „Іюля 21-го“. „Духъ вашъ, сказалъ я, прощаясь съ Гердеромъ, извѣстенъ мнѣ по вашимъ твореніямъ“.

[5]) См. *Wischnitzer*, Markus. „Die Universität Gottingen und die Entwickelung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19 Jahrhunderts“. Berlin. 1907.—*В. М. Истринъ*. „Русскіе студенты въ Геттингенѣ въ 1802—1804 гг.“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1910 г., № 7. отд. 2. стр 80—144).

необходимыя преобразованія. На почвѣ этой возродившейся энергіи во Франціи создалось своеобразное учрежденіе, получившее названіе Port-Royal [1]). Вліяніе Port-Royal, какъ извѣстно, было въ свое время огромно: въ христіанской догматикѣ, въ литературѣ, въ этикѣ—вездѣ онъ оставилъ свои замѣтные слѣды. Общее значеніе его было настолько велико, что іезуиты не могутъ не раздѣлить съ нимъ славы своего воздѣйствія на европейскую жизнь. Сентъ-Бевъ справедливо называетъ янсенистовъ и іезуитовъ двумя крыльями одной католической арміи.

Воспитаніе дѣтей было одной изъ существенныхъ задачъ Port-Royal, естественно вытекавшихъ изъ религіозно-моральнаго міросозерцанія янсенистовъ: „Нужно всегда", говоритъ одинъ изъ нихъ (Сенъ-Сиранъ), „молиться за души дѣтей и всегда бодрствовать, какъ въ осажденномъ городѣ. Дьяволъ ходитъ вокругъ дозоромъ и рано нападаетъ на принявшихъ крещеніе. Онъ наблюдаетъ за душами, и если Духъ Святой не заполняетъ ихъ, то это дѣлаетъ онъ. Онъ нападаетъ на дѣтей, и они не сопротивляются ему: надо поэтому бороться за нихъ съ дьяволомъ. Для него достаточно одной плевелы, брошенной во время сна. Въ нѣжныхъ душахъ онъ ищетъ лишь лазейки, rimulas, какъ говоритъ Св. Григорій" [2]).

Янсенисты принялись за организацію особыхъ школъ, оригинальное устройство которыхъ вполнѣ отвѣчало ихъ педагогическимъ воззрѣніямъ. Какъ ни велики были внѣшнія препятствія для нормальнаго развитія этихъ школъ, однако настойчивость, самоотверженіе и непоколебимая вѣра въ возможность возрожденія нравственно чистаго человѣка сдѣлали свое дѣло: янсенисты въ короткое время сумѣли показать, къ какимъ блестящимъ результатамъ приводитъ ихъ педагогическая система.

Идея янсенистскихъ школъ была связана съ христіанскимъ догматомъ грѣхопаденія. Дѣтство безъ крещенія представляетъ собою подобіе падшаго человѣка и является его прямымъ произведеніемъ: совершенное отсутствіе свободы, полное неумѣнье владѣть словомъ, подчиненіе всего существа чувствамъ, первому явившемуся желанію, страсти; постоянное и непреодолимое подражаніе всему, что попадается на глаза, абсолютное невѣжество, ежеминутное неповиновеніе—вотъ характерныя черты некрещенаго ребенка. Воспитаніе должно по воз-

[1]) Прекрасное изслѣдованіе о Port-Royal написано Сентъ-Бевомъ. Мастерское изложеніе Сентъ-Бева и обилие живыхъ документовъ эпохи дѣлаютъ эту книгу, несмотря на объемъ (3 тома), легко читаемой.

[2]) *Sainte-Beuve.* Port-Royal, livre 2, p. 38. Paris 1842.

можности возстановить, возсоздать человѣка, какимъ онъ былъ до грѣхопаденія. Крещеніе возвращаетъ благодать. Оно облекаетъ невинностью всѣ эти движенія машины и неразумнаго животнаго до достиженія ребенкомъ того возраста, когда уже начинаетъ дѣйствовать разсудокъ. Но для того, чтобы спасительное дѣйствіе крещенія осуществилось, надо дать ребенку, какъ только онъ вступитъ въ этотъ возрастъ, пониманіе значенія таинства, перевести таинство, такъ сказать, на разсудокъ. Такимъ образомъ, состояніе благодати, полученное ребенкомъ по неизреченной милости Бога, помимо его пониманія и желанія, становится для него осмысленнымъ, прочувствованнымъ. Надо только пробудить въ немъ къ жизни это второе рожденіе, и христіанинъ-младенецъ, христіанинъ-слѣпецъ превратится въ христіанина сознательнаго [1]).

Подобными воззрѣніями задачи образованія и воспитанія объединялись въ одной общей цѣли: образованіе, развивая разсудокъ, ведетъ къ сознанію благодати, человѣкъ, умственно подготовленный, становится человѣкомъ нравственно воспитаннымъ. Для нравственнаго совершенствованія, по воззрѣнію янсенистовъ, важно широкое образованіе. Отсюда естественно вытекалъ культъ науки.

Увлеченіе педагогическими вопросами должно было отразиться и на учебной литературѣ, бывшей въ употребленіи въ янсенистскихъ школахъ. Старые учебники и рутинные методы преподаванія мало удовлетворяли янсенистовъ, поэтому они пошли новыми путями. Они поставили себѣ цѣлью создать такія пособія и выработать такіе методы, которые давали бы возможность ученикамъ въ короткое время, съ наибольшей пользой для развитія и съ неослабѣвающимъ интересомъ усвоить необходимыя свѣдѣнія [2]). „Поменьше правилъ, побольше

[1]) *Sainte-Beuve.* Op. cit., l. IV, ch. 1.

[2]) Вотъ списокъ главнѣйшихъ трудовъ янсенистовъ въ порядкѣ ихъ постепенной важности:

1. *La Logique ou l'Art de penser*, contenant, outre les Règles communes, plusieurs observations nouvelles propres à former le jugement, 1662. Авторы: *Arnauld* et *Nicole.*

2. *Grammaire générale et raisonnée*, contenant les fondements de l'Art de parler, expliqués d'une manière claire et naturelle, les raisons de ce qui est commun à toutes les langues et des principales différences qui s'y rencontrent, et plusieurs remarques nouvelles sur la Langue françoise, 1660. Авторы: *Arnauld* и *Lancelot.*

3. *Nouvelle Méthode pour apprendre facilement et en peu de temps la Langue grecque* 1655. Авторъ *Lancelot.*

4. *Nouvelle Méthode pour apprendre facilement et en peu de temps la Langue latine*, 1644. Авторъ: *Lancelot.*

упражненій“ вотъ что было общимъ педагогическимъ девизомъ янсенистовъ, а эпиграфомъ къ своимъ грамматическимъ трудамъ, какъ говоритъ Сентъ-Бевъ, они могли бы поставить слова: „Aliud est grammatice, aliud latine loqui“.

Дѣйствительно, хотя языкамъ и вообще литературному образованію янсенисты придавали большое значеніе, но грамматика съ ея догматическими сухими опредѣленіями была при этомъ отодвинута на задній планъ. Отправляясь отъ основательнаго изученія родного языка, они только потомъ переходили къ иностраннымъ и заставляли учениковъ усваивать ихъ главнымъ образомъ на литературныхъ образцахъ. Это давало возможность понять духъ языка, сжиться съ нимъ.

Но если отдѣльныя грамматики не играли прежней схоластической роли въ янсенистскихъ школахъ, то янсенистамъ несомнѣнно принадлежитъ слава созданія новой дисциплины—*всеобщей грамматики*, которая имѣла цѣлью уяснить общіе законы человѣческой рѣчи, а не какого либо отдѣльнаго языка.

Это философское направленіе нашло въ Европѣ широкое распространеніе въ XVIII вѣкѣ, когда появился цѣлый рядъ трудовъ, посвященныхъ вопросу о происхожденіи языка и изученію общихъ основъ, на которыхъ строится рѣчь человѣка [1]).

---

5. *Nouvelle Méthode pour apprendre facilement et en peu de temps la Langue italienne*, 1660. Авторъ. *Lancelot.*

6. *Nouvelle Méthode pour apprendre facilement et en peu de temps la Langue espagnole*, 1660. Авторъ *Lancelot.*

7. *Quatre Traités de Poésies latine, françoise, italienne et espagnole*, 1663. Авторъ: *Lancelot.*

8 *Le Jardin des Racines grecques mises en vers françois*, 1657. Авторы. *Lancelot* и *M. de Saci.*

9. *Nouveaux Elements de Géométrie*, contenant, outre un ordre tout nouveau et de nouvelles démonstrations des propositions les plus communes, de nouveaux moyens de faire voir quelles lignes sont incommensurables, de nouvelles mesures des angles, etc., etc., 1667. Авторъ: *Arnauld.*

Перечисленіе болѣе мелкихъ трудовъ можно найти у *Sainte-Beuve.* Port-Royal, l. IV.

[1]) Изъ нихъ въ русской литературѣ, посвященной философской грамматикѣ, между прочимъ упоминались. *Adelung.* „Umstandliches lehrgebaude der deutschen sprache zur erleuterung der deutschen sprachlehre fur schulen“, *Court de Gebelin.* „Monde primitif, analisé et comparé avec le monde moderne, considéré dans l'histoire naturelle de la parole ou grammaire universelle et comparative“, *Harris.* „Hermes, or a Philosophical inquiry concerning language and universal grammar“; *De Brosses.* „Traité de la formation mécanique des langues“; *Beauzée.* „Grammaire générale“; *Kempelen.* „Mechanismus der menschlichen Sprache“, *Du Marsais.* „Prin-

Къ намъ философская грамматика попала въ концѣ XVIII вѣка. Элементы ея можно, правда, найти даже въ „Россійской Грамматикѣ“ Ломоносова и особенно въ грамматическомъ трудѣ Барсова, оставшемся ненапечатаннымъ [1]), но у Ломоносова философская точка зрѣнія является болѣе или менѣе случайной, а сочиненіе Барсова, какъ не увидѣвшее свѣта, не могло имѣть никакого вліянія. Поэтому мы на нихъ не будемъ останавливаться, а непосредственно перейдемъ къ тѣмъ произведеніямъ, которыя болѣе опредѣленно отразили философско-грамматическое направленіе.

Въ 1799 году въ Москвѣ вышла небольшая книжка, посвященная Ивану Петровичу Тургеневу, подъ заглавіемъ: „О началѣ и постепенномъ приращеніи языка и изобрѣтеніи письма“. Это былъ переводъ съ французскаго, сдѣланный *кн. Гр. Гагаринымъ и П. Лихачевымъ* [2]). Содержаніе этой книги уже представляетъ нѣкоторый интересъ и можетъ показать, какого рода разсужденія входили въ составъ подобныхъ трудовъ.

Главнымъ вопросомъ естественно являлся вопросъ о самомъ зарожденіи языка. Онъ рѣшался заманчиво просто и не безъ остроумія: „Люди были разсѣяны и вели жизнь кочевую“, читаемъ въ книгѣ Гагарина и Лихачева: „Естьли существовали общества, то они ограничивались тѣснымъ только кругомъ сѣмействъ... Поелику необходимостію принуждаемы они были безпрестанно разлучаться другъ съ другомъ: то слѣдуетъ непремѣнно заключить, что сѣмейственное общество было весьма несовершенно. Какъ же могли они согласиться ввести общіе звуки или слова для взаимнаго сообщенія своихъ мыслей?.. Кажется, что для утвержденія и распространенія языка надобно было сперьва, чтобы люди соединились въ великомъ множествѣ, и чтобы они достигли уже извѣстной степени гражданственнаго совершенства. Но съ другой стороны кажется также, что языкъ необходимо нуженъ былъ къ составленію общества: ибо какъ бы множество людей могло утвердиться въ одномъ мѣстѣ и содѣйствовать общей пользѣ, есть-

---

cipes de Grammaire“, *Meiner*. „Versuch einer an der menschlichen Sprache abgebildeten Vernunftlehre“, *Sylvester de Sasy*. „Principes de Grammaire générale, mis à la portée des enfans et propres à servir d'introduction à l'étude des toutes les langues“; *Burnett*. „On the origine and progress of language“.

[1]) Объ этой грамматикѣ Барсова, сохранившейся въ рукописи, у *Сухомлинова* „Исторія Россійской Академіи“, вып. 4, стр. 242—298.

[2]) Въ „Опытѣ россійской библіографіи“ Сопикова подъ № 9598 упоминается вышедшее въ 1777 году въ Москвѣ „Разсужденіе о началѣ и происхожденіи языковъ. Переводъ съ французскаго“. Къ сожалѣнію, этой книги я достать не могъ.

либъ они не были въ состояніи изъяснить другъ другу своихъ нуждъ и своихъ намѣреній? Слѣдовательно равно трудно, кажется, изъяснить, какъ общество могло составиться прежде языка; или какъ прежде составленія общества, слова могли произвесть языкъ. Естьлижъ разсмотрѣть еще удивительное сходство всѣхъ почти языковъ; то затрудненія представятся въ толь великомъ множествѣ, что не безъ причины можно приписать образованіе языка Божескому наставленію или вдохновенію. Положивъ однако, что нѣкоторая, выше нежели человѣческая сила имѣла вліяніе на составленіе языка, не льзя еще думать, чтобы она вдругъ сообщила людямъ полную и совершенную его систему. Гораздо вѣроятнѣе, что Богъ сперва научилъ нашихъ Праотцевъ языку столько, сколько нужно имъ было въ тогдашнемъ ихъ положеніи, и что впрочемъ, касательно сего предмета, равно какъ и всѣхъ другихъ, предоставилъ онъ имъ самимъ трудъ распространять его и приводить въ совершенство по мѣрѣ какъ требовали того ихъ нужды... Предположивъ такое время, когда не были изобрѣтены слова, или когда они были еще неизвѣстны, тотчасъ увидимъ, что человѣкъ не могъ тогда сообщать иначе своихъ мыслей другому, какъ посредствомъ исторгаемыхъ страстію восклицаній или криковъ, сопровождаемыхъ движеніями, сходствовавшими съ внутреннимъ его расположеніемъ: ибо сіи только знаки для взаимнаго сообщенія получили люди отъ натуры, и ихъ только всѣ они могутъ разумѣть... Восклицанія, извѣстныя у Грамматиковъ подъ именемъ *междометій*, суть натуральныя выраженія живо тронутой страсти; и они безъ сомнѣнія послужили первымъ основаніемъ или началомъ языку... Когда нужда потребовала обширнѣйшаго сообщенія, и когда люди вздумали отличать предметы особыми именами: то спрашивается, какое бы употребили они средство для изобрѣтенія словъ и наименованій? Очень вѣроятно, что сходственнымъ звукомъ словъ старались они выражать натуру предметовъ, кои хотѣлось имъ означить... Когда нужно было дать названіе шероховатому или жесткому предмету; то надлежало употребить сходной звукъ, то есть такой, которой бы заключалъ въ себѣ нѣчто шероховатое, жесткое, грубое“ [1]).

Вслѣдъ за этой книжкой у насъ появился цѣлый рядъ работъ, разсматривающихъ языкъ съ философской точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, въ 1806 году въ Харьковѣ вышла книга *И. Рижскаго* „Введеніе въ кругъ словесности“. Авторъ ея также видитъ въ междомe-

[1]) *Кн. Гр. Гагаринъ и Петръ Лихачевъ.* „О началѣ и постепенномъ приращеніи языка и изобрѣтеніи письма“. М. 1799, стр. 13—18.

тіяхъ источникъ человѣческаго языка и повторяетъ мысль о соотвѣтствіи звукового состава словъ характеру предмета.

Но въ книгѣ Рижскаго важна другая сторона. Въ ней впервые у насъ опредѣленно выразилась *логико-грамматическая* точка зрѣнія... „Слова суть знаки нашихъ мыслей", говоритъ авторъ. „Свойства означаемой вещи должны находиться въ ея изображеніи, естьли токмо оно можетъ ихъ выражать. Слѣдовательно, *все, что существенно и всегда принадлежитъ нашимъ мыслямъ, должно быть существенно и непремѣнно въ нашихъ словахъ*" [1]). Отсюда легко уже было перейти, какъ это и случилось впослѣдствіи, къ отожествленію грамматическихъ и логическихъ категорій.

Любопытны въ книгѣ Рижскаго и разсужденія относительно созданія *русскаго* языка. Идіомы отдѣльныхъ языковъ, конечно, должны были нарушать стройность отвлеченныхъ филологическихъ построеній авторовъ общихъ грамматикъ и вызывали на размышленія. Но наивная догматичность искусно обходила всѣ подводные камни и оберегала цѣльность теоріи. Вотъ примѣръ: „Естественное остроуміе первыхъ виновниковъ нашего языка", говоритъ Рижскій, „усмотрѣло не только касательно свойствъ, что въ одной ихъ степени сравненія бываютъ иногда нѣкоторыя оттѣни; отъ чего прилагательныя имена положительнаго и сравнительнаго степеней имѣютъ у насъ свои уменьшительныя и увеличительныя: но даже въ разсужденіи вещей, находящихся въ уменьшительномъ видѣ, что иныя изъ нихъ въ семъ состояніи намъ пріятны, иныя напротивъ сего отвратительны; а отъ сего произошли имена уменьшительныя, ласкательныя и уничижительныя. Подобнымъ образомъ даръ остроумія могъ примѣтить, что есть особенный родъ вещей, которыя обыкновенно бываютъ по двѣ, на примѣръ, глаза, руки, и проч., и одно дѣятельное вниманіе могло примѣнить сіе наблюденіе и къ прочимъ обстоятельствамъ, въ коихъ

[1]) *И. Рижскій.* „Введеніе въ кругъ словесности". Харьковъ. 1806, стр 23—31. Содержаніе книги Рижскаго довольно подробно изложено въ трудѣ *С. К. Булича* „Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи", т. I, стр. 525—536. Нельзя только согласиться съ замѣчаніемъ С. К. Булича, что „научная безсодержательность и наивность сочиненія Рижскаго довольно живо характеризуютъ направленіе тогдашняго *нашего* университетскаго преподаванія въ разсматриваемой области".—Наше университетское преподаваніе въ данномъ отношеніи слѣдовало философскимъ грамматикамъ Запада и не представляло исключенія.

О Рижскомъ и его филологическихъ воззрѣніяхъ см. *М. И. Сухомлиновъ.* „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи", т. I, стр. 64—74 или „Изслѣдованія и статьи", т. I, стр 72—83.

случайно находятся вещи въ числѣ двухъ токмо: отъ чего въ славянскомъ языкѣ есть особливое, какъ бы посредствующее между единственнымъ и множественнымъ, двойственное число. Но коль тонкія еще различія усмотрѣны творцами нашего языка въ тѣхъ измѣненіяхъ, какія бываютъ въ дѣйствіяхъ вещей! Замѣтимъ токмо объ однѣхъ временахъ нашихъ глаголовъ. Примѣняя всякое бытіе къ своему собственному, всѣ раздѣляютъ время на настоящее, прошедшее и будущее. Первое изъ нихъ толь мгновенно, толь не раздѣлимо, что ни одинъ, сколько извѣстно, народъ не нашелъ въ немъ никакихъ частныхъ отмѣнъ; и посему оно почти у всѣхъ одно, а евреи, которые не имѣютъ его, даже и не примѣтили онаго. Напротивъ сего въ прошедшемъ всѣмъ народамъ извѣстны два главныя его отличія, то есть давность и недавность; но наши предки нашли еще въ самой давности разныя степени, которыя мы изображаемъ тремя разными давнопрошедшими временами. Многіе также усмотрѣли то естественное различіе, что прошедшія и будущія иногда предполагаютъ притомъ совершенное ихъ исполненіе, а иногда бываютъ безъ означенія сего обстоятельства: но въ нашемъ языкѣ видно еще тончайшее замѣчаніе, а именно, что всякое дѣйствіе въ послѣднемъ изъ оныхъ двухъ случаевъ иногда бываетъ продолжительное и многократно повторяемое, а иногда совершаемое въ одинъ пріемъ: и сіи оттѣнки находятся даже въ такихъ измѣненіяхъ дѣйствія, которыя ни его лица, ни числа, ни времени не показываютъ; то есть въ глаголахъ не окончательнаго наклоненія. Наконецъ всякое иносказательное, производное, особливо сложное реченіе есть правда произведеніе остроумнаго сличенія между собою вещей въ ихъ свойствахъ, дѣйствіяхъ, обстоятельствахъ, и проч., но первоначально замѣтить сіи сходства, несходства, и другаго рода отношенія служащія предметомъ оныхъ сужденій, есть дѣло отъ природы остраго токмо ума“ [1]).

Такъ просто освѣщались сложнѣйшіе вопросы языка. Да иначе и быть не могло, разъ каждый отдѣльный народъ представлялся сознательнымъ изобрѣтателемъ своего языка. Очевидно, все зависѣло отъ *остроумія* и *находчивости* даннаго народа. Такимъ образомъ то, что выходило за предѣлы общей грамматики или противорѣчило ея положеніямъ, легко объяснялось и успокаивало сомнѣнія.

Къ 1810 году относятся два труда по всеобщей грамматикѣ. Въ Харьковѣ появилось сочиненіе *И. Орнатовскаго* „Новѣйшее начер-

[1]) *И. Рижскій.* Op. cit, стр. 75—79.

таніе правилъ россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ", а въ Петербургѣ преподаватель гимназіи и педагогическаго института *Н. Язвицкій* издалъ „Всеобщую, философскую грамматику".

Въ 1811 году въ Харьковѣ же была напечатана книга подъ заглавіемъ „Опытный способъ къ философскому познанію Россійскаго языка, сочиненный Иліею *Тимковскимъ*".

Въ 1812 году главное правленіе училищъ выпустило въ свѣтъ въ Петербургѣ вторую часть „курса философіи для гимназій Россійской имперіи", содержавшую „начертаніе всеобщей грамматики", сочиненія доктора *Лудвига Генриха Якоба* [1]).

Всѣ эти сочиненія появились, конечно, не случайно. Разъ уставъ учебныхъ заведеній къ числу главныхъ предметовъ преподаванія въ гимназіяхъ относилъ и всеобщую грамматику, то необходимость имѣть соотвѣтственные учебники и руководства должна была побудить какъ частныхъ лицъ, такъ и главное правленіе училищъ, позаботиться объ удовлетвореніи нуждъ новой школы. Правда, не всѣ перечисленныя книги были предназначены для учениковъ. Такъ, напримѣръ, сочиненія Тимковскаго и Орнатовскаго не могли быть по своему содержанію учебниками, но что и они имѣли въ виду потребности школы, видно хотя бы изъ предисловія къ книгѣ Тимковскаго, въ которомъ авторъ даетъ учителямъ методическія указанія относительно преподаванія.

Нѣтъ надобности подробно останавливаться на всѣхъ этихъ произведеніяхъ. Мы извлечемъ изъ нихъ только то, что такъ или иначе характеризуетъ преподаваніе всеобщей грамматики и даетъ представленіе объ ея составѣ. При этомъ мы отдадимъ преимущественное вниманіе тѣмъ отдѣламъ, которые помогутъ понять причины усложненія синтаксиса въ учебныхъ грамматикахъ 19 столѣтія.

„Всеобщая, философская грамматика" *Язвицкаго* была въ сущности первымъ учебникомъ по этому предмету въ нашихъ гимназіяхъ. Ничего оригинальнаго въ ней не было. Она представляла собою переводъ, мѣстами искаженный и незначительно дополненный, грамматики Port-Royal. Отмѣтимъ, какъ курьезъ, что Язвицкій въ преди-

[1]) Курсъ философіи для гимназій, сочиненный Якобомъ, состоялъ изъ 6 частей.
Часть I, содержащая начертаніе всеобщей логики, 1811 года.
Часть II, содержащая начертаніе всеобщей граммапики, 1812 г.
Часть III, содержащая психологію, 1814 г.
Часть IV, содержащая нравоучительную философію, 1814 г
Часть V, содержащая начертаніе эстетики, 1813 г.
Часть VI, содержащая умозрѣніе словесныхъ наукъ, 1813 г.

словіи приписалъ это сочиненіе *„французскому писателю Порт-Роялю“*. По этому поводу одинъ изъ критиковъ выразилъ не лишенное язвительности сожалѣніе: „Еще почитаемъ долгомъ сказать“, писалъ онъ въ рецензіи, „что г. переводчикъ не знаетъ даже, кѣмъ и гдѣ сочинена переведенная имъ книга. Онъ называетъ ее сочиненіемъ французскаго писателя Портъ-Рояля. Жаль, что онъ въ началѣ не помѣстилъ біографіи сего знаменитаго француза“ [1]).

Книга Язвицкаго состоитъ изъ двухъ частей: первая трактуетъ „о начертаніяхъ и буквахъ, употребляемыхъ въ письмѣ“, вторая— „о значеніи словъ“. Въ первой части затрагиваются слѣдующіе вопросы: „о литерахъ, такъ какъ звукахъ, и во-первыхъ о гласныхъ“ (гл. 1); „о согласныхъ“ (гл. 2); „о слогахъ“ (гл. 3); „о словахъ, такъ какъ звукахъ, и о ихъ удареніяхъ“ (гл. 4); „о буквахъ, разсматриваемыхъ такъ какъ начертаніяхъ“ (гл. 5); „о новыхъ способахъ, посредствомъ коихъ легко можно выучиться читать на разныхъ языкахъ“ (гл. 6). Эта часть не представляетъ особаго интереса [2]).

Вторая часть касается, между прочимъ, и общихъ вопросовъ.— Языкъ—удивительное изобрѣтеніе человѣка. Въ умѣ нашемъ три дѣйствія — понятіе, сужденіе и умозаключеніе. „Всякое сужденіе или предложеніе по необходимости заключаетъ въ себѣ два слова или термина. Напримѣръ первое слово *земля*, другое слово, къ ней присоединенное, *круглая*; а *есть*, составляетъ связь между сими двумя

[1]) „Санктпетербургскій Вѣстникъ“ 1812 г, ч. I, № 1, январь, стр. 93 — 101. Статья подписана Г (Гречемъ?). Авторъ дѣлаетъ такое „общее заключеніе“ о книгѣ Язвицкаго· „Философская грамматика сія совершенно испорчена этимъ переводомъ, и нельзя не пожелать, чтобъ кто-нибудь другой взялся перевести ее снова, и тѣмъ примирилъ съ русскою словесностію священныя тѣни ея сочинителей“. — Никто, однако, новымъ переводомъ не занялся.

[2]) Главы 3, 4, 5 и 6 почти вполнѣ совпадаютъ съ грамматикой „Port-Royal“. Главы 1 и 2 значительно сокращены въ грамматикѣ „Port-Royal“ указана артикуляція отдѣльныхъ звуковъ; очевидно, Язвицкій былъ поставленъ въ нѣкоторое затрудненіе относительно русскаго языка и потому ограничился замѣчаніемъ. „Человѣкъ способный и понятный почти одному только произношенію и можетъ научиться отъ уроковъ учителя. Все прочее находится въ хорошихъ грамматикахъ, и прилежный ученикъ можетъ пользоваться оною и безъ учителя съ равнымъ, а часто еще съ большимъ успѣхомъ“ (стр 16). Примѣры изъ еврейскаго языка, встрѣчающіеся въ грамматикѣ „Port-Royal“, вездѣ выкинуты.

6-я глава представляетъ интересъ для историка методовъ обученія грамотѣ. Авторы грамматики „Port-Royal“ указывали на трудности при обученіи чтенію, если буквы называть обычными терминами, и рекомендовали 1) называть всѣ согласныя съ *е (бе, ме, се...)*, какъ у *Л. Толстого*, и 2) произносить слоги цѣлкомъ, а не складывать ихъ. Для Россіи это было новостью.

словами. То слово, о которомъ говоримъ, называется *подлежащимъ* или *предметомъ*, тоже, которое къ нему присоединяемъ, или отдѣляемъ—называется *сказуемымъ* или свойствомъ; что же связываетъ подлежащее съ сказуемымъ называется *связью*“ [1]).

Авторы грамматики „Port-Royal“, а за ними и Язвицкій, правильно смотрѣли на этотъ анализъ *исключительно какъ на логическій и еще не смѣшивали его съ синтаксисомъ*. Подлежащее и сказуемое въ ихъ глазахъ были членами сужденія, такъ что въ предложеніи *„невидимый Богъ создалъ видимый міръ*“ подлежащимъ являлись слова *„невидимый Богъ*“, а сказуемымъ—*„создалъ видимый міръ*“. Поэтому и наши такъ называемыя опредѣлительныя предложенія, начинающіяся съ мѣстоименія *кто*, разсматривались или какъ составная часть подлежащаго или какъ составная часть сказуемаго.

Мало того: авторы „Port-Royal“ находили, что всеобщая грамматика не можетъ и не должна разсуждать объ *особенностяхъ* синтаксиса, и давали поэтому только нѣсколько общихъ указаній о *согласованіи и управленіи словъ*. Синтаксисъ ими разсматривался исключительно съ этой точки зрѣнія, какъ и въ нашихъ старыхъ грамматикахъ до 19 вѣка.

Если языкъ вообще считался изобрѣтеніемъ человѣка, то отдѣльныя части рѣчи, конечно, были только продуктомъ остроумной находчивости, вытекавшей изъ естественной необходимости: „Люди имѣя нужду въ знакахъ для выраженія того, что происходило въ душѣ ихъ, принуждены были изобрѣсти различіе въ словахъ, такъ, что бы однѣ изъ нихъ означали предметъ мыслей; а другія образъ оныхъ. Къ первому отдѣленію относятся тѣ слова, кои называются: именами, членами, мѣстоименіями, причастіями и нарѣчіями, а ко второму: глаголы, союзы и междометія. Всѣ они изобрѣтены по причинѣ естественной необходимости“ [2]). „Предметы нашихъ мыслей бываютъ или вещи, напр.: *земля*, *солнце*, *вода*, и проч., что обыкновенно называютъ

---

[1]) *Язвицкій*, стр. 31. Ср. „*Port-Royal*“. „Le jugement que nous faisons des choses, comme quand je dis, *la terre est ronde*, s'appelle *Proposition*, et ainsi toute proposition enferme nécessairement deux termes; et l'autre appelé *attribut* qui est ce qu'on affirme comme *ronde*, et de plus la liaison entre ces deux termes, *est*“. (Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal, par Arnauld et Lancelot; précédée d'un Essai sur l'origine et les progrès de la Langue françoise, par M. Petitot, et suivie du commentaire de M. Duclos, auquel on a ajouté des Notes. Paris, 1803, p. 271.—Всѣ дальнѣйшія ссылки я дѣлаю на это изданіе).

[2]) *Язвицкій*, стр 32. „Port-Royal“, p 272.

существомъ (substantif); или качества вещей, какъ-то: быть *круглымъ*, *краснымъ*, что называется *случайностію* (accident)".

Разница между ними въ томъ, что „существа имѣютъ сами по себѣ бытіе, между тѣмъ какъ случайности существуютъ по средствомъ однихъ только существъ". Правда, существуютъ такія слова, какъ бѣлизна, глупость и т. п., но это не противорѣчитъ сказанному: „Естьли случается, что какое либо существительное не можетъ стоять само по себѣ, то сіе бываетъ тогда, когда оно сверьхъ раздѣльнаго своего значенія, имѣетъ еще смѣшенное, которое можно назвать connotation вещи, которой приличествуетъ все то, что замѣчено чрезъ раздѣльное значеніе. Такимъ образомъ отъ раздѣльнаго значенія: *красный, румяный*, происходитъ—*красность*, *румяность*, rouge, rougeur. Таковое значеніе очень смѣшанно означаетъ подлежащее—красности; отсюда и происходитъ то, что оно не можетъ существовать одно въ разговорахъ, по тому что здѣсь должно изъяснять, или подразумѣвать то слово, которое означаетъ сіе подлежащее" [1]).

Грамматическія свойства отдѣльныхъ частей рѣчи или роль частей рѣчи въ языкѣ представлялись тоже результатомъ сознательныхъ дѣйствій человѣка. Вотъ характерные примѣры: „Какъ имена прилагательныя по ихъ природѣ приличествуютъ многимъ: то, *чтобъ разговоръ сдѣлать смѣшаннымъ*, *и чтобъ украсить его разнообразностію окончаній*, *разсудили къ статьи изобрѣсти* въ прилагательныхъ различія по именамъ существительнымъ, къ которымъ они присовокупляются. Такимъ образомъ люди разсуждая наипаче о самихъ себѣ, примѣтили довольно ощутительное различіе, состоящее въ двухъ полахъ; по сему и вздумали также перемѣнять и самыя имена прилагательныя, придавъ имъ различныя окончанія" [2]).

---

[1]) *Язвицкій*, стр. 33—34. Этому несовсѣмъ толковому изложенію соотвѣтствуетъ въ „Port-Royal" слѣдующее мѣсто. „Or ce qui fait qu'un nom ne peut subsister par soi-même, est quand, outre sa signification distincte, il en a encore une confuse, qu'on peut appeler connotation d'une chose à laquelle convient ce qui est marqué par la signification distincte. Ainsi la signification distincte de *rouge* est la *rougeur*; mais il la signifie en marquant confusément le sujet de cette rougeur d'où vient qu'il ne subsiste point seul dans le discours, parce qu'on y doit exprimer ou sous-entendre le mot qui signifie ce sujet" (p. 274).

[2]) *Язвицкій*, стр 38—39. Здѣсь между прочимъ Язвицкій дѣлаетъ отъ себя небольшое примѣчаніе, въ которомъ говоритъ „Желательно было бъ, естьли бы кто нибудь отыскалъ основательныя причины во всѣхъ языкахъ, почему нѣкоторыя слова. не имѣющія пола, отнесены къ мужескому; а нѣкоторыя къ женскому роду. Сіе открытіе для изученія языковъ принесло бы великое вспоможеніе" (стр. 42).

Мы уже выше отмѣтили, что авторы общихъ грамматикъ не смущались идіомами языка. Поэтому Язвицкій, обращая вниманіе читателей на отсутствіе члена въ русскомъ языкѣ, замѣчалъ, что въ данномъ случаѣ русскій народъ оказался выше другихъ, такъ какъ при созданіи своей рѣчи понялъ, что отсутствіе члена—источникъ красоты языка: „*Читая хорошее Россійское сочиненіе*“, говоритъ Язвицкій, „*какъ будто бы идешь по самой гладкой дорогѣ. На противъ, читая французскую книгу, языкъ всегда скачется какъ будто бы по какимъ-нибудь кочкамъ и тнямъ*“ [1]).

Мѣстоименія—такое же хитроумное изобрѣтеніе: „Люди примѣтили, что *въ разговорахъ безполезно и смѣшно было бы называть себя всегда по имени. Для сего ввели мѣстоименіе, перваго лица.* Дабы избѣжать также частаго повторенія того имени, къ коему говорится, изобрѣли мѣстоименіе, *втораго* лица. Для избѣжанія же всегдашняго повторенія имянъ другихъ лицъ, или вещей, о которыхъ говорится, изобрѣли мѣстоименіе, *третьяго лица*“ [2]).

Тѣми же причинами объясняется наличность въ глаголахъ измѣненій по лицамъ: „Чтобы не употреблять всегда мѣстоименій, вздумали дать слову подтвержденіе означающему, такое окончаніе, которое бы означало себя самого, или того, кто говоритъ. Тоже самое сдѣлали и въ разсужденіи того, къ кому относится рѣчь“ и т. д. [3]).

Примѣромъ наивности, свидѣтельствующимъ о полномъ незнакомствѣ съ исторіей языка, можетъ служить разсужденіе о *родѣ* въ нашемъ прошедшемъ времени: „Многіе языки за нужное почли сдѣлать различіе въ окончаніяхъ, относящееся къ полу мужескому или женскому. По сему-то очень часто одному и тому же лицу глагола даютъ два или три рода для избѣжанія двусмыслія въ рѣчи. Напримѣръ въ Россійскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ глаголахъ, третіе лице имѣетъ три рода: напримѣръ *писалъ, писала, писало*“ [4]).

Подобными разсужденіями полна всеобщая грамматика: „желаніе людей сокращать рѣчь было поводомъ къ изобрѣтенію нарѣчій“ [5]); „люди не менѣе имѣли нужды въ изобрѣтеніи словъ, означающихъ утвержденіе и главный образъ нашихъ мыслей“ [6]), и потому изобрѣли

---

[1]) *Язвицкій*, стр. 52.
[2]) *Язвицкій*, стр. 53—54.
[3]) *Язвицкій*, стр. 85.
[4]) *Язвицкій*, стр. 88.
[5]) Тамъ же, стр. 73.
[6]) Тамъ же, стр. 75.

глаголы; кромѣ измѣненія глагола по временамъ, числамъ и лицамъ „люди примѣтили, что нужно изобрѣсть еще другія измѣненія, раздѣльнѣе означающія наши мысли“ [1]), и придумали наклоненія; при этомъ такъ какъ можно утверждать или просто, или условно, „договорно и перемѣнно“, а „сверхъ того, изключая утвержденіе, самое дѣйствіе нашей воли можно почесть за образъ нашихъ мыслей“, то люди образовали три вида наклоненій—изъявительное, сослагательное и повелительное. Такъ называемое неопредѣленное наклоненіе какъ будто не подходило подъ указанный принципъ дѣленія, но это мало затрудняло, и во всеобщей грамматикѣ просто говорилось: „есть еще другое измѣненіе въ глаголѣ, не имѣющее ни числа, ни лицъ, а потому и называется *неопредѣленнымъ* [2]). Одно только междометіе „одолжено своимъ происхожденіемъ болѣе природѣ, нежели искусству“ [3]).

„Всеобщая грамматика“ Язвицкаго заканчивалась, какъ и грамматика „Port Royal“, небольшимъ разсужденіемъ „о фигурахъ словосочиненія“, которыхъ указано четыре: 1) *силлепсъ*, т. е. согласованіе по смыслу, 2) *элипсисъ*, т. е. опущеніе легко подразумѣваемыхъ словъ, 3) *гипербатъ*, т. е. измѣненіе обычнаго порядка словъ, и 4) *плеоназмъ* [4]).

Какъ ни плоха была книга Язвицкаго въ качествѣ учебника, однако другого не было, и потому ее временно допустили къ классному употребленію [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр 92.

[2]) Тамъ же, стр 96.

[3]) Тамъ же, стр 130.

[4]) Тамъ же, стр. 135—138.

[5]) Въ журналѣ главнаго правленія училищъ 12-го января 1811 года записано. „Слушали отношеніе г. члена правленія дѣйств. ст. сов. Фуса о томъ, что всеобщая грамматика Порт-Рояля, на которой основалъ старшій учитель здѣшней гимназіи Язвицкій свою грамматику, есть довольно извѣстное сочиненіе; но оно написано на французскомъ языкѣ для французовъ, слѣдовательно переводъ оной на Россійскій языкъ надлежало бы еще болѣе приспособить къ употребленію нашего юношества, нежели едѣлалъ то г. Язвицкій. Сверхъ того есть всеобщія грамматики, которыя гораздо лучше Порт-Роялевой, какъ на примѣръ Фатера. Грамматика Г. Якоба имѣетъ еще большее преимущество въ томъ, что составляетъ часть полнаго курса философіи, и соображена какъ съ другими курсами, такъ и со временемъ, которое въ нашихъ гимназіяхъ для сей части употребить можно. Но сіе не препятствуетъ позволить г. Язвицкому употреблять его книгу въ классахъ здѣшней гимназіи до тѣхъ поръ, пока главное правленіе училищъ не издастъ философической грамматики для всѣхъ

Въ 1812 году, какъ было уже отмѣчено, вышла всеобщая грамматика проф. *Якоба*, и министръ приказалъ ее ввести во всѣхъ гимназіяхъ. Такимъ образомъ, передъ нами учебникъ офиціально признанный и потому представляющій цѣнный матеріалъ для изслѣдователя. Одно оглавленіе книги Якоба можетъ дать нѣкоторое представленіе объ интересующемъ насъ учебномъ предметѣ. Вотъ въ какомъ видѣ оно напечатано въ изданіи главнаго правленія училищъ:

Введеніе.

I. Понятіе Грамматики.
II. О возможности словеснаго языка вообще.
III. О значеніи словъ.
IV. О необходимости языка.
V. Знаніе языка. Грамматика. Всеобщая Грамматика.
VI. Раздѣленіе всеобщей Грамматики.

Часть первая. О частяхъ рѣчи порознь, или о грамматическихъ началахъ.

Глава первая. О свойствѣ различныхъ частей рѣчи.

I. О словахъ, яко выражающихъ мысли.
A. О словахъ, выражающихъ подлежащее (substantiva et pronomina).
a) О существительныхъ въ особенности.
b) О мѣстоименіяхъ.
B. О словахъ, выражающихъ сказуемое, или прилагательныхъ.
C. О словахъ, выражающихъ сужденія, или глаголахъ.
D. О словахъ, выражающихъ отношеніе, или о предлогахъ и союзахъ.
a) О словахъ, выражающихъ отношенія понятій порознь, или о предлогахъ.
b) О словахъ, выражающихъ отношеніе цѣлыхъ предложеній.
II. О словахъ, выражающихъ чувствованія или междометіяхъ.

Глава вторая. О перемѣнахъ словъ порознь.

гимназій. Что же касается до недостатковъ и погрѣшностей въ грамматикѣ г. Язвицкаго, то должно предполагать, что онъ въ преподаваніи оной одни дополнитъ, а другія исправитъ". Правленіе съ Фусомъ согласилось и разрѣшило Язвицкому „до изданія всеобщей грамматики для всѣхъ гимназій вообще" употреблять ее въ классахъ „съ возможнымъ оныя исправленіемъ и приспособленіемъ къ Россійскому языку" (Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла главнаго правленія училищъ Папка № 8).

I. О перемѣнахъ словъ, выражающихъ подлежащее.
II. О перемѣнахъ словъ, выражающихъ сказуемое.
III. О перемѣнѣ словъ, выражающихъ сужденіе.
A. Число лицъ и форма родовъ.
B. Форма времянъ (tempora).
C. О разныхъ родахъ предложеній (modi).
D. О такъ называемыхъ залогахъ.
IV. О непремѣняемыхъ словахъ.
Глава третія. Объ изобрѣтеніи и произведеніи словъ.
Глава четвертая. О составленіи словъ.
Часть вторая. Синтаксисъ, или грамматическое способо-ученіе.
Глава первая. О соединеніи словъ для опредѣленія отдѣльныхъ понятій въ предложеніяхъ.
Глава вторая. О соединеніи словъ въ предложенія.
Глава третія. О соединеніи предложеній въ періоды.

Начинается всеобщая грамматика Якоба съ выясненія понятія „*знакъ*“. Знаки дѣлятся на *естественные* и *искусственные*. „Примѣчательнѣйшіе знаки послѣдняго рода бываютъ частію предметы видѣнія, частію предметы слуха“. „Понятія видѣнія“ дѣлятся на нѣсколько группъ: „1) искусственныя, подходящія впрочемъ къ естественнымъ, знаки внутреннихъ душевныхъ ощущеній, какъ-то: тѣлодвиженія, взоры. 2) Срисовка предметовъ, изображенія въ собственномъ смыслѣ. 3) Символы, не собственно такъ называемые, иносказательныя представленія. 4) Черты, то есть, письменные знаки, неимѣющіе никакого сходства съ означаемымъ предметомъ.—Понятія слуха, къ сему роду относящіяся, суть звуки, производимые людьми для сего намѣренія“. (§ 3).

Далѣе идетъ разсужденіе о *словахъ*, выясняется понятіе „*говорить*“, указывается *цѣль языка*, намѣчаются преимущества *словеснаго языка* передъ всякимъ другимъ. Наконецъ, опредѣляются выгоды *письма*.

Интересно объясненіе множественности языковъ. „Поелику выборъ словъ зависитъ отъ произвола; то легко заключить можно, что всѣ не могутъ употреблять одни и тѣ же слова для означенія одинаковыхъ мыслей. Впрочемъ тѣ, кои хотятъ употреблять языкъ для взаимнаго сообщенія своихъ мыслей, должны согласиться въ употребленіи одинакихъ словъ. По сему люди, живущіе въ общественной связи и всегда въ многоразличномъ обращеніи между собою находящіеся, употребляютъ также и одинаковыя слова для означенія одинаковыхъ

мыслей, то есть, имѣютъ *одинъ* языкъ. Но чѣмъ независимѣе другъ отъ друга народы возникли, и чѣмъ отдаленнѣе образовались, тѣмъ различнѣе и языкъ ихъ. Слѣдовательно есть весьма *много* языковъ, которые, судя по различному произхожденію и разсѣянію народовъ имѣютъ то болѣе, то менѣе между собою сходства“ (§ 9).

Возможность словеснаго языка ставится въ связь съ органами дыханія и полостью рта. Родъ и число членораздѣльныхъ звуковъ опредѣляется свойствомъ „язычныхъ органовъ“, къ которымъ относятся *гортань*, „мускулами коея производятся всѣ звуки голоса“, *языкъ*, *небо*, *челюсть*, *зубы*, *губы*, *носъ*. Выясняется понятіе гласныхъ и согласныхъ, при чемъ дѣленіе основывается на особенностяхъ артикуляціи тѣхъ и другихъ. Затѣмъ говорится о *слогѣ*, *словѣ*, *предложеніи*, періодѣ. „Когда одна буква, или многія вмѣстѣ взятыя выговариваются однимъ разомъ, или однимъ голосомъ: то сіе называется *слогомъ*, ежели чрезъ то производится совершенно опредѣленный звукъ. Если же одинъ, или многіе слоги соединяются вмѣстѣ для означенія какого-либо понятія, или чувствованія: то сіе называется *словомъ*; ежели посредствомъ одного или многихъ словъ въ совокупности выражается сужденіе: то сіе называется *предложеніемъ* (propositio); предложеніе, составленное изъ многихъ предложеній, посредствомъ котораго выражается какая либо соединенная мысль, называется *періодомъ*. Рѣчь состоитъ изъ періодовъ“ (§ 18).

Развитіе языка зависитъ отъ произвола. Сначала люди издавали нечленораздѣльные звуки, затѣмъ послѣ многихъ грубыхъ и несовершенныхъ опытовъ достигли „лучшей членообразности“. „Коль скоро составились общества, то нудящая къ тому склонность обнаружилась въ человѣкѣ столько, что онъ вездѣ, гдѣ только находится въ соединеніи съ другими, ему подобными, изобрѣтаетъ языкъ“ (§ 31).

„Съ распространеніемъ и усовершенствованіемъ искусствъ, естественнымъ образомъ начали стараться означать вещи, гдѣ можно, такими звуками, которые, хотя сколько нибудь имѣли сходства съ означаемыми предметами. Сіе всего легче можно было сдѣлать тамъ, гдѣ сами предметы отличались звукомъ. Самая природа вещей также вела къ тому, чтобы для означенія тихихъ понятій употребляемы были и звуки тихіе: для означенія грубыхъ и сильныхъ мыслей, грубые и сильные. Впрочемъ здѣсь произволъ человѣка все еще много дѣйствовалъ; при томъ же сіе искуство въ каждомъ языкѣ долженствовало немедленно наскучить, коль скоро либо не находили болѣе никакого

сходства, либо гдѣ оное открыть было очень трудно и гдѣ также изобрѣтатели языка не старались находить оное“ (§ 22).

Въ связи съ измѣненіемъ понятій появились въ языкѣ и измѣненія словъ, при чемъ человѣкъ и тутъ поступилъ по произволу: „Гораздо сходственнѣе съ разумомъ, слово однажды употребленное, для означенія какого либо понятія, всегда употреблять въ томъ же смыслѣ, дабы и сіе понятіе можно было отличать въ его многоразличныхъ связяхъ съ другими понятіями, равно какъ и самыя сіи связи, при перемѣнахъ слова, при склоненіяхъ онаго и прибавленіяхъ; и такимъ образомъ смотря по перемѣнѣ понятія, перемѣнять и самое слово. Такъ поступлено во всѣхъ, хотя нѣсколько образованныхъ языкахъ“ (§ 23).

„Во всякомъ языкѣ надобно обращать вниманіе на два предмета: 1) на самыя слова, составляющія матерію или содержаніе языковъ; 2) на образъ и способъ, какъ сіи слова составляются, измѣняются, или на форму. Начертаніе правилъ, по которымъ въ какомъ либо языкѣ слова составляются, перемѣняются, и соединяются въ предложенія и періоды, т. е. начертаніе формы языка составляютъ предметъ Грамматики того языка“ (§ 33 и 34).

Въ отдѣльныхъ языкахъ мы можемъ наблюдать „нѣкоторые законы, между правилами языка заключающіеся, безъ коихъ нигдѣ и никакой языкъ состоять не можетъ; усматриваемъ еще и другіе, коимъ всякой языкъ долженъ быть подверженъ, естьли хотятъ его усовершенствовать. Сіи законы выводятся изъ понятія формы языка вообще, и слѣдственно необходимы для всякаго языка безъ различія (a priori)“ (§ 36).

Наука, излагающая эти законы, и называется всеобщей грамматикой или всеобщимъ языкоученіемъ, въ отличіе отъ сравнительной грамматики, которая опредѣляетъ „сходство и несходство многихъ языковъ“ (§ 35). Всеобщая грамматика дѣлится на „всеобщую ѳеорію частей рѣчи“ и „всеобщій синтаксисъ“.

Части рѣчи предлагается опредѣлять при помощи понятій, выражаемыхъ рѣчью. А такъ какъ мы выражаемъ или мысли или чувства, то и всѣ слова должны быть или слова мыслей или слова чувствованій. Къ послѣднимъ относятся междометія.

Элементы мыслей опредѣляются анализомъ сужденія. Если сужденіе состоитъ изъ подлежащаго, сказуемаго и связки, то всѣ слова, очевидно, сводятся къ этимъ элементамъ и ихъ отношеніямъ. Отсюда получаются слѣдующіе классы:

1. „Слова, означающія подлежащее (nomina substantiva et pronomina).

2. Слова, означающія сказуемое:
   a) Словъ, означающихъ подлежащее (adjectiva).
   b) Словъ, означающихъ сказуемое (adverbia).
3. Слова, выражающія сужденіе (глаголы).
4. Слова, означающія отношеніе.
   a) Слова единственныхъ понятій (praepositiones).
   b) Слова предложеній (conjuctiones).
5. Слова, выражающія чувствованія (interjectiones)“ (§ 44).

Такими же логико-психологическими соображеніями выясняется смыслъ различныхъ формъ и свойствъ частей рѣчи. Мы имѣемъ, слѣдовательно, во всеобщей грамматикѣ Якоба опредѣленно выраженную логико-грамматическую точку зрѣнія.

Эта точка зрѣнія особенно сказалась на разработкѣ синтаксиса. Синтаксисъ, по мнѣнію автора, занимается слѣдующими вопросами: „1) о соединеніи словъ, для опредѣленія посредствомъ оныхъ, отдѣльныхъ понятій въ предложеніяхъ; 2) о составленіи словъ въ предложенія, а предложеній въ періоды“ (§ 160).

Указывая, что въ каждомъ предложеніи заключается три основныхъ понятія—подлежащее, сказуемое и связка, философская грамматика вмѣстѣ съ тѣмъ допускала, что каждое изъ этихъ понятій можно опредѣлять нѣсколькими словами. Такъ, подлежащее можно опредѣлить 1) другими подлежащими, 2) сказуемыми, 3) предложеніями.

Насколько темно все это было изложено, видно хотя бы по такому разсужденію: „Что слова, служащія къ опредѣленію подлежащаго, относятся къ подлежащему слову, какъ сказуемыя; то видно частію изъ мѣста, ими занимаемаго, частію изъ того, что ихъ форма, сколько возможно, согласуется съ формою подлежащаго. Потому, ежели подлежащее служитъ, вмѣсто сказуемаго, другому подлежащему: то сіе должно быть показано частію посредствомъ мѣста, частію посредствомъ сходства въ числѣ и падежѣ, естьли послѣднее не опредѣляется прибавкою, или выпущеніемъ глагола. Таковое соединеніе существительнаго съ другимъ, выражающимъ признакъ, подобно прилагательному, называется приложеніемъ (appositio)“. (§§ 163 — 164). „Если подлежащее опредѣляется членомъ, или сказуемымъ: то должно показать посредствомъ размѣщенія сихъ словъ, или посредствомъ сходства ихъ формы съ главнымъ словомъ, что сіи къ тому относятся. Посему во всѣхъ языкахъ, имѣющихъ склоняемые члены, или сказуемыя, находится правило, что сіи послѣднія должны согласоваться

съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ“ (§ 165). „Когда существительное должно выражать такое отношеніе, которое ограничиваетъ значеніе другаго, то одно соединяется съ другимъ въ косвенномъ падежѣ (restrictivo casu), и тогда опредѣляемое подлежащее управляетъ симъ падежемъ. Слѣдственно, когда въ языкахъ, имѣющихъ склоненія, два подлежащія стоятъ вмѣстѣ, изъ коихъ одно показываетъ отношеніе другаго; то сіе отношеніе стоитъ въ родительномъ, или косвенномъ падежѣ“ (§ 168). „Ежели подлежащее, долженствующее служить опредѣленіемъ первому, показываетъ намѣреніе и цѣль перваго: то полагается оно въ дательномъ падежѣ“ (§ 169) и т. д.

Особенно интересно для насъ *ученіе о предложеніяхъ*. Здѣсь читатель найдетъ въ зародышѣ все, что характеризуетъ нашъ школьный синтаксисъ съ его неопредѣленными, сложными и запутанными классификаціями, неустановившимися терминами и сомнительными построеніями.

„Когда подлежащее и сказуемое“, читаемъ въ этомъ отдѣлѣ, „посредствомъ сужденія, совокупляются, тогда бываетъ предложеніе. *Предложеніе* можетъ быть выражено однимъ и многими словами; подлежащее, глаголъ и сказуемое составляютъ всѣ необходимыя части онаго“ (§ 194).

„Предложенія бываютъ или *простыя*, или *сложныя*, смотря по тому, какъ одно, или многія выражаются въ нихъ сужденія“ (§ 196).

„Сложныя предложенія бываютъ или такія, въ которыхъ находящіяся предложенія относятся только къ подлежащему, либо сказуемому одного предложенія, или многія предложенія поставляются въ какомъ либо отношеніи другъ къ другу. Первыя называются *подробными*, послѣднія *соединительными*“ (§ 197).

Есть у Якоба и классификація предложеній, построенная на возможныхъ между различными предложеніями отношеніяхъ. Отношенія намѣчены такія:

„1. Отношенія *согласія*, онѣ выражаются:

a) Въ *соединительныхъ* предложеніяхъ чрезъ союзъ *и*, которой означаетъ только, что два, или многія предложенія въ умѣ соединяются, не смотря на то, находится ли между ихъ содержаніемъ согласіе, или нѣтъ.

b) Въ *сравнительныхъ* предложеніяхъ, когда предложенія сравниваются одно съ другимъ по ихъ роду, образу, или степени.

c) *Уступительныя* предложенія премѣняютъ видимое противорѣчіе въ согласіе.

2. Отношенія *противоположности*:

a) Въ *раздѣлительныхъ*, или взаимно другъ друга исключающихъ предложеніяхъ. Всѣ предложенія представляются подъ однимъ понятіемъ, какъ нѣкое совершенное цѣлое, однакожъ такъ, что одно другое уничтожаетъ.

b) *Противныя*, или совершенно, или отъ части уничтожающія другъ друга предложенія.

3. Отношенія *времени:*

a) *современности.*

b) *послѣдованія*, или *наслѣдованія*, *продолжительныя* предложенія.

4. Отношенія *зависимости*:

a) Зависимость ставленія какого либо предложенія отъ представленія.

b) Одно предложеніе представляется основаніемъ другаго. *Носительныя* предложенія.

c) Одно причиною, другое дѣйствіемъ. *Винословныя* предложенія.

d) Одно условіемъ другаго. *Условныя* предложенія.

e) Одно цѣлію предшествующаго. *Конечныя* предложенія.

f) Одно содержащимся въ понятіи другаго. *Подчиненныя* предложенія.

g) Одно слѣдствіемъ другаго. *Послѣдовательныя* предложенія“ (§ 200).

Кромѣ этого дѣленія, предложенія имѣютъ еще и другое, сообразно съ *модальностями* сужденія:

„I. *Умозрительныя.*

1. *Безусловныя*, или *самостоятельныя* предложенія, выражаемыя посредствомъ изъявительнаго наклоненія.

2. *Условныя*, *зависимыя*, или *относительныя*, относящіяся и зависящія отъ другихъ. Сіе показывается, то *сослагательнымъ* наклоненіемъ, то *неопредѣленнымъ*, то *союзомъ*.

3. *Проблемматическія*, или *вопросительныя* предложенія, обнаруживаемыя, то какимъ либо особеннымъ наклоненіемъ, то нарѣчіемъ.

II. *Практическія.*

1. *Требовательныя*, или *повелительныя*, означаемыя повелительнымъ наклоненіемъ.

2. *Желательныя*, означаемыя желательнымъ наклоненіемъ“ (§ 202).

Соединеніе нѣсколькихъ предложеній въ одно называется *періодомъ*. Предложенія, входящія въ составъ періода, раздѣляются на

„1. *Главное предложеніе*, къ объясненію и опредѣленію коего всѣ прочія способствуютъ.

2. *Побочныя предложенія*, служащія къ объясненію и опредѣленію главнаго“ (§ 206).

Классификацій этихъ „побочныхъ“ предложеній нѣтъ. Очевидно, названія ихъ обусловливались вышеприведенными дѣленіями.

Легко представить себѣ, съ какимъ трудомъ усваивали ученики этотъ отвлеченный матеріалъ. Можно даже сомнѣваться, усваивали ли: слишкомъ далеки отъ живого языка были построенія философской грамматики, слишкомъ сухо было изложеніе. Если прибавить къ этому, что въ учебникѣ Якоба не было рѣшительно никакихъ примѣровъ, то станетъ яснымъ, почему новый учебный предметъ вызвалъ скоро нападки и потерпѣлъ крушеніе. Этому способствовали, какъ увидимъ ниже, и нѣкоторыя политическія обстоятельства.

„Опытный способъ къ философическому познанію Россійскаго языка“, сочиненный Иліей *Тимковскимъ*, даетъ образецъ примѣненія принциповъ философской грамматики къ грамматикѣ русской и указываетъ тѣ педагогическіе пріемы, которые, вѣроятно, употреблялись на урокахъ русскаго языка. Книга Тимковскаго своего рода методика преподаванія русской грамматики на новыхъ основахъ. „Правила всеобщей Грамматики“, говоритъ онъ въ предисловіи, „изъясняя употребленіе Россійскаго слова, приводятъ къ познанію его состава, свойства и силы. Разсудительныя о семъ изслѣдованія открываютъ постепенную связь предметовъ, которая содержитъ въ себѣ:

I. Грамматическій разборъ частей рѣчи и смысла выраженій.

II. Окончанія производныхъ словъ, съ ихъ знаменованіемъ.

III. Сложеніе словъ, съ изъясненіемъ означенія сложныхъ.

IV. Произведеніе словъ, находящихся въ рѣчи для примѣра взятой, и употребленіе тѣхъ же словъ въ другихъ выраженіяхъ.

V. Связь и опредѣленіе понятій для составленія мысли.

VI. Опредѣленіе и связь мыслей.

VII. Порядокъ словъ и звуки въ выраженіяхъ.

VIII. Древности языка Славено-Россійскаго и отношенія его къ другимъ языкамъ.

IX. Начальное руководство къ ясному понятію чужихъ и сообщенію своихъ мыслей“.

Программа, какъ видимъ, довольно сложная и въ различныхъ отношеніяхъ цѣнная. Если отбросить „философическій“ элементъ, то мы найдемъ въ ней много такого матеріала, который преслѣдуетъ дѣйствительное изученіе языка: тутъ и производство словъ, и синонимика, и анализъ смысла отдѣльныхъ выраженій. Все это предлагалось проходить „по окончаніи краткой Россійской Грамматики, или совокупно съ преподаваніемъ оной“ [1]).

Порядокъ занятій намѣченъ Тимковскимъ въ слѣдующемъ видѣ:

„1. Наставникъ, изъяснивъ опредѣленія частей рѣчи въ Грамматикѣ, съ примѣрами словъ порознь на каждую, показываетъ ихъ ученикамъ въ совокупномъ словѣ; дабы они видѣли, какъ рѣчь составляется смѣсью и измѣненіемъ частей рѣчи, и болѣе утвердилися въ познаніи оныхъ. Для сего пишетъ на доскѣ періодъ избранный и входитъ въ разсмотрѣніе о каждомъ въ немъ словѣ: измѣняемое ли оно, или неизмѣняемое, каково въ началѣ своемъ измѣняемое, и каждое слово какая есть часть рѣчи по наименованіямъ [2]).

2. Далѣе потомъ преподаетъ этимологію, которая будетъ уже явственнѣе и понятнѣе учащимся. Окончивъ оную, приступаетъ къ дальнѣйшему разбору примѣровъ [3]).

---

[1]) Краткій отзывъ о книгѣ Тимковскаго, составленный *М. Е. Халанскимъ*, напечатанъ въ трудѣ *Д. И. Багалѣя* „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“. Харьковъ 1893—98, т I, стр. 652—653.

[2]) Напримѣръ, разбирается отрывокъ:

„Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли“ и т. д.

„*Уже:* нарѣчіе. *Прекрасное*, прекрасный, красный: имя прилагательное. *Свѣтило*, имя существительное. *Простерло*, простереть, простираю, глаголъ“, и т. д. При этомъ рекомендовались слѣдующія упражненія: 1) „Сокращенныя или усѣченныя слова приводятся въ полное состояніе свое. 2) Увеличительныя или умалительныя слова въ простое состояніе. 3) Имена, мѣстоименія и причастія поставляются въ именительномъ падежѣ единственнаго числа. 4) Имена прилагательныя, мѣстоименія, таковыя же и причастія, по приведеніи въ именительный падежъ единственнаго числа, поставляются въ мужескомъ родѣ. 5) Имена прилагательныя и нарѣчія въ положительномъ степени. 6) Глаголы, причастія и дѣепричастія въ неопредѣленномъ наклоненіи глагола, и изъявительнаго его наклоненія въ настоящемъ времени, числѣ единственномъ, лицѣ первомъ“ (стр. 9 и 57).

[3]) Между прочимъ, при этомъ разсматривались грамматическія свойства частей рѣчи по такой схемѣ: 1) „Въ какомъ родѣ, числѣ и падежѣ имя, мѣстоименіе и причастіе. 2) Въ какомъ степени сравненія имя прилагательное и нарѣчіе. 3) Въ какомъ залогѣ, спряженіи, наклоненіи, времени, числѣ, лицѣ и родѣ глаголъ. 4) Какія другія измѣненія могутъ быть въ сихъ частяхъ рѣчи по степенямъ, родамъ, скло-

3. Изъясняетъ систематически произведеніе словъ по окончаніямъ [1]); а за тѣмъ сложеніе простыхъ словъ съ предлогами и другими частьми рѣчи и произхожденіе разныхъ сложныхъ и отъ нихъ производныхъ словъ [2]).

4. Подробнѣе показываетъ то же въ разборѣ сложной рѣчи, гдѣ таковыя изъясненія болѣе могутъ имѣть пріятнаго разнообразія и внушить болѣе вниманія къ изслѣдованіямъ. Для сего разсматриваетъ съ учениками въ выраженіяхъ, или періодахъ, съ начала на доскѣ написанныхъ, потомъ въ книгѣ указываемыхъ, произведеніе и сложеніе словъ [3]). При семъ, взявъ корень слова, приводитъ его иногда по всѣмъ возможнымъ, иногда по главнѣйшимъ токмо измѣненіямъ. Для лучшаго усмотрѣнія сего родословія, надписавъ оный корень на доскѣ, пишетъ на ней слова производимыя отъ него, простыя или сложныя, въ порядкѣ ихъ.

5. Изъясняетъ составъ мыслей и опредѣленіе понятій, употребляемыхъ въ подлежащее и сказуемое.

6. Послѣ сего изъясняетъ правила Синтаксиса, которыя какъ бы изъ собственнаго свѣденія учениковъ произходить будутъ, и болѣе ощутительны для нихъ явятся [4]).

7. Потомъ предлагаетъ объ опредѣленіи и связи мыслей [5]); о порядкѣ словъ въ выраженіяхъ и о звукѣ оныхъ, присоединяя и самое возглашеніе тому соотвѣтственное [6]); занимается сличеніемъ другихъ

неніямъ и спряженіямъ. 5) При разборѣ причастій и дѣепричастій, какія могутъ быть въ другихъ временахъ причастія и дѣепричастія тѣхъ же глаголовъ. 6) Какими падежами управляютъ слова въ рѣчи, взятой для разбора“ (стр. 11. Ср. стр. 62 — 64, 49—50).

[1]) Напр.. „Зовъ, звать, зову. Боръ, брать, беру. Вой, вить, вью, выть, вою, воить, воюю. Болванъ, великанъ, грубіянъ. Подлецъ, подлянка. Иноземецъ, иноземка. Зритель, ваятель, дѣятель. Зрительный, ваятельный, дѣятельный“ и т. д. (стр. 11—18 и 50—57).

[2]) Напр.: „Дѣй, издѣвка, поддѣть. Боръ, поборъ, переборъ, убрать. Войду, дойду, зайду, найду, пойду. Походить въ комнатѣ, походить по своему пеку. Походить на звѣря, на правду. Поносить платье нѣсколько времени. Поносить друга за его отказъ“ и т. п. (стр. 18—26 и 57—64).

[3]) Напр.: „*Предъ*, *передъ*. Есть предлогъ, и имя существительное. *Производныя слова*: передній, прежде, прежній. *Сложныя слова* опередить, упредить, упреждать, предвѣстникъ, предложеніе, предсѣдатель“ и т. д. Анализировали „употребленіе тѣхъ же словъ въ другихъ выраженіяхъ“, напр.. „Заслуги *отличаютъ* гражданина. *Отличай* ложь отъ правды, и добро отъ зла“.

[4]) Стр. 27—33.

[5]) Стр. 33—37.

[6]) Стр. 37—43.

языковъ съ нынѣшнимъ Славено-Россійскимъ [1]); наконецъ руководствуетъ къ ясному понятію чужихъ и сообщенію своихъ мыслей; при чемъ разсказанное отъ него, учениками повторенное и написанное исправляетъ относительно правописанія, этимологіи, синтаксиса, выбора словъ и оборота выраженій.

8. По всѣмъ онымъ опытамъ во первыхъ самъ предлагаетъ и изъясняетъ свои примѣры, потомъ заставляетъ учениковъ повторить сіи изъясненія, и на каждое правило свои краткіе примѣры сказывать. Во всякомъ же разборѣ и во всѣхъ своихъ запросахъ—всѣхъ учениковъ занимаетъ и всѣмъ въ отвѣтахъ даетъ участвовать попеременно. Замѣчая погрѣшности въ ихъ словахъ и мысляхъ, исправляетъ оныя, и причины мнѣнія своего изъясняетъ.

9. Примѣры избираетъ по благоразумію своему изъ извѣстныхъ Россійскихъ писателей, присовокупляя и Славенскаго языка примѣры, взятые изъ книгъ Священнаго писанія, или другихъ церковныхъ, въ такомъ числѣ, какого множество учениковъ возтребуетъ, и съ такимъ содержаніемъ, чтобъ могли при томъ поселять въ учащихся свѣденія о красотѣ и силѣ Россійскаго слова, внушать имъ любовь къ истинѣ и отечеству, и понятіями обогащать ихъ, которыя въ слогѣ употребительны будутъ. Важнѣйшіе изъ предлагаемыхъ, они записываютъ для памяти и наизусть выучиваютъ“.

[1]) Стр. 43 — 52. Этотъ отдѣлъ книги Тимковскаго представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что характеризуетъ тогдашнее пониманіе исторіи языка „языкъ есть одно изъ племенныхъ отличій всякаго народа. Въ свойствѣ и перемѣнахъ того и другаго дѣйствующія причины такъ совокупны, что Исторія народа содержитъ въ себѣ и Исторію языка его“. Внѣшніе факты въ образованіи Славено-Россійскаго языка указаны слѣдующіе: „Въ глубочайшей древности языка Славенскаго обрѣтается нѣкоторое сходство его съ ученымъ, пароду невѣдомымъ языкомъ въ Индіи *Самскретъ* или *Самскрытъ*, которымъ одни Брамины говорятъ и пишутъ. Большее сходство явствуетъ съ Кельтскимъ, а потому и съ языками ближайшихъ народовъ Кельтскаго поколѣнія. Судя же по произведенію Славянъ, какъ и однородныхъ имъ Венетовъ или Вендовъ, отъ Сарматовъ или Савро-мидовъ, корнемъ языка ихъ Мидскій принимаемъ. Когда Славяне при Дунаѣ и на сѣверѣ сложились въ отдѣльные и сильные народы; въ то время и языкъ ихъ большую получилъ полноту и силу. Разсѣяніе Славянъ преселеніемъ въ дальныя страны языкъ ихъ на многія отрасли и нарѣчія раздѣлило“. „Сосѣдство, связи и совокупленіе“ различныхъ народовъ вызвали появленіе многихъ новыхъ словъ. „Господствующія области паче другихъ дали силу своему нарѣчію· таковыя суть Новгородская, Кіевская и Московская. Сліяніемъ ихъ нарѣчій между собою составился очищенный письменный нашъ языкъ, который общимъ употребленіемъ при возрастѣ и перемѣнахъ гражданскаго состоянія образовался въ своихъ видахъ“. Далѣе отмѣчается разница между славянскимъ и русскимъ языкомъ.

Мы остановимся прежде всего на томъ отдѣлѣ книги Тимковскаго, который посвященъ грамматическому разбору такъ называемыхъ членовъ предложенія.

Этотъ грамматическій разборъ былъ въ сущности логическимъ, при чемъ никакихъ терминовъ, кромѣ подлежащаго и сказуемаго, не употреблялось. Очевидно, *учитель стремился исключительно къ выясненію логическаго соотношенія словъ*. Въ сочиненіи Тимковскаго намѣченъ ходъ урока, по которому мы можемъ судить о грамматическихъ классныхъ занятіяхъ того времени. Для примѣра авторъ беретъ отрывокъ изъ Ломоносовской оды:

„Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла открыло!
Мой духъ, съ веселіемъ внемли"...

„1. *Свѣтило* есть подлежащее, о которомъ говорится въ выраженіи. *Простерло блескъ* есть сказуемое, что о подлежащемъ, о Свѣтилѣ говорится. Остальнымъ опредѣляется подлежащее и сказуемое. Дѣйствіе подлежащаго. *Простерло;* кто? что? *Свѣтило.* Нельзяли полнѣе сдѣлать понятія о Свѣтилѣ? какое *Свѣтило? прекрасное.*

2. *Свѣтило простерло*; довольноли для смысла? что простерло? *Блескъ*, чей? *свой. Простерло блескъ*, довольноли для понятія о дѣйствіи? Когда *простерло*? *Уже*, послѣ ночи, при ожиданіяхъ, прежде сего времени.

Уже простерло блескъ, довольноли для понятія о дѣйствіи? гдѣ *простерло? по земли.*

3. Только ли что *простерло блескъ? и открыло.* Кто? что? *Свѣтило.*

Довольноли для понятія о дѣйствіи? что *открыло? дѣла.* Довольноли для понятія о *дѣлахъ?* чьи *дѣла? Божія.*

4. *Духъ*, подлежащее; *внемли*, да внемлетъ, сказуемое. Остальнымъ опредѣляется подлежащее и сказуемое.

Дѣйствіе подлежащаго: *внемли.*

Кто да *внемлетъ?* ты, *духъ!* чей *духъ? мой.*

Довольноли для понятія о дѣйствіи? какъ *внемли*, съ чѣмъ? *съ веселіемъ*" и т. д.

Ясно, что съ такимъ разборомъ связывались чисто логическія цѣли, при чемъ, *если при извѣстномъ словѣ можно было съ одинаковымъ*

логическимъ правомъ поставить нѣсколько вопросовъ, то они всѣ и допускались.

Затѣмъ учитель долженъ былъ обращать вниманіе учениковъ на *удареніе*. При этомъ отмѣчалось: 1) различіе въ значеніи словъ въ зависимости отъ ударенія, напр. *мýка*, *мукà*; *свóйство*, *свойствó*; 2) различіе падежей въ тѣхъ же словахъ въ связи съ удареніемъ, напр. *водѝ*, *вóды*, *дѣла*, *дѣлá*; 3) различіе въ частяхъ рѣчи и значеніи при одинаковомъ удареніи, напр. *винà* (причина) и *винá* (род. пад. отъ сущ. *вино*); 4) различіе падежей при одинаковомъ удареніи въ тѣхъ же словахъ, напр. *болѣзни* — род. един. и именит. множ. ч.

Къ этому присоединялся систематическій разборъ по частямъ рѣчи, съ сообщеніемъ лексическаго и фразеологическаго матеріала [1]). Въ связи съ этимъ предлагалось склонять, спрягать, указывать, съ какими падежами употребляется тотъ или другой предлогъ, и т. п.

Для обогащенія словарнаго матеріала Тимковскій предлагалъ заниматься *синонимикой*, напр., указывалось различіе въ словахъ: *вялый*, *слабый*, *хилый*, *хворый*, *дряхлый*; *тихій*, *медленный*, *мѣшкотный*, *косный* и т. д.

Наряду съ этимъ рекомендовалось выяснять ученикамъ значеніе *повторенія словъ* въ рѣчи, напр.:

„*Тобой* поставлю судъ правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугамъ мзду дарить“.

Останавливалось вниманіе учениковъ также *на порядкѣ словъ въ рѣчи*, напр.: Темная ночь наступила. Ночь темная наступила. Наступила темная ночь. Наступила ночь темная. Ночь наступила темная. Темная наступила ночь.

Указывалось *значеніе звукового состава* нѣкоторыхъ словъ, напримѣръ: кукуетъ, кричитъ, жужжитъ, топотъ и т. п.

Сообщался наконецъ элементарный *сравнительный* матеріалъ напр.: *даю*, греч. δοω, лат. do; *мать*, греч. μητηρ, лат. mater, нѣм. mutter, кельт. ma.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе единственной у насъ методики философической грамматики. Въ ней, между прочимъ, цѣннымъ являлось указаніе на необходимость отправляться въ классныхъ заня-

---

[1]) Напр. книга, книжка, книжища, книжечка, книженка, книженочка. Или: сходить съ лица, съ горы, по лѣстницѣ. Присталъ къ сосѣду, къ работѣ; пристали отъ долгой ходьбы, не пристало трутню предъ пчелой гордиться; не пристали уборы.

тіяхъ отъ фактовъ языка, а не изучать догматически сухія правила и опредѣленія. Названіе „опытный“ такимъ образомъ вполнѣ оправдывается. Немалую цѣнность представляла книга Тимковскаго и въ томъ отношеніи, что давала огромное количество примѣровъ, взятыхъ какъ изъ книгъ священнаго писанія, такъ и изъ сочиненій русскихъ писателей. Здѣсь встрѣчаются отрывки изъ Богдановича, Фонвизина, Державина, Дмитріева, Капниста, Карамзина, Кострова, Княжнина, Ломоносова, Палицына, Петрова, Сумарокова, Хемницера, Хераскова, Щербатова. Нашло здѣсь мѣсто и „Слово о Полку Игоревѣ“.

Книга *Орнатовскаго* повторяла общеизвѣстныя разсужденія философской грамматики. Въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ Орнатовскій заходилъ такъ далеко, что при разсужденіи о родѣ именъ существительныхъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ давалъ, напримѣръ, такія объясненія, ссылаясь на „лучшихъ любослововъ“: мужескій родъ люди приписали „такимъ вещамъ, кои имѣютъ нѣкоторое свойство крѣпости, дѣятельности, сообщительности и вообще дѣйствія“, женскій же получили такія, которыя „служатъ къ вмѣщенію чего-нибудь, или къ произведенію и вообще по природѣ своей болѣе страдательны, нежели дѣятельны, болѣе тихи, красивы, пріятны, нежели крѣпки“ [1]).

Какъ попытка изложить русскую грамматику на основахъ всеобщей, книга Орнатовскаго тоже не представляетъ интереса, потому что намѣренія автора остались неосуществленными, и въ его сочиненіи читатель найдетъ обычную школьную грамматику, рѣшительно ничѣмъ съ всеобщей несвязанную. Вотъ почему мы на ней останавливаться не будемъ.

Обзоръ содержанія тѣхъ философскихъ грамматикъ, которые были у насъ въ употребленіи и служили или учебниками или руководствами для учителей, показываетъ, что характеръ грамматическихъ классныхъ занятій въ началѣ XIX вѣка рѣзко измѣнился. Если ранѣе грамматика главнымъ образомъ научала „правильно говорить, читать и писать“ и въ связи съ этимъ сообщала извѣстный кодексъ правилъ и собраніе примѣровъ литературныхъ формъ и литератур-

---

[1]) *И. Орнатовскій.* „Новѣйшее начертаніе правилъ Россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ“, стр. 60

наго строя рѣчи, то теперь обнаружилось стремленіе уяснить *логику* рѣчи. Для этого грамматическія категоріи ставились въ связь съ категоріями логическими, и показывалась зависимость первыхъ отъ послѣднихъ.

Логическое направленіе особенно, конечно, сказалось на синтаксисѣ: къ прежнему синтаксическому разбору, имѣвшему въ виду исключительно согласованіе и управленіе, присоединился разборъ логическій [1]). Однако на первыхъ порахъ *отожествленія* логики и грамматики еще не было, хотя путь для такого отожествленія былъ уже открытъ.

VIII.

Когда въ 1809 году главному правленію училищъ былъ представленъ въ рукописи учебникъ Якоба по всеобщей грамматикѣ, то въ немъ были найдены большія педагогическія достоинства: *основательность, порядокъ, ясность, краткость и сообразность съ планомъ ученія и со временемъ, опредѣленнымъ для этого предмета въ гимназіяхъ* [2]).

Прошло девять лѣтъ, и отношеніе къ всеобщей грамматикѣ рѣзко измѣнилось. 26-го іюня 1818 года ученый комитетъ заявилъ, что „признаетъ всеобщую грамматику, сочиненную Г. Якобомъ и изданную для преподаванія въ гимназіяхъ, *не инымъ чемъ, какъ обезображеннымъ умозрѣніемъ давно извѣстныхъ грамматикъ и вообще сочиненіемъ праздноумственнымъ и безплоднымъ, и не находитъ полезности не только въ сей книгѣ, но и ни въ какой другой, подъ симъ названіемъ доселѣ извѣстной*, не находитъ потому, что ни одна изъ

---

[1]) Аделунгъ въ своемъ хорошо извѣстномъ и у насъ сочиненіи „Umstandliches lehrgebaude der deutschen Sprache, zur erlauterung der deutschen sprachlehre fur schulen“. Leipz. 1782, совершенно опредѣленно писалъ. „Es ist zwar bisher nicht gewöhnlich gewesen in den sprachlehren von den satzen zu handeln; allein es ist leicht zu zeigen, dass diese lehre in denselben schlechterdings nothwendig ist, ja, was den bau derselben betrifft, hier ihr eigentliches feld findet, weil die vernunftlehre nicht eher von der wahrheit und anwendung der satze handeln kann, als bis die sprachlehre durch den richtigen bau derselben vorgearbeitet und den weg gebahnet hat“. Эта логико-грамматическая точка зрѣнія встрѣчается уже въ упомянутой выше рукописной грамматикѣ Барсова, который ученіе о предложеніи, подлежащемъ и сказуемомъ изложилъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Аделунга, какъ это доказалъ Сухомлиновъ.

[2]) Арх. Мин. Нар. Просв Дѣла Главн. Правл. Учил., папка № 8, журналъ 10-го февраля 1809 года.

нихъ не представляетъ коренныхъ началъ слововѣденія, способствующихъ къ открытію законовъ вещественнаго и умственнаго образованія всѣхъ языковъ. Посему комитетъ полагаетъ *преподаваніе всеобщей грамматики отнынѣ во всѣхъ гимназіяхъ прекратить, а употребляемые досель для сей науки часы посвятить другимъ упражненіямъ, въ особенности по части словесности*; о чемъ и представляетъ на уваженіе главнаго училищъ правленія".

Главное правленіе училищъ согласилось съ доводами ученаго комитета и опредѣлило: „Утвердить мнѣніе ученаго комитета во всей силѣ и привести въ исполненіе, давъ знать всѣмъ гг. попечителямъ" [1]).

Это рѣшеніе послѣ недавно сдѣланной высокой оцѣнки грамматики Якоба кажется намъ нѣсколько неожиданнымъ. Неожиданнымъ оно явилось, по всей вѣроятности, и для самихъ членовъ главнаго правленія училищъ. Однако было бы ошибочно видѣть въ резолюціи ученаго комитета и главнаго правленія училищъ одну игру случая. Архивные документы убѣждаютъ, что уничтоженіе всеобщей грамматики было вызвано не только педагогическими соображеніями, но и тѣми реакціонными теченіями, которыя въ это время замѣтно стали обнаруживаться въ различныхъ областяхъ русской жизни. 1818 годъ, отличавшійся, судя по отзывамъ современниковъ [2]), особенно яркими либеральными настроеніями общества, совпалъ и съ усиленіемъ протеста противъ „свободомыслія". Эти оба явленія оказались тѣсно связанными другъ съ другомъ: если рѣчь Александра I на первомъ Варшавскомъ сеймѣ окрылила однихъ, то другіе невольно опасливо насторожились, а многіе и испугались. Самъ императоръ къ этому времени уже началъ думать, что зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ свободолюбивыхъ мечтаніяхъ, и охотно склонялся на сторону тѣхъ, въ комъ раньше долженъ былъ видѣть своихъ противниковъ. Реакція, конечно, началась много раньше: она родилась въ тотъ моментъ, когда новый государь только что вступалъ на путь реформъ, рѣзко порывая съ ближайшимъ прошлымъ. Несмотря на то, что эта реак-

[1]) Тамъ же, журналъ Главн. Правл. Учил. 26-го іюня 1818 г., № 5, п. XXI.

[2]) Любопытно, что Пушкинъ, самъ впервые въ этомъ году отдавшійся „порывамъ либеральности" („Noël", „Къ Чаадаеву"), отмѣтилъ его спустя много лѣтъ въ своихъ „Отрывкахъ изъ романа въ письмахъ": „Твои умозрительныя и важныя разсужденія принадлежатъ *къ 1818 году*", пишетъ герой романа своему другу „Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы являлись на балы, не снимая шпагъ· намъ неприлично было танцовать и некогда заниматься дамами". (Второе письмо Владимира Z* къ другу въ Петербургъ).

ція находила очень высокихъ покровителей [1]), враги государственныхъ либеральныхъ начинаній, не встрѣчая сочувствія со стороны государя, должны были временно отказаться отъ активной борьбы. „Священный союзъ“ развязывалъ имъ руки.

Уничтоженіе философской грамматики, какъ это ни странно на первый взглядъ, въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ намѣтившагося новаго политическаго курса. Уже въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго (1810—1816) обнаружились замѣтныя колебанія. Вотъ какъ характеризуетъ эту пору покойный академикъ Сухомлиновъ: „Въ обществѣ уже начали обнаруживаться слѣды реакціи; сочувствіе къ университетамъ протестантской Германіи поколебалось; стали являться защитники католической системы воспитанія, возвѣщавшія приближеніе временъ Рунича и Магницкаго. Іезуиты завладѣли общественнымъ воспитаніемъ, вербуя питомцевъ преимущественно въ богатыхъ и знатныхъ семействахъ, и только учрежденіе Царскосельскаго лицея спасло отъ іезуитскихъ рукъ многихъ юношей и въ числѣ ихъ будущее свѣтило нашей литературы, Пушкина. Министру просвѣщенія доказывали, что любовь къ наукамъ и забота о нихъ есть опасная ошибка; въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя съ такими свѣтлыми надеждами учреждаемы были во всѣхъ краяхъ Россіи, видѣли скопище полузнаекъ, самоувѣренныхъ и заносчивыхъ, легкомысленныхъ поклонниковъ моды, всегда готовыхъ разрушить то, чего они не жалуютъ, то-есть, все“ [2]).

Въ характеристикѣ Сухомлинова не совсѣмъ, можетъ быть, справедливо рѣзкое осужденіе іезуитскихъ школъ [3]), но общая оцѣнка настроенія сдѣлана совершенно правильно. Новыя теченія особенно

---

[1]) Припомнимъ, напримѣръ, кружокъ великой княгини Екатерины Павловны, въ атмосферѣ котораго создалась записка Карамзина о древней и новой Россіи.

[2]) *М. И. Сухомлиновъ.* „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I“, т. I, стр. 26.

[3]) Въ одномъ изъ петербургскихъ іезуитскихъ пансіоновъ (патера Чижа) учился, между прочимъ, другъ Пушкина, кн. П. А. Вяземскій, сохранившій теплое воспоминаніе о своихъ учителяхъ. Іезуиты, по характеристикѣ Вяземскаго, были „просвѣщенные, внимательные и образованные наставники“. Преподаваніе у нихъ стояло высоко, атмосфера школьной жизни была семейная, личность учениковъ не подавлялась, „допускалась нѣкоторая свобода мнѣній и рѣчи“ Любопытно также свидѣтельство Вяземскаго объ отсутствіи какой бы то ни было вѣроисповѣдной пропаганды. Только постничали, за исключеніемъ впрочемъ великаго поста, въ католическіе постные дни, но, какъ остроумно замѣчаетъ Вяземскій, „эта желудочная пропаганда, кажется, не могла имѣть большого вліянія на умы и религіозныя чувства наши“ („Полное собраніе сочиненій“ кн. *П. А. Вяземскаго*, т. I стр XXIII—XXIV).

почувствовались съ уходомъ (10-го августа 1816 г.) графа Разумовскаго и съ назначеніемъ исправляющимъ должность министра народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицына, соединявшаго вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ рукахъ обязанности оберъ-прокурора и главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій. 24-го октября 1817 г. было создано новое министерство „Духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“ [1]). Если манифестомъ при учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія предлагалось ему „споспѣшествовать къ распространенію наукъ“, то теперь науки были взяты подъ подозрѣніе. Началась ликвидація тѣхъ широкихъ просвѣтительныхъ плановъ, которые имѣли мѣсто въ первую половину царствованія Александра.

Таковъ былъ общій фонъ, когда разыгрывалась исторія съ философской грамматикой. Архивные документы, къ анализу которыхъ мы теперь перейдемъ, на этомъ фонѣ оживаютъ и становятся понятными. То, что на первый взглядъ кажется своего рода deus ex machina, при ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживаетъ полное отсутствіе случайностей.

23-го марта 1804 года главное правленіе училищъ слушало отношеніе Фуса съ приложеніемъ программы „для приглашенія въ конкурсъ имѣющихъ достаточныя свѣдѣнія въ наукахъ и языкахъ съ тѣмъ, чтобы они приняли участіе въ составленіи или переводѣ первоначальныхъ книгъ для гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ“. Программа Фуса была препровождена въ Академію Наукъ для напечатанія во всеобщее свѣдѣніе.

Съ этого времени въ главное правленіе стали поступать различные „опыты“ учебныхъ руководствъ. Между прочимъ, былъ представленъ и переводъ всеобщей грамматики Фатера, сдѣланный Лубкинымъ. Эта грамматика предназначалась для преподаванія въ гимназіяхъ, но не была напечатана, несмотря на постановленіе главнаго правленія [2]).

---

[1]) Въ манифестѣ по этому поводу говорилось: „Желая, дабы христианское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія, признали мы полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія, съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составъ одного управленія подъ названіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“.—Подробности объ этомъ періодѣ см. въ книгѣ *С. В. Рождественскаго* „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія“. С.-Пб. 1902, стр. 105—112.

[2]) Нелишне будетъ выяснить здѣсь одно недоумѣніе, которое связано съ этимъ переводомъ. *С. К. Буличъ* въ своей „Исторіи языкознанія въ Россіи“ по поводу этой книги говоритъ слѣдующее: „По свидѣтельству А. Н. Чудинова,... А. С. Лубкинымъ былъ предпринятъ переводъ всеобщей грамматики Фатера. Къ сожалѣнію, г. Чу-

Почему это случилось, сказать трудно, но весьма возможно, что рѣшающую роль въ данномъ случаѣ сыгралъ назначенный въ 1807 году Харьковскимъ профессоромъ по каѳедрѣ политической экономіи, Якобъ [1]).

Якобъ былъ личностью незаурядной. Убѣжденный кантіанецъ, онъ уже на родинѣ обращалъ на себя вниманіе и своей трудоспособностью, и кипучей энергіей, и широкимъ философскимъ образованіемъ [2]). Якобъ сначала занималъ каѳедру философіи, а затѣмъ госу-

---

диновъ не указываетъ источника, изъ котораго онъ почерпнулъ приводимое имъ извѣстіе, а также и точнаго заглавія нѣмецкаго оригинальнаго сочиненія... Переводъ этотъ, очевидно, остался ненапечатаннымъ, такъ какъ поиски за нимъ въ нашихъ библіотекахъ и современныхъ библіографическихъ пособіяхъ остались тщетными. Извѣстіе, сообщаемое г. Чудиновымъ, впрочемъ, не внушаетъ особаго довѣрія, въ виду утвержденія его (тамъ же) что другой переводъ книги Фатера былъ сдѣланъ въ Москвѣ еще въ 1798 г., т. е. за три года до появленія въ свѣтъ самаго ранняго изъ трудовъ Фатера, посвященныхъ всеобщей грамматикѣ... Нѣтъ ли тутъ какой-нибудь ошибки?“ (стр. 537).

А. Н. Чудиновъ дѣйствительно не сдѣлалъ ссылки на источникъ въ своемъ сочиненіи „О преподаваніи отечественнаго языка“ (Вып. I. Воронежъ. 1872. См. стр. 232), но по всей вѣроятности заимствовалъ эти свѣдѣнія изъ книги *Воронова* „Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Пб. учебнаго округа“. По крайней мѣрѣ, только у Воронова я нашелъ указаніе на то, что въ 1807 году была *издана* всеобщая грамматика Фатера въ переводѣ Лубкина, при чемъ Вороновъ ссылается на журналъ главнаго правленія училищъ 24-го января 1808 года и прибавляетъ, что эта книга была переведена уже въ 1798 году (*Вороновъ*, т. I, стр. 191). Въ архивѣ Мин. Нар. Просв. я нашелъ постановленіе главнаго правленія училищъ отъ 24-го января 1807 года (а не 1808), которое редактировано такъ: „Докладывано, что назначенная для преподаванія въ гимназіяхъ всеобщая грамматика г-на Фатера переведена съ нѣмецкаго языка тит. сов. Лубкинымъ.—Правленіе *опредѣлило* трудившагося въ переводѣ сей книги удовлетворить выдачею денегъ, за $7^5/_8$ листа по 15 руб за каждый, ста четырнадцати руб. Поелику же членъ правленія г. дѣйств. ст. сов. и кавалеръ Николай Ивановичъ Фусъ объявилъ, что грамматику сію во многихъ мѣстахъ нужно передѣлать и приноровить къ русскому языку: то правитель дѣлъ принялъ сіе на себя. По исправленіи же напечатать сей книги первымъ тисненіемъ 2200 экземпляровъ на комментарной и 200 на Любской бумагѣ, о чѣмъ въ свое время сообщить въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ“ (Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла Гл. Правл. уч., папка № 7). Откуда взялъ Вороновъ извѣстіе, что эта книга переведена въ 1798 году, непонятно.

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Якобѣ находятся въ „Neuer Nekrolog der Deutschen V Jahrgang, 1827, II, Theil, Ilmenau, 1829, p. 715—723, № 246“. Свѣдѣнія, помѣщенныя здѣсь, использовалъ проф. *Е. Бобровъ* въ своемъ сочиненіи „Философія въ Россіи“. Казань. 1901. Вып. IV, стр. 127 сл. См. также *Багалѣй*. „Опытъ исторіи Харьковскаго Университета“, passim.

[2]) Шиллеръ удостоилъ его въ „Ксеніяхъ“ цѣлымъ рядомъ эпиграммъ, напр.:

дарственныхъ наукъ въ Галльскомъ университетѣ [1]). Послѣ закрытія Наполеономъ Галльскаго университета, Якобъ занялъ каѳедру дипломатики и политической экономіи въ Харьковѣ, а затѣмъ перешелъ въ Петербургъ и сдѣлался сотрудникомъ Сперанскаго. Послѣдніе годы жизни онъ снова провелъ въ Галле. У насъ онъ вскорѣ послѣ усиленія реакціи былъ признанъ опаснымъ, и общественная роль его, такимъ образомъ, была закончена [2]). Между прочимъ онъ былъ противникомъ крѣпостного права, о которомъ написалъ даже сочиненіе [3]).

Въ декабрѣ 1807 года Якобъ прислалъ въ главное правленіе училищъ отношеніе, въ которомъ, по словамъ журнала главнаго правленія, „изъясняя, что онъ слишкомъ 20 лѣтъ преподавалъ въ Галльскомъ университетѣ всѣ части философіи и политическихъ наукъ, и по симъ предметамъ сочинилъ учебныя книги, которыя введены въ употребленіе почти во всѣхъ университетахъ въ Германіи, вызывается сочинить учебныя книги для преподаванія философическихъ наукъ въ гимназіяхъ, и составивъ краткое начертаніе сего сочиненія, подвергаетъ оное сужденію правленія“ [4]).

Въ отношеніи Якоба не все, можетъ быть, отвѣчало истинѣ, но

Sachen so gestohlen worden.
Immanuel Kant spricht
Zwanzig Begriffe wurden mir neulich diebisch entwendet,
Leicht sind sie kenntlich, es steht sauber mein I. K. darauf.
Antwort auf obigen Avis
Wenn nicht Alles mich trugt, so hab'ich besagte Begriffe
In Herrn Jacob's zu Hall Schriften vor kurzem gesehn
Iacob, der Kantianer.
Kantische Worte sollte der hohle Schadel nicht fassen?
Sieht man in hohler Nuss doch den Kalender versteckt.

На журналъ Якоба „Annalen der Philosophie“ Шиллеръ тоже отозвался злой эпиграммой:

A. d. Ph.
Woche fur Woche zieht der Bettelkarren durch Deutschland,
Den auf schmutzigem Bock Jakob, der Kutscher, regiert.

[1]) Чрезвычайно сочувственный отзывъ о политико-экономическихъ сочиненіяхъ Якоба находится въ „Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland“, Munchen. 1874, v. *Wil. Roscher*. См. объ этомъ упомянутую выше книгу Боброва.

[2]) *Е. Ѳеоктистовъ*. Магницкій. „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи“, т. II, стр. 483—484 и 492.

[3]) *В. И. Семевскій*. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, стр. 313—325 и 335—339.

[4]) Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла Гл. Правл. Учил Папка № 7, журн. 27-го февраля 1808 г.

горделивое и увѣренное заявленіе о томъ, что его книги „введены въ употребленіе почти во всѣхъ университетахъ въ Германіи“, подѣйствовало на членовъ правленія, которое постановило объявить Якобу, что „ежели онъ по представленному отъ него начертанію сочинитъ оныя книги, то правленіе за сей особливый трудъ не преминетъ сдѣлать ему приличную награду“ [1]).

Съ этого момента начинается въ жизни главнаго правленія 10-лѣтняя эпопея, связанная какъ съ преподаваніемъ философскихъ предметовъ въ гимназіяхъ, такъ и съ самимъ профессоромъ Якобомъ. Уже въ августѣ 1808 года гр. С. О. Потоцкій препроводилъ въ правленіе первую часть философической учебной книги, сочиненной Якобомъ и содержавшей начертанія логики. Къ рукописи была приложена записка Якоба, которая заключала въ себѣ нѣсколько педагогическихъ соображеній. „По общему плану гимназій“, говорилось здѣсь, „преподаваніе въ нихъ философическихъ наукъ со временемъ будетъ имѣть большую обширность для вспомоществованія университетскимъ наставленіямъ, но въ семъ планѣ не достаетъ повидимому еще нѣкоторыхъ изъ приготовительныхъ наукъ; нужнѣйшими изъ оныхъ для высшихъ классовъ гимназій полагаетъ онъ *всеобщую энциклопедію или обозрѣніе ясныхъ понятій и связи всѣхъ наукъ*, равно какъ и *краткую оныхъ исторію съ общимъ и важнѣйшимъ познаніемъ книгъ и исторію словесности*. Такимъ образомъ если бы естественное и государственное право и народное хозяйство, которыя для молодыхъ людей могутъ и послѣ составить еще одно изъ важнѣйшихъ занятій, въ училищахъ были отмѣнены и вмѣсто ихъ введены вышеупомянутые предметы, то планъ воспитанія чрезъ сію перемѣну весьма бы много поправился“ [2]).

Правленіе дало восторженный отзывъ о книгѣ Якоба, но проектъ его отвергло. Академикъ Фусъ, разсматривавшій рукопись, „нашелъ сочиненіе сіе соотвѣтствующимъ намѣреніямъ правленія, и, по его мнѣнію, *нѣтъ ни на одномъ языкѣ книги, которая бы столько приспособлена была къ плану ученія, начертанному для нашихъ Гимназій*, а потому и рекомендуетъ перевесть немедленно сію учебную книгу на Россійскій языкъ“ [3]) — такъ записано въ журналѣ правленія.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Арх. Мин Нар. Просв. Дѣла Гл. Правл. Учил. Папка № 7.

[3]) Тамъ же.—Что касается предложенныхъ Якобомъ перемѣнъ въ программахъ, то правленіе „почитало нужнымъ сохранить постановленный планъ ученія въ нена-

Вторая часть, заключавшая всеобщую грамматику, была встрѣчена не менѣе сочувственно, и правленіе даже признало полезнымъ монополизировать учебники Якоба [1]). Это особенно обнаружилось при оцѣнкѣ правленіемъ третьей части, заключавшей психологію. Хотя оно и постановило нѣкоторыя мѣста выпустить (напримѣръ, „о плотскомъ соединеніи діавола съ мущинами и женщинами"), а другія исправить (напримѣръ, „о длинѣ дѣтей новорожденныхъ и дѣтей, имѣющихъ отъ роду шесть мѣсяцовъ или годъ"), однако въ общемъ дало лестный отзывъ и отмѣтило въ составленіи Якобомъ всего круга философскихъ книгъ ту выгоду, „что мы будемъ имѣть полное собраніе учебныхъ книгъ для всѣхъ философскихъ наукъ, которыя входятъ въ планъ ученія въ гимназіяхъ и которыя столь тѣсно сопряжены между собою, что не безъ вреда можно преподавать оныя по сочиненіямъ различныхъ авторовъ" [2]).

Однако, переводъ и печатаніе шли очень медленно, и скоро между

рушимой цѣлости впредь до усмотрѣнія, и положило, чтобы сочинитель, при составленіи слѣдующихъ частей философической учебной книги, имѣлъ его въ виду".

[1]) Якобъ представилъ не только учебникъ, но и примѣчанія для учителей. Обѣ рукописи, по мнѣнію рецензента главнаго правленія, „заслуживаютъ быть отъ Правленія приняты столь же благосклонно, какъ и начала Логики того жъ сочинителя". Всеобщую грамматику рецензентъ находилъ „основательною и порядочно расположенною, ясною и соотвѣтствующею нуждамъ нашихъ гимназій и плану ученія, начертанному для сихъ заведеній". „Книга", докладывалъ онъ, „заключающая въ себѣ начала философіи, которыя г. Якобъ принялъ на себя сочинить, имѣютъ много преимуществъ, по которымъ должно ихъ принять для гимназій. Существенное достоинство каждой изъ оныхъ составляютъ: основательность, порядокъ, ясность, краткость и сообразность съ планомъ ученія и со временемъ, опредѣленнымъ для каждой философской науки въ гимназіяхъ; другое преимущество состоитъ въ систематической связи всѣхъ частей между собою. Таковое пріобрѣтеніе для всѣхъ частей философіи учебныхъ книгъ, сочиненныхъ однимъ и тѣмъ же ученымъ и по одинакому плану, можетъ почесться весьма значущимъ и полезнымъ. Не маловажна и та выгода, что симъ способомъ большая часть нашихъ учебныхъ книгъ, выходя изъ рукъ ученыхъ нашихъ соотечественниковъ, не будутъ уже иноземными плодами, привезенными въ Россію". Что касается примѣчаній ко всеобщей грамматикѣ, то правленіе разсуждало, что „по ея краткости, сообразной съ планомъ ученія, примѣчанія на оную для учителей необходимо нужны. Сіи примѣчанія сверхъ прочихъ имѣютъ и то достоинство, что простираются на всѣ языки, преподаваемые въ гимназіяхъ, даже и на Россійскій, котораго естественныя и отличительныя свойства сочинитель повидимому съ великимъ прилѣжаніемъ старался узнать въ продолженіи двухъ лѣтъ пребыванія его въ Россіи" (Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла Гл. Правл. Учил. Папка № 8, журн. 10-го февраля 1809 г.). Примѣчанія, впрочемъ, напечатаны не были.

[2]) Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла Гл. Пр. Учил., папка № 8, журн. 2-го декабря 1809 года.

правленіемъ и Якобомъ произошла размолвка. Въ журналѣ 17-го августа 1811 года находимъ слѣдующую любопытную запись: „Читано донесеніе Г. Профессора Якоба, въ коемъ представляетъ, что, по его замѣчанію, Правленіе на переводъ и напечатаніе сочиненныхъ имъ учебныхъ книгъ столь малое обращаетъ вниманіе, что ему даже не удавалось на частыя его представленія и просьбы удостоиться отвѣта, какія взяты мѣры для предположеннаго перевода и напечатанія оныхъ. Въ продолженіе трехъ лѣтъ все почти время употребилъ на сіе сочиненіе, оставивъ всѣ прочія занятія, приносящія ему выгоды. Онъ ласкался надеждою приобрѣсти одобреніе и доказать усердіе къ новому его отечеству. Почему должно быть весьма обидно, что имѣя таковое рвеніе, принужденъ замѣтить, что рукописи его уже два года лежатъ, и не принимается съ ними ничего соотвѣтственнаго съ ихъ цѣлію. Г. Министръ увѣрялъ его словесно, что онъ дѣла сего не задерживаетъ, и ожидаетъ только представленія, дабы ускорить теченіе онаго; а потому онъ никакъ не можетъ отгадать, какія причины удерживаютъ Правленіе отъ исполненія принятаго онымъ намѣренія, и остается ему вторично просить не держать долѣе безъ дѣйствія представленныхъ отъ него рукописей, и приказать поспѣшить переводомъ и напечатаніемъ оныхъ... При чемъ приложивъ экземпляръ 4-го изданія своей психологіи, не давно полученный имъ изъ Германіи, изъясняетъ, что тамъ учебныя его книги въ большемъ употребленіи, и онъ можетъ быть справедливо ласкается, что сочиненныя имъ для Россійскихъ Гимназій будутъ также соотвѣтствовать своей цѣли. Если Правленію угодно будетъ сравнить сію книгу съ рукописною Психологіею, сочиненною имъ для Гимназій, то оно увѣрится, что послѣдняя обработана совсемъ по другому плану, сообразно своей цѣли; такимъ же образомъ и всѣ книги, сочиненныя имъ для Гимназій въ семъ отношеніи и сходно съ ихъ употребленіемъ, писаны иначе, нежели нѣмецкія его учебныя книги, въ чемъ каждый, употребивъ трудъ для сличенія оныхъ, ясно увѣрится“.

Правленіе сочло долгомъ оправдаться. Оно указало, что „выправка перевода всеобщей Грамматики, также самый переводъ Психологіи и Нравственной Философіи отложены были до прибытія изъ чужихъ краевъ Студентовъ, которыхъ Правленіе имѣло въ виду для сего труда“. Медленность печатанія объяснялась невозможностью для академической типографіи справиться со всѣми казенными работами [1]).

[1]) Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла Гл. Пр. Учил. Папка № 8, журн. 17-го августа 1811 года.

Якобъ удовлетворился данными объясненіями и въ 1812 году представилъ всѣ остальныя части своего философскаго курса: 1) Das Compendium der Aesthetik, 2) der Rhetorik, 3) der Natur und Völkerrechts, 4) der politischen Oeconomie. Такимъ образомъ, Якобъ сочинилъ полную серію книгъ согласно съ Высочайше утвержденнымъ начертаніемъ учебныхъ заведеній. Всѣ эти книги въ общемъ занимали *около 200 печатныхъ листовъ*. Несмотря однако на невозможный въ педагогическомъ отношеніи объемъ, Правленіе признало ихъ „равномѣрно достойными къ принятію и введенію въ употребленіе въ Гимназіяхъ, какъ по ясности, точности и методѣ оныхъ, такъ и неослабному вниманію, съ каковымъ сочинитель соображалъ всѣ сіи разные курсы, какъ между ними самими, такъ и съ планомъ ученія для Гимназій установленнаго, и со временемъ, каковое можно въ оныхъ посвятить на разныя части философіи". Вмѣстѣ съ тѣмъ рецензентъ Правленія отмѣчалъ, что *„не знаетъ никого въ Россіи, кто бы лучше Якоба могъ совершить сей сколь полезный, столь и тяжстный трудъ"* [1]).

По отпечатаніи всѣхъ книгъ Якоба правленіе сверхъ выданнаго ему большого денежнаго вознагражденія представило министру народнаго просвѣщенія объ исходатайствованіи у государя награды сочинителю въ видѣ ордена св. Владиміра. Министръ же сдѣлалъ распоряженіе *„о предписаніи всѣмъ Гимназіямъ, дабы отнынѣ учители оныхъ руководствовались сими сочиненіями,* и чтобы въ каждой Гимназіи начато сіе было съ начатіемъ преподаванія новаго курса, такъ чтобы начатые курсы по сочиненіямъ, коими прежде руководствовались, были по тѣмъ же авторамъ и окончаны" [2]).

Между тѣмъ еще въ 1811 году съ дозволенія министра были исключены изъ числа учебныхъ предметовъ петербургской губернской гимназіи политическая экономія, коммерческія науки, финансы, эстетика и философическая грамматика, „какъ принадлежащія, по своему содержанію, болѣе Университетамъ, нежели Гимназіямъ", а вмѣсто нихъ было обращено особенное вниманіе на преподаваніе Закона Божія, географіи, исторіи, математики, русской и иностранной словесности, а также латинскаго и греческаго языковъ [3]).

---

[1]) Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла Гл. Правл. Уч. Папка № 8, журн. 27-го іюня 1812 года.

[2]) Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла Гл. Правл. Уч. Папка № 9, журналы 4-го марта 1814 г. и 15-го декабря 1815 г.

[3]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 297, дѣло № 20049. Эта реформа была частичнымъ примѣненіемъ проекта новаго учебнаго плана, предложеннаго С. С. Ува-

Опытъ оказался удачнымъ, и въ 1817 году главное правленіе по представленію петербургскаго попечителя о распространеніи этого преобразованія на всѣ губернскія гимназіи, предлагало университетамъ разсмотрѣть, „какія они по Гимназіямъ найдутъ перемѣны необходимыми“. Всѣ округа въ принципѣ присоединились къ плану ученія, выработанному петербургской гимназіей [1]).

Въ томъ же 1817 году былъ образованъ при главномъ правленіи особый комитетъ для разбора элементарныхъ и другихъ учебныхъ книгъ. Комитетъ этотъ въ мартѣ 1818 года получилъ названіе ученаго комитета. Назначеніе его заключалось главнымъ образомъ въ томъ, „чтобы народное воспитаніе, основу и залогъ благосостоянія государственнаго и частнаго, посредствомъ лучшихъ учебныхъ книгъ направить *къ истинной высокой цѣли, къ содержанію въ составѣ общества постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрою, вѣденіемъ и властію; или, другимъ выраженіемъ, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ*“ [2]). Между прочимъ комитетъ долженъ былъ, по инструкціи, особенное вниманіе обратить на сочиненія по философскимъ и естественнымъ наукамъ.

Одинъ фактъ достаточно краснорѣчиво характеризуетъ дѣятельность этого новаго учрежденія: въ ученомъ комитетѣ было сдѣлано предложеніе изъять изъ обращенія тотъ журналъ, который издавался при министерствѣ въ первые годы его существованія подъ заглавіемъ: „Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія“. Журналъ представлялся опаснымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ распространитель вредныхъ идей, и рекомендовалось замѣнить его собраніемъ законовъ и правилъ на подобіе „Almanach de l'Université de France“ [3]). Хотя это предложеніе и не было принято, однако самая возможность внесенія подобнаго проекта свидѣтельствуетъ о полномъ измѣненіи взглядовъ министерства на задачи народнаго образованія. Съ прошлымъ рѣшительно порывали.

ровымъ, въ то время попечителемъ петербургскаго округа. Объ этомъ см. *Воронов* „Историко-стат. описаніе учебн. заведеній С.-Пб. учебнаго окр.“, т. I, стр. 214. *Шмидъ*. „Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи“ С.-Пб. 1878, стр. 86 сл. *Милюковъ*. „Очерки по исторіи русск. культуры“, вып. 2, стр. 214—215.

[1]) Тамъ же.

[2]) Изъ инструкціи комитету, составленной А. С. Стурдзой и утвержденной 5-го августа 1818 г.

[3]) *С. В. Рождественскій*. „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія“. С.-Пб. 1902, стр. 114.

Уничтоженіе философской грамматики было однимъ изъ первыхъ дѣлъ ученаго комитета. Уже 23-го апрѣля 1818 года камеръ-юнкеръ А. С. Стурдза [1]), назначенный его членомъ, представилъ свое „мнѣніе“, въ которомъ подвергъ грамматику Якоба подробнѣйшему разбору.

„Каждая вѣтвь человѣческихъ познаній“, писалъ онъ, „а тѣмъ болѣе начертаніе *Науки новой и отвлеченной* требуетъ прежде всего *опредѣленія*, посредствомъ коего можнобъ было приобрѣсть существенное понятіе о ея предметѣ. Упущеніе предварительнаго сего правила, замѣчаемое во *Всеобщей Грамматикѣ*, г. профессора Якоба, было бы еще малозначущимъ недостаткомъ, еслибъ вмѣстѣ съ симъ, сочинитель не уклонился въ *начертаніи* своемъ отъ главнѣйшихъ началъ, долженствующихъ служить основаніемъ сей наукѣ.

„Изслѣдователи отвлеченныхъ наукъ согласуются уже въ томъ, что подъ именемъ *Всеобщей Грамматики* разумѣть должно *образованіе слова вообще*, т. е. сложность вещественныхъ и умственныхъ началъ, могущихъ объяснить образованіе всѣхъ языковъ. Всеобщія же начала суть законы видимой природы, начертанные Перстомъ Міротворца.

„Сочинитель разсмотрѣнной нами книги, упраздняя *законы Слова*, созидаетъ языки рукою *Произвола*, отъ *коего*,—по утвержденію его,—зависитъ все достоинство *словеснаго языка*.

„Такимъ образомъ говоритъ онъ въ своемъ введеніи (§ 4), что членообразные звуки, *смотря по тому*, какъ они употребляются для

---

[1]) *А. С. Стурдза* (1791—1854) былъ приглашенъ въ ученый комитетъ княземъ А. Н. Голицынымъ, оцѣнившимъ въ молодомъ чиновникѣ не только способности и знанія, но и опредѣленную окраску политико-религіозныхъ убѣжденій, которыя отвѣчали требованіямъ времени. Стурдза какъ въ области литературныхъ, такъ и въ области общественныхъ вопросовъ склонялся всегда на сторону консервативныхъ элементовъ Александровской эпохи. Въ 1818 году онъ написалъ книгу „Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne“, въ которой высказался противъ нѣмецкихъ университетовъ. По словамъ А. И. Тургенева, Стурдза въ данномъ случаѣ говорилъ „о предметѣ, ему неизвѣстномъ“ („Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ“, т. I, стр. 160). См. блестящую характеристику этой книги, данную А. И. Тургеневымъ, тамъ же, стр. 169—170. Для пониманія новыхъ тенденцій въ министерствѣ народнаго просвѣщенія второй половины царствованія Александра эта книга можетъ служить хорошимъ матеріаломъ. О Стурдзѣ см. *Диктіадисъ*. „Краткое свѣдѣніе о жизни и трудахъ А. С. Стурдзы“. Одесса 1854; *И. А. Чистовичъ*. „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи“. С.-Пб. 1894. Содержаніе книги Стурдзы о Германіи обстоятельно изложено у *Сухомлинова* въ „Матеріалахъ для исторіи образованія въ Россіи“, т. II, стр. 22—23, или въ „Изслѣдованіяхъ и статьяхъ“, т. I, стр. 181—183.

произвольнаго означенія понятій, называются *словами*. Что (§ 5) *говорить* значитъ *произносить слова, какъ членообразные звуки*. Далѣе (§ 7) говоритъ онъ: „впрочемъ словесный языкъ *заслуживаетъ преимущество предъ всѣми*, ибо знаки для разумнаго употребленія тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ *болѣе подлежатъ произвольному употребленію людей*, чѣмъ болѣе обстоятельствъ, въ которыхъ могутъ быть *употребляемы* и *производимы по произволу*".

„Притомъ сочинитель полагаетъ (§ 9), что *поелику выборъ словъ зависитъ отъ произвола*, то легко заключить можно, что всѣ не могутъ употреблять однѣ и тѣ же слова для означенія одинаковыхъ мыслей. Впрочемъ (продолжаетъ онъ), тѣ, кои хотятъ употреблять языкъ для взаимнаго сообщенія своихъ мыслей, *должны согласиться* въ употребленіи одинакихъ словъ.

„Слѣдуетъ потомъ статья *о возможности словеснаго языка вообще*, гдѣ (§ 10) авторъ начинаетъ тѣмъ, что органическое строеніе тѣла человѣческаго, между прочимъ доставляетъ человѣку способность *произвольно располагать нѣкоторыми органами*, отъ чего (говоритъ онъ) выходитъ то, что мы называемъ голосомъ. Наконецъ, предъ заключеніемъ сей статьи сочинитель утверждаетъ, что *произволъ весьма мало перемѣнялъ въ разсужденіи изобрѣтенія слоговъ*; *но что онъ гораздо болѣе дѣйствуетъ въ разсужденіи соединенія слоговъ и что еще большая свобода примѣчается въ разсужденіи словъ и предложеній*.

„Доказывать *возможность* словеснаго языка—*признавать произволъ* причиною, побудившею *избрать* оный *предпочтительно* предъ всѣми прочими—признавать, слѣдовательно, существованіе словеснаго языка слѣдствіемъ *произвола людей*, ограждать бытіе каждаго языка *условіемъ изобрѣтателей* и почитать такимъ образомъ *словесный міръ* неодержимымъ никакою силою естественныхъ законовъ, значитъ разторгнуть союзъ между симъ міромъ и природой и тѣмъ уничтожить таинство небеснаго дара отличающаго насъ отъ животныхъ.

„Но каковы бы впрочемъ ни были умствованія сочинителя, начертаніе оныхъ не выполняетъ еще того, что необходимо существу грамматики *Всеобщей*. И книга его есть не иное что, какъ обезображенное умозрѣніе давно извѣстныхъ грамматикъ, въ коемъ недостаютъ примѣры, необходимые къ поясненію тѣхъ многосложныхъ формъ и формулъ, которыхъ отвлеченность содѣлываетъ сочиненіе сіе праздноумственнымъ и безплоднымъ.

„Почитая излишнимъ обличить здѣсь невразумительность и дикость перевода сей книги, во всѣхъ отношеніяхъ безуспѣшной, мы ограничи-

ваемся изложеніемъ вышеприведенныхъ *примѣровъ;* и обязаны будучи подавать мнѣніе наше о *полезности* учебныхъ книгъ, для юношества издаваемыхъ, скажемъ не обинуясь, что мы *не находимъ полезности* не токмо во *всеобщей Грамматикѣ* г. Якоба, но и ни въ какой другой, подъ симъ заглавіемъ доселѣ извѣстной, не находимъ *потому,* что ни одна изъ нихъ не представляетъ намъ тѣхъ *коренныхъ началъ слововпадѣнія,* которыхъ сложность могла бы открыть не грамматическія правила, нами поставленныя, не произвольное употребленіе и сопряженіе словъ, но непреложные и отъ насъ независящіе законы вещественнаго и умственнаго образованія всѣхъ языковъ.

„Сіе безпристрастное сужденіе побуждаетъ насъ ознаменовать сію 2-ую часть курса философіи г. Якоба, какъ книгу не токмо *безполезнѣйшею,* но даже вредною потому, что она ввергаетъ умъ въ хаосъ и что употребленіе оной служило бы законнымъ поводомъ къ похищенію златаго времени у юношества, которое можетъ съ успѣхомъ посвятить оное другимъ наукамъ.

„Въ ожиданіи щастливѣйшихъ временъ воцаренія *науки слова,* мы убѣждены между тѣмъ, что всѣ языки суть постепенныя отмѣны языка первобытнаго, убѣждены въ его совершенствѣ, которое зависѣло отъ согласія простыхъ и свѣтлыхъ понятій первороднаго ума, смутными нашими познаніями неомраченнаго, убѣждены и не усумняемся въ томъ, что языки стали изкажаться по мѣрѣ превращенія нравовъ и размноженія толковъ и толкователей; увѣрены и въ томъ, что для повѣданія *коренныхъ началъ языковъ* нужно не умственное созерцаніе и доводы, но наблюденіе существа языковъ *для разложенія словъ и понятій,* могущаго нѣкогда указать намъ *природную ихъ связь и свойственныя* каждому отношенія; слѣдовательно, не видя ни малѣйшей пользы въ преподаваніи всеобщей грамматики на столь *произвольныхъ* основаніяхъ, питающихъ одно самонадѣяніе въ юношествѣ, но не просвѣщающихъ онаго, заключаемъ, что надлежало бы, впредь до появленія истинной всеобщей грамматики, отстранить совершенно отъ системы ученія въ гимназіяхъ разсмотрѣнную нами книгу. Въ предложенной комитету инструкціи между прочимъ сказано: „Изслѣдованія о свойствѣ языковъ надлежитъ устремлять къ подтвержденію истинъ, открытыхъ *вѣрою* или простымъ умозрѣніемъ“. Но *тезу* г. Якоба *о произвольномъ составленіи языковъ* невозможно согласить съ сими истинами ниже съ простымъ, всеобщимъ здравымъ разсудкомъ“ [1]).

[1]) Арх. Мин. Нар. Просв. Карт., № 296, дѣло № 20022. Вездѣ курсивъ подлинника.

Въ соотвѣтствіи съ этой запиской 24-го апрѣля 1818 года ученый комитетъ опредѣлилъ: „Представить Главному Училищъ Правленію, что Комитетъ, по разсмотрѣніи прописанныхъ въ семъ мнѣніи причинъ, нашедъ оныя справедливыми и основательными, полагаетъ преподаваніе всеобщей грамматики отнынѣ во всѣхъ гимназіяхъ прекратить и употребляемыя доселѣ для сей науки часы посвятить другимъ упражненіямъ, въ особенности по части Словесности".

Главное правленіе училищъ постановило „утвердить мнѣніе Ученаго Комитета во всей силѣ и привести въ исполненіе, давъ знать всѣмъ Господамъ Попечителямъ" [1]).

26-го іюня 1818 года ученый комитетъ, разсматривая планъ ученія новооткрываемой Саратовской гимназіи, нашелъ „полезнымъ и необходимо нужнымъ ограничить число предметовъ... во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ нашихъ преподаваніемъ въ надлежащемъ пространствѣ и совершенствѣ языковъ, Закона Божія, всеобщей и Россійской Исторіи и Географіи, Ариѳметики, Геометріи и другихъ наукъ, нужныхъ и полезныхъ во всякомъ званіи и извѣстныхъ подъ именемъ *Litterae humaniores*, а Статистику, Политическую Экономію, Философію, высшую Математику, Эстетику, всеобщую Грамматику и умозрительное правовѣденіе предоставить единственно университетамъ" [2]).

Это опредѣленіе по случайному частному вопросу вызвало попытку составить новое расписаніе.

---

[1]) Слѣдующая выписка изъ журнала главнаго правленія училищъ 26-го іюня 1818 г. не оставляетъ сомнѣній въ зависимости рѣшенія правленія отъ мнѣнія Стурдзы: „*Статья XXI.* Слушано представленіе ученаго комитета главнаго правленія училищъ, отъ 30-го мая за № 711, о томъ, что онъ признаетъ *Всеобщую Грамматику*, сочиненную Г. Якобомъ и изданную для преподаванія въ гимназіяхъ, не инымъ чѣмъ, какъ обезображеннымъ умозрѣніемъ давно извѣстныхъ грамматикъ и вообще сочиненіемъ праздноумственнымъ и безплоднымъ и не находитъ полезности не только въ сей книгѣ, но и ни въ какой другой, подъ симъ названіемъ доселѣ извѣстной, не находитъ потому, что ни одна изъ нихъ не представляетъ коренныхъ началъ слововѣдѣнія, способствующихъ къ открытію законовъ вещественнаго и умственнаго образованія всѣхъ языковъ. Посему комитетъ полагаетъ преподаваніе всеобщей грамматики отнынѣ во всѣхъ гимназіяхъ прекратить, а употребляемые доселѣ для сей науки часы посвятить другимъ упражненіямъ, въ особенности по части Словесности, о чемъ и представляетъ на уваженіе главнаго училищъ правленія. *Опредѣлено:* утвердить мнѣніе ученаго комитета во всей силѣ и привести въ исполненіе, давъ знать всѣмъ Господамъ Попечителямъ".

Судя по отмѣткѣ, выписки по ст. XXI были посланы 16-го іюля попечителямъ Виленскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго, Петербургскаго и Дерптскаго округовъ.

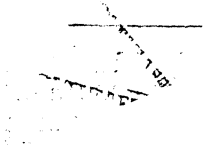
[2]) Арх. Мин. Нар Просв. Карт., № 297, дѣло № 20019.

24-го августа 1818 года А. С. Стурдза прочелъ въ засѣданіи комитета новую записку, въ которой прежде всего высказался относительно назначенія гимназій и университетскихъ пансіоновъ. Взглядъ Стурдзы опредѣлялся слѣдующими главными положеніями: 1) курсъ ученія всѣхъ безъ изъятія гимназій и пансіоновъ долженъ быть приготовительнымъ; 2) университетскіе пансіоны, „дабы не подрывать существованія университетовъ и дабы могли они состоять во взаимнополезномъ къ нимъ отношеніи, должны оканчивать свой курсъ ученія тамъ, гдѣ начинается университетскій, т. е. тамъ, гдѣ древо воспитанія, восходящее изъ почвы земной до нѣкоторой высоты, единообразнымъ корнемъ, вдругъ разходится, дробясь на многія вѣтьви и отрасли, по мѣрѣ необъятнаго разнообразія званій и путей въ общественной жизни“ [1]).

Эти соображенія ученый комитетъ сопровождалъ „непоколебимымъ убѣжденіемъ, что бо́льшаго числа предметовъ въ естественные предѣлы приуготовительнаго воспитанія совмѣстить не должно и невозможно“.

Приведенные документы раскрываютъ всю исторію преподаванія всеобщей грамматики: если введеніе этого учебнаго предмета не было случайностью, а находилось въ связи съ культурными теченіями Александровской эпохи, то и уничтоженіе его зависѣло отъ измѣнившихся условій русской жизни въ послѣдніе годы царствованія Александра. Объ этомъ говоритъ весь тонъ записки Стурдзы, подчеркивавшаго вредъ понятія „произволъ“. Это же подтверждается и напоминаніемъ Стурдзы объ инструкціи ученому комитету, которая указывала, что „изслѣдованія о свойствѣ языковъ надлежитъ устремлять къ подтвержденію истинъ, открытыхъ *вѣрою*“. Главное правленіе училищъ не обнаружило гражданскаго мужества и не только не пыталось защитить свою прежнюю высокую оцѣнку трудовъ Якоба, но даже побоялось напомнить о ней. Оно ограничилось утвержденіемъ мнѣнія комитета „во всей силѣ“.

Такъ прекратила свое кратковременное существованіе всеобщая грамматика.



[1]) Тамъ же.